

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФГБОУ ВПО «ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МИХАЛЕВСКАЯ Анна Сергеевна

**МИФ И НАУКА:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, доцент
Кудряшова Татьяна Борисовна

Иваново – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ОКОЛОНАУЧНАЯ МИФОЛОГИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИФА И НАУКИ.....	17
§1. Особенности социального взаимодействия мифа и науки	17
§2. Многоуровневость взаимодействия мифа и науки как фактор неоднозначности оценки околонучной мифологии.....	32
Глава II. ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МИФА И НАУКИ.....	49
§1. Социальная онтология мифа и науки в сопоставительном аспекте	49
§2. Сравнительный анализ историко-гносеологических ролей мифа и науки	66
Глава III. СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИФА И НАУКИ И ИХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ РОЛЬ.....	84
§1. Мифологические компоненты в социальном и когнитивном бытовании науки.....	84
§2. Актуальная проблематика дискурса околонучной мифологии.....	94
§3. Проблемы взаимодействия мифа и науки в современном российском обществе	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	119
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	122

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Одной из отличительных черт современного социума является актуализация в нем синтеза разных символических форм культуры. Подобный синтез возникает в результате социального взаимодействия его участников, но имеет также когнитивную основу. В настоящее время в обществе функционирует комплекс благоприятных условий для взаимодействия, и уровне личного, и на уровне общественного сознания, на первый взгляд несовместимых символических программ мышления и типов мировоззрения. В частности, речь идет о мифе и науке. Миф, как сложное амбивалентное образование, демонстрирует устойчивость своих структурных элементов, бытует и развивается в рамках современной социокультурной ситуации и продолжает быть включенным во все сферы жизнедеятельности человека, даже такие, казалось бы, отстраненные от мифологической составляющей, как наука. В своей социальной жизни наука вступает во взаимодействие и с другими символическими формами культуры, но исследование ее взаимодействия с мифом представляет особый философский интерес. Для общества это выражается в том, что возникают формы социальной активности синтетического типа и измененные знаково-символические системы, становящиеся особыми средствами коммуникации. Эти результаты можно оценивать по-разному, выделяя и положительные, и отрицательные стороны. Тем не менее, сложно отрицать, что взаимодействие мифа и науки становится одной из тенденций современной культуры, а околонучная мифология все более утверждается как особый язык, все более распространяющийся способ постижения и понимания мира, формируя особый тип социальной реальности и коммуникации. Данный тип социальной реальности и коммуникации является той средой, где сталкиваются, взаимодействуют интересы, мировоззрения людей, по-разному

относящихся к отдельным проявлениям устоявшихся и формирующихся форм культуры в общественной жизни, в частности, к мифу и науке.

В современном обществе происходит активное взаимодействие мифа и науки. Причины этого процесса носят не только социокультурный характер, но и онто-гносеологический. В связи с этим, обнаруживается не только негативное, но и позитивное креативное значение подобного взаимодействия как для мифа, так и для науки. Хотя вопрос о социальном статусе околонаучных форм активности остается спорным.

Его решению может способствовать исследование взаимодействия мифа и науки, поскольку без знания сущности мифа остается нераскрытым, не эксплицированным вопрос о взаимодействии природы, общества и культуры, о генезисе науки, об основах творческой научной деятельности, о расширении социальной роли науки и ее влиянии на развитие общества. Исследование сущности современного мифотворчества также невозможно в отрыве от рассмотрения актуальных социальных практик, формируемых средствами массовой информации.

Исследование околонаучной мифологии, как результата взаимодействия мифа и науки, значимо, поскольку сфера социальной реальности, формируемая такими процессами, постоянно расширяется.

Степень разработанности проблемы. Весь комплекс литературы, в которой, так или иначе, исследуются данные аспекты, делится на несколько групп, связанных с феноменами, играющими основополагающую роль для работы. Это исследования околонаучной мифологии как социального явления; когнитивных и общественно-формируемых условий бытования околонаучной мифологии; демаркации науки и околонаучной мифологии; структуры околонаучного знания; социальной роли, онтологии и гносеологических оснований мифа; сущности науки как модуса существования социальной действительности и важнейшего фактора общественного развития. Это также социологические исследования и анализ современного общества на предмет динамики его образовательного уровня,

основных мировоззренческих установок, отношения к информации, транслируемой СМИ и СМК, научными источниками, народной мифологией и т.д., в частности исследования Л. Г. Ионина, И. А. Каировой, Г. В. Осипова, А. Н. Кольева, Р. А. Зобова, В. Н. Келасьева, А. В. Ставицкого¹.

Среди исследований теории мифа мы выделяем две группы работ.

Первую группу исследований составляют работы по социальной онтологии и феноменологии мифа. Значимый вклад в исследование мифа внесли романтики, в частности, Шеллинг². Исходя из концепции Шеллинга, миф представляет собой форму бытия человека. Им была развита идея об интегративной миссии мифа. Эти идеи в дальнейшем воплотились в теориях З. Фрейда, К. Юнга, Э. Кассирера. Д. Фрезером, Л. Леви-Брюлем, Э. Дюркгеймом, Б. Малиновским³ и другими представителями этнографической школы и исследователями, занимавшихся вопросами

¹ *Ионин, Л. Г.* Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) [Текст] / Л.Г. Ионин // Социологические исследования. 1995. - № 4. - С. 3-14; *Каирова, И.А.* Социальное мифотворчество в современном российском медиапространстве [Текст] / И.А. Каирова: автореферат дисс. ... к. филос. н. - Ростов н/Д, 2012; *Осипов, Г.В.* Социология и социальное мифотворчество [Текст] / Г.В. Осипов. - М.: Издательство НОРМА, 2002. - 656 с.; *Осипов, Г.В.* Социальное мифотворчество и социальная практика [Текст] / Г.В. Осипов. - М.: Издательство НОРМА, 2000. - 543 с.; *Кольев, А.Н.* Политическая мифология: реализация социального опыта [Текст] / А.Н. Кольев. - М.: Логос, 2003. - 384 с.; *Зобов, Р. А., Келасьев, В.Н.* Социальная мифология России и проблемы адаптации [Электронный ресурс] / Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев. - Режим доступа: <http://www.psychodic.ru/arc.php?page=405>; *Ставицкий, А.В.* Современный миф как объект научного исследования: основные подходы к проблеме [Текст] / А.В. Ставицкий // Вестник СевГТУ. - Вып. 56: Философия: Сб. науч. тр. - Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2004. - С. 130-139.

² *Шеллинг, Ф.* Соч. В 2 т., Т. 1 [Текст] / Ф. Шеллинг. - М., 1987. - 637 с.

³ *Фрейд, З.* Тотем и табу [Текст] / З. Фрейд. - М., 2002. - 384 с.; *Юнг, К.-Г.* Архетипика мифа [Текст] / К.-Г. Юнг // Душа и миф. Шесть архетипов. - М., 2008. - 314-347 с.; *Юнг, К.-Г.* Введение в сущность мифологии [Текст] / К.-Г. Юнг // Душа и миф. Шесть архетипов. - М., 2008. - С. 5 -86.; *Фрезер, Дж.* Золотая ветвь [Текст] / Дж. Фрезер. - М., 1986. - 831 с.; *Кассирер, Э.* Философия символических форм [Текст] / Э. Кассирер / Пер. с нем. С. А. Ромашко. - М.: Университетская книга, 2002. - 271 с.; *Леви-Брюль, Л.* Первобытное мышление [Текст] / Л. Леви-Брюль. - СПб., 1997. - 256 с.; *Дюркгейм, Э.* Элементарные формы религиозной жизни [Текст] / Э. Дюркгейм // "Социология религии. Реферативный журнал", 1991. - № 4 (ИНИОН РАН). - С. 67 - 84.; *Малиновский, Б.* Магия, наука и религия. Направления: Антропология религии. Религии: Ранние формы [Текст] / Б. Малиновский. - М.: Рефл-бук, 1998. - 304 с.

первобытной культуры, также был сделан значительный вклад в изучение особенностей мифомышления. З. Фрейд, К. Юнг и некоторые другие представители постюнгианской школы основали так называемое психоаналитическое направление в изучении вопросов связанных с природой мифотворчества. Так, с точки зрения З. Фрейда, миф является аллегорическим отображением сексуальных влечений. К. Юнг видит в мифах проявление архетипов. По теории Э. Кассирера основа мифологического сознания покоится на его символической природе. С этой точки зрения, все предметы и явления являются символами, и поле их значений вовлечено во все сферы жизнедеятельности человека. К. Леви-Строссом¹ был внесен существенный вклад в определение места мифа в культуре, и, в частности, им была подробно описана логика мифомышления. По его теории миф является объективно существующей структурой. М. Элиаде² в своих исследованиях мифа отталкивался от идеи, что миф представляет собой адаптирующуюся гибкую структуру, приспособляющуюся к новым культурным формам, и он не может быть искоренен, он будет бытовать, пока человек обладает желанием выйти за пределы своего временного. Особая роль в развитии теории мифа принадлежит А. Ф. Лосеву³, который занимался вопросами мифа более 60 лет. В его концепции ключевой является идея, что миф не является изобретением человеческой мысли, а есть воплощение самой жизни. Так, все существующее в рамках культуры – мифично, а миф представляет собой имя, тождество образа и идеи. Важную роль в

¹ *Леви-Строс, К.* Мифологики [Текст] / К. Леви-Строс. - М., 2000. – 399 с.; *Леви-Строс, К.* Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Строс. - М., 1985. – 314 с.; *Леви-Строс, К.* Тотемизм сегодня [Текст] / К. Леви-Строс. - М., 1994. – 289 с.

² *Элиаде, М.* Аспекты мифа [Текст] / М. Элиаде. - М.: Академический проект; Парадигма, 2005. – 202 с.

³ *Лосев, А.Ф.* Античный космос и современная наука [Текст] / А.Ф. Лосев. - М.: 1993. – 550 с.; *Лосев, А. Ф.* Миф. Число. Сущность [Текст] / А.Ф. Лосев. - М.: Мысль, 1994. – 920 с.; *Лосев, А. Ф.* Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе [Текст] / А.Ф. Лосев. // Литература и живопись. - Л.: Наука, 1982. - С. 31-65.

исследовании аспектов мифологического сознания внесли работы ивановских философов С. П. Бобровой и М. Ю. Тимофеева¹.

Вторую группу исследований составляют работы по изучению гносеологической роли в истории и инструментов мифа. Помимо вышеназванных исследователей в отдельный ряд мы ставим исследования Ф. Х. Кессиди, К. Хюбнера и Я. Э. Голосовкера². Так Ф. Х. Кессиди в работе «От мифа к логосу» дал гносеологическую картину перехода от мифа к философии. Им был осуществлен подробный анализ мифа, его свойств и содержания, как познавательной формы.

Исследования К. Хюбнера и Я. Э. Голосовкера показали, что миф как форма постижения мира имеет собственную логику, а, следовательно, может претендовать на особую рациональность. В этой связи мы также отмечаем работу С. И. Масаловой³, которая, опираясь на категорию «гибкая рациональность», раскрывает сущность рациональных оснований различным форм познания, в том числе и мифа.

К важным для нас аспектам научной рациональности и рациональности в целом в своих исследованиях обращались О. Е. Баксанский, С. Б. Крымский, С. Ф. Мартынович, С. П. Позднева, В. С. Степин⁴.

¹ *Боброва, С.П.* Мифологическое сознание как система [Текст] / С.П. Боброва. - Иваново, 2002. - 156 с.; *Тимофеев, М.Ю.* Социально-философское исследование специфики и эволюции мифологического сознания [Текст] / М.Ю. Тимофеев: Дис. канд. филос. наук. - Иваново, 1995. - 130 с.

² *Кессиди, Х. Г.* От мифа к логосу (Становление греческой философии) [Текст] / Х.Г. Кессиди. - М., 1997. - 367 с.; *Кессиди, Х.Г.* Миф и его отношение к познанию, религии и художественному творчеству [Текст] / Х.Г. Кессиди. // Вопросы философии. 1966. - №5. - С. 96 - 106.; *Хюбнер, К.* Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. - М.: Республика, 1996. - 312 с.; *Хюбнер, К.* Критика научного разума [Текст] / К. Хюбнер. - М., 2010. - 276 с.; *Хюбнер, К.* Философия науки и теология [Текст] / К. Хюбнер // Эпистемология и философия науки. 2006. - №4. - С. 17-35.; *Хюбнер, К.* Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема [Текст] / К. Хюбнер // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. - СПб, 1999. - С. 34 - 53.; *Голосовкер, Я. Э.* Логика мифа [Текст] / Я.Э. Голосовкер. - М.: Наука, 1987. - 544 с.

³ *Масалова, С.И.* Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от античности до Нового времени [Текст] / С.И. Масалова. - Ростов н/Дону, 2006. - 264 с.

⁴ *Баксанский, О.Е.* Козволюционные репрезентации современной направленности познания [Текст] / О.Е. Баксанский. - М.: Альтекс, 1999. - 172 с.; *Крымский, С.Б., Парохонский, Б.А.* Эпистемология культуры: Введение в обобщенную теорию познания

В исследовании сущности научной картины мира, науки как социального явления наиболее важными для нас являются выводы Т. Куна, К. Поппера, И. Лакатоса, М. Полани, Дж. Холтона, П. Фейерабенда, С. О. Хэнссона¹.

Поиск общей шкалы соизмеримости между мифологической и научной онтологией связан исследованиями Ю. М. Лотмана, А. А. Потебни, Т. Б. Кудряшовой².

Новые аспекты в исследованиях темы соотношения мифа и рациональной научной деятельности были обнаружены с постановкой проблемы ремифологизации, которая стала предметом социально философского исследования не так давно. Теме ремифологизации посвящены исследования в искусствоведении, литературоведении, культурологии и в философии. Здесь следует упомянуть следующих авторов: И. П. Ильин, В. А. Конев, Н. Б. Маньковская³.

[Текст] / С.Б. Крымский, Б.А. Парахонский. – К.: Наук.думка, 1993. – 216 с.; *Мартынович, С. Ф.* Современная философия науки [Текст] / С.Ф. Мартынович // Философия науки в информационном обществе. Материалы Первой межвузовской научной конференции, Саратов: Издательство “Саратовский источник”, 2010, - С. 6-53; *Позднева, С.П.* Человек в зеркале науки [Текст] / С.П. Позднева // Человек в современном мире. - Саратов, 2003. - С.13-16; *Степин, В.С.* Идеалы и нормы науки [Текст] / В.С. Степин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. - С. 263-265.

¹ *Кун, Т.* Структура научных революций [Текст] /Т. Кун. - М. 2002. – 608 с.; *Полани, М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии [Текст] / М. Полани. - М., 1985. - 343 с.; *Поппер, К.* Логика научного исследования [Текст] / К. Поппер / Под общ. ред. В. Н. Садовского. - М.: Республика, 2004. - 605 с.; *Холтон, Дж.* Что такое антинаука? [Текст] / Дж. Холтон // Вопросы философии. -1992. - №2. - С. 26-58.; *Фейерабенд, П.* Избранные труды по методологии науки [Текст] / П. Фейерабенд. - М., 1986. – 234 с.; *Hansson, S.O.* Defining Pseudoscience [Text] / S.O. Hansson // *Philosophia Naturalis*. 1996. № 33. - P. 169–176.

² *Лотман, Ю.М.* Культура и текст как генераторы смысла [Текст] / Ю.М. Лотман // Кибернетическая лингвистика. - М., 1983. – С. 104 – 122.; *Потебня, А.А.* Слово и миф [Текст] / А.А. Потебня. - М.: Правда, 1989. – 260 с.; *Кудряшова, Т.Б.* Онтология языков познания. К вопросу о внутренней форме языков культуры [Текст] / Т.Б. Кудряшова. Saarbrucken: LAMBERT Academic publishing. 2010. - 316 с.

³ *Ильин, И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа [Текст] / И.П. Ильин. - М.: Интрада, 1998. - 255с.; *Конев, В.А.* Человек в мире культуры (культура, человек, образование) [Текст] / В.А. Конев. - Самара, 1999, - 109 с.; *Маньковская, Н. Б.* Эстетика постмодернизма [Текст] / Н.Б. Маньковская. - СПб.: Алетейя, 2000 г. - 347 с.

Исследование ремифологизации является важной темой не только для философских размышлений. Оно нашла определенное место в представлениях ученых, занимающихся естественными науками, многие из которых выделяют определенные сходства между современными концепциями естествознания и учениями, например, древневосточного мистицизма (В. Гейзенберг, С. Гроф, Ф. Капра, В. В. Налимов, А. А. Гриб¹).

При выявлении социокультурных оснований различных проявлений феномена ремифологизации в социуме и исследовании форм околонучной мифологии мы опирались на концепции С. П. Щавелева, Ю. М. Сердюкова, Б. М. Пружинина, В. И. Арнольда, Д. В. Санникова, А. В. Ерахтина, Д. В. Головина, А. В. Юревича, Б. А. Ручкина².

В вопросе о демаркации науки и околонучного знания мы опирались

¹ *Гейзенберг, В.* Что такое элементарная частица [Текст] / В. Гейзенберг // Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – 173 с.; *Гроф, С.* За пределами мозга [Текст] / С. Гроф. – М.: 2000. – 504 с.; *Капра, Ф.* Дао физики [Текст] / Ф. Капра. – СПб., 1994. – 217 с.; *Налимов, В.В.* На грани третьего тысячелетия: Что осмыслили мы, приближаясь к XXI в. [Текст] / В.В. Налимов. – М.: Лабиринт, 1994. – 73 с.; *Гриб, А. А., Павлов, Ю. В.* Возможно ли увидеть бесконечное будущее Вселенной при падении в черную дыру? [Электронный ресурс] / А.А. Гриб. – Режим доступа: <http://www.mathnet.ru/links/4a0937277a1d357114095b1aed273c94/ufn735.pdf>

² *Касавин, И.Т., Щавелев, С.П.* Анализ повседневности [Текст] / И.Т. Касавин, С.П. Щавелев. – М.: Канон+, 2004. – 432 с.; *Сердюков, Ю. М.* Альтернатива паранауке [Текст] / Ю.М. Сердюков. – М.: Academia, 2005. – 308 с.; Пружинин, Б.И. Псевдонаука сегодня [Текст] / Б.И. Пружинин // Вестник РАН. – 2005. – №2. – С. 117-125; Арнольд, В.И. Антинаучная революция и математика [Текст] / В.И. Арнольд // Вестник РАН, 1999. Т. 69. – № 6. – С. 553-558; *Санников, Д. В.* Социокультурные основания паранаучной мифологии [Текст] / Д.В. Санников // Гуманитарные исследования, 2005. – №4 (16). – С. 22-28; *Ерахтин, А. В.* Диалектика становления мышления и сознания [Текст] / А.В. Ерахтин. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 152 с.; *Головин, Д. В.* Наука и паранаука: актуальность проблемы демаркации [Текст] / Д.В. Головин // Мировоззрение в контексте современной культуры (коллективная монография) / Под ред. проф. В. Н. Финогентова. – Орёл: ООО Полиграфическая фирма «Картуш», 2011. – С. 119-126; *Юревич, А.В.* Наука и рынок [Текст] / А.В. Юревич // Общественные науки и современность. – 1999. №1. – С. 29-38; *Ручкин, Б.А.* Проблема "Мифы и история": историческое обозрение [Текст] / Б.А. Ручкин // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2011. – № 1. – С. 237-276.

на исследования Ю. Н. Ефремова, Н. И. Мартишиной, В. М. Найдыша, С. И. Романовского, А. М. Конопкина¹.

Объектом исследования в данной работе является феномен взаимодействия мифа и науки в условиях, формируемых современным социумом.

Предмет исследования составляет околонаучная мифология как наиболее выраженная форма взаимодействия мифа и науки в обществе, онтогносеологические корни этого социального феномена и последствия влияния околонаучной мифологии на общественное сознание.

Цель исследования заключается в формировании целостного взгляда на социокультурные последствия как спонтанного, так и организованного взаимодействия мифа и науки на основе анализа комплекса причин этого явления разного уровня.

Задачи исследования:

1. Исследовать современные концепции понимания и объяснения околонаучной мифологии как социального феномена.
2. Создать систему критериев оценки процессов взаимодействия мифа и науки в современном обществе.
3. На основе предложенных критериев исследовать и оценить последствия бытования околонаучной мифологии в обществе, развитие

¹ *Ефремов, Ю.Н.*, Полищук Р.Ф. Государство и лженаука [Текст] / Ю.Н. Ефремов, Р.Ф. Полищук // В защиту науки / Отв. Ред. Э.П. Кругляков.: М.: Наука, 2006. - Бюлл. №1.- С. 105-110; *Мартишина, Н.И.* Наука и паранаука в духовной жизни современного человека [Текст] / Н.И. Мартишина. - Омск: Из-во ОмГТУ, 1997. - 178 с.; *Найдыш, В. М.* Будущее науки и квазинауки [Текст] / В. М. Найдыш // Наука и квазинаука / Под ред. В. М. Найдыша. М.: Альфа - М, 2008. - С. 301-316; *Романовский, С.И.* «Притащенная» наука [Текст] / С.И. Романовский. - СПб., 2004. - 348 с.; *Конопкин, А. М.* К вопросу о структуре псевдонауки: псевдонаука как девиантная интерпретация [Текст] / А.М. Конопкин // Эпистемология и философия науки. 2014 Т. 39. №1. - С. 152 – 173.

которого в настоящее время определяется, преимущественно, развитием наук и наукоемких технологий.

4. Выявить гносеологические и онтологические факторы, формирующие условия для социального взаимодействия мифа и науки.

5. Показать сходства и различия социальных механизмов, ведущих к появлению околонаучных мифов в естественнонаучной и гуманитарной сферах.

6. Исследовать специфику процессов взаимодействия мифа и науки в современной России и их влияние на состояние общества.

Теоретико-методологические основы исследования определяются целью, задачами, объектом и предметом исследования, которые потребовали применения соответствующих подходов и методов, принципов и концептуальных разработок. В работе использовались социально-феноменологический метод исследования социальной реальности, мифа и науки как её частей; традиции, восходящие к принципу всеединства; семиотический метод представления мифа и науки как языков культуры.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем на основе исследования мифа и науки как феноменов социальной реальности и символических программ мышления предложена оригинальная концепция их взаимодействия. Результаты исследования, представляющие **научную новизну**, состоят в следующем:

1. Дана новая социально-философская интерпретация феномена взаимодействия мифа и науки через исследование их онто-гносеологических оснований как выражение социальной, мировоззренческой и когнитивно-антропологической потребности в восстановлении целостности образа (картины) мира;

2. Выявлены и описаны социально-когнитивные установки, определяющие тенденции развития общественного сознания, лежащие в основе околонаучной мифологии.

3. Предложена трехуровневая исследовательская модель, характеризующая характер взаимодействия различных символических программ мышления.

4. На основе предложенной модели исследованы гносеологические и онтологические факторы стимулирующие эффективное взаимодействие мифа и науки в социальной среде.

5. Произведен анализ социальных последствий взаимодействия мифа и современной науки как важного источника и механизма социокультурных изменений.

6. Выявлена специфика социального бытования мифологической составляющей в гуманитарных и естественных науках.

7. Исследованы особенности феномена взаимодействия мифа и науки в отечественной культуре, проявляющиеся, главным образом, в сложности взаимопонимания сообществ с разным образовательным уровнем.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феномен сохранения мифа и мифотворчества даже в высокотехнологичных сообществах, где распространены наукоемкие технологии, свидетельствует о том, что миф живет в обществе и способствует трансформации других символических программ мышления. При взаимодействии мифа со сферой науки рождаются социальные феномены, объединенные понятием «околонаучная мифология».

2. Современная околонаучная мифология, активно тиражируемая в социальной среде, оказывает значительное влияние на формирование общественного мировоззрения (иногда путем манипуляции). Она выполняет функцию восстановления целостной картины мира через введение в нее элементов мифа взамен научных знаний.

3. Важные аспекты ментальности характеризуются через экспликацию взаимодействия различных символических программ мышления. Первый уровень, обозначающий внутреннее единство символических программ мышления, преимущественно характеризует ментальность креативного,

генеративного типа; второй, где происходит взаимодействие на уровне их отдельных внутренних форм, характеризует ментальность деятельностного, гносеологического типа; третий уровень взаимодействия поверхностных, внешних форм наиболее часто реализуется в широкой социальной среде, в массовом сознании и характеризует ментальность эклектичного, слаборефлексивного типа. Чаще всего это ведет к негативным социальным последствиям, выраженным в активном тиражировании околонуучной мифологии.

4. Ремифологизация как социальное и когнитивное явление, сопровождает развитие мифа и науки. В науке это указывает на ее скрытую «мифологичность», которая трудно поддается рефлексии, во многом архетипична и воспроизводится в виде компонентов, например, неявного личностного знания. Это, в определенном смысле, уменьшает разрыв между научной и массовой культурой и формирует благоприятную среду для синтеза мифа и науки в социуме.

5. Взаимодействие мифа и науки усиливается информационной средой. Более всего ремифологизации подвержены те сферы общественной жизни, в которых объем знаний обывателя незначителен. Это создает благоприятную почву для роста околонуучной мифологии, которая активно транслируется СМИ, ставшими неотделимой составляющей механизма ремифологизации и эксплуатирующими антропологическую потребность в мифе – в своих целях.

6. Формирование околонуучной мифологии в естественнонаучной и гуманитарной сферах происходит под влиянием неравнозначных факторов. Гуманитарные науки, подвергаясь ремифологизации, чаще всего испытывают на себе организованное влияние социокультурных феноменов (например, идеологии). Естественнонаучное знание «обрастает» сферой мифологии чаще всего под спонтанным воздействием когнитивных факторов подсознательного уровня, хотя воплощение этого явления происходит также в социальной среде.

7. Современный российский социум является благоприятной средой для распространения околонучной мифологии ввиду снижения его общего образовательного уровня. Однако в силу специфики отечественной культуры («культуры крайностей», по Н. А. Бердяеву), процесс социального взаимодействия мифа и науки способствует дополнительному непониманию между сторонами с высоким и низким образовательным статусом. В российском обществе не активизируются социальные регуляторы, способные снизить напряжение этого противостояния.

Теоретическая и практическая значимость работы. Полученные результаты и обобщения могут быть использованы при разработке методических и учебных пособий, курсов в ВУЗах по социальной философии, мифологии, философии и социологии науки, культурологии. Сделанные выводы могут быть использованы для дальнейшего анализа проблем социологии мифа и науки, их взаимодействия с другими символическими формами культуры, природы мифотворчества, ремифологизации других сфер социальной жизни. Концепция исследования может быть положена в основу социологического анализа состояния современного российского общества на предмет его разобщения или консолидации по признакам восприятия мифологической составляющей социальной реальности.

Апробация работы. Ключевые идеи настоящего исследования, отдельно взятые пункты и положения были представлены в форме докладов, тезисов и выступлений на 9 научных конференциях (региональные: «Фундаментальные науки – специалисту нового века» (Иваново, 2009, 2011, 2013), «Инновационные технологии в образовании» (Иваново, 2011); всероссийские: «Философия и/или интегративное знание – 3» (Ярославль, 2013); с международным участием «Актуальные проблемы современной когнитивной науки» (Иваново, 2010, 2012, 2013, 2014); международные «Теоретические и практические вопросы развития науки в современном

мире» (Уфа, 2013), «Вопросы развития филологии и литературы в России и мире. Современная литература и культурная традиция» (Казань, 2013).

Ключевые идеи и итоги диссертационного исследования отражены в 15 работах автора, в том числе в четырех статьях, опубликованных в журналах, включенных в Перечень ВАК.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Область диссертационной работы соответствует формуле специальности 09.00.11. – Социальная философия, поскольку касается рассмотрения модусов существования социальной действительности (миф, околонаучное мифотворчество, научное знание), организационных форм воспроизводства социальности (в частности, мифологической и научной картин мира). Область диссертационного исследования соответствует следующим пунктам паспорта специальности «Социальная философия»:

пункт 5 – сущность и существование социальной реальности как предметообразующая проблема социальной философии;

пункт 6 – социально-философская теория деятельности. Деятельность как субстанциальная основа общественной жизни людей;

пункт 9 – проблемы современной философии сознания в их социально-философской трактовке. Феномен «свободы воли», роль сознания в праксеологическом отношении человека к миру. Сознательное, бессознательное и подсознательное в деятельности людей;

пункт 12 – социально-философский анализ культуры как взаимосоотнесенных символических программ мышления, чувствования и поведения людей;

пункт 14 – формы и механизмы социальной детерминации. Социокультурная причинность. Необходимость, случайность в деятельности людей. Проблема доминант и детерминант общественной жизни;

пункт 24 – источники и механизмы социокультурного изменения;

пункт 34 – исторические судьбы России, перспективы ее развития в XX веке.

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. Работа изложена на 142 страницах. Список литературы включает в себя 242 наименования, в том числе, 14 на иностранном языке.

Глава 1.
ОКОЛОНАУЧНАЯ МИФОЛОГИЯ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИФА И НАУКИ

1.1. Особенности социального взаимодействия мифа и науки

Миф служит той же цели, что и наука. Цель эта - отчаянная попытка человека объяснить противоречивый окружающий мир. Миф дает ему успокоение и уверенность в опасном и непредсказуемом окружении. Разница лишь в том, что ответы и взаимосвязи между явлениями при этом ищутся не во внешнем мире, а во внутренней Вселенной самого человека.

Эдвин К. Крапп,
директор Гриффитской
обсерватории в Лос-Анджелесе.

На современном этапе одним из актуальных направлений социально-философского исследования является рассмотрение общественных процессов, направленных как на интеграцию, консолидацию общества, так и на его дезинтеграцию. Те и другие процессы во многом зависят от того, насколько возможно понимание, нахождение общего языка для представителей разных сообществ, культур, для людей, имеющих разный уровень образования, существенно различающиеся картины мира. Такое взаимопонимание можно рассматривать на уровне диалога личностей, а также на уровне взаимодействия различных сфер культуры, которые достаточно долгое время представлялись в качестве автономных, то есть на уровне особого рода социального взаимодействия. Социальное взаимодействие представляет собой передачу действия от одного

социального фактора – другому, получение и реакцию на него в виде ответного действия, а также возобновление действий социальных факторов. Оно имеет общественно важное значение для всех участников процесса и предполагает обмен их действиями в будущем благодаря присутствию особой каузальности – социального отношения. В отличие от социального действия, теория которого была впервые разработана Максом Вебером, социальные взаимодействия представляют собой не «застывшие» социальные формы, а «живые» социальные практики, которые обуславливаются, направляются, структурируются, регламентируются социальными отношениями, и способны воздействовать на эти социальные формы, трансформируя их. Характеристиками любого рода социальных взаимодействий являются следующие положения: оно **предметно**, т. е. всегда имеет цель или причину, которые являются внешними по отношению к взаимодействующим составляющим; оно **внешне выражено**, а потому доступно для наблюдения; этот признак обусловлен тем, что взаимодействие всегда предполагает **обмен символами**, знаками, которые **расшифровываются противоположной стороной**; оно **ситуативно**, т. е. обычно **привязано** к какой-то конкретной **ситуации**, к условиям протекания; оно выражает **субъективные намерения участников взаимодействия**.

Хотелось бы подчеркнуть, что взаимодействие – это всегда коммуникация. Причем, эта коммуникация может происходить не только в сфере межличностного общения, как простой обмен информацией, но и на уровне языков культуры.

Так, в современном обществе актуализируется процесс взаимодействия всех известных символических программ мышления и форм культуры. Миф, искусство, религия, наука, повседневные практики под влиянием социокультурных условий находятся в постоянном контакте и порождают синтетические языки культуры. Эти процессы, реализующиеся в общественной среде, имеют ряд причин не социального характера, а,

например, когнитивного. Но именно влияние тенденций современного общества заставляет эти процессы функционировать в полную силу.

Возникновение околонаучной мифологии можно рассматривать как результат социального взаимодействия мифа и науки, направленного, в том числе, на улучшение понимания. Поскольку у взаимодействующих групп изначально разные языки (познания, коммуникации), разная символика, то это все преодолевается через создание околонаучных мифов. Но преодолевается с разной степенью успешности.

Околонаучная мифология всегда бытует в обществе, так как общество по сути само всегда находится «около науки». Мы имеем в виду обывателя, человека, для которого наука является не только средством познания, но и социальным институтом, отношение к которому спорное. В социуме существует, как правило, специфическое восприятие научного деятеля. Понимание роли ученого в обществе также носит, зачастую, противоречивый характер.

Околонаучное знание чаще всего стремится именно к форме мифа. Безусловно, оно может быть выражено и в других проявлениях общественного сознания. Но миф по своей сути имманентен нашему восприятию мира. Особенность мифа по сравнению с другими программами мышления в том, он прост для восприятия, доступен для понимания каждым адресатом, в силу своей метафоричности, образности, символичности, архетипичности. Будучи простым для понимания, миф также прост для запоминания и трансляции информации. Исторически, миф сложился как первый способ познания. Благодаря ему был преодолен разрыв между сознанием и природой. Подключая все творческие способности человека, воображение, интуицию он преодолел порог незнания и включил человека в глобальную картину мира, выделив ему место в социуме и природе. Кроме того, очевидным является тот факт, что миф удовлетворяет человеческую потребность в целостном воспроизведении мира. Поэтому, чаще всего околонаучное знание воплощено именно в мифологической форме. Даже

строго научное знание, бытуя в обществе, зачастую интерпретируется в мифологическое.

Сегодня можно говорить о новой актуальности мифического как в эгалитарном (массовая культура и массовое сознание), так и в элитарном контекстах бытования (художественная, научная, философская мифология), об очередном этапе своеобразной ремифологизации культуры в целом, который несет новые возможности, но без должной рефлексии таит в себе большие опасности¹. Ремифологизация или возрождение мифа является его признанием, выполняющим практические функции в современном обществе. Но в настоящее время, миф, оставаясь по своей сути архаичной формой познания, предлагает упрощенное и наивное видение мировоззренческих, познавательных проблем и вопроса о самодетерминации личности. Тем не менее, для массового сознания миф остается наиболее приемлемым и понятным типом объяснения окружающей реальности, так как он тесно вплетен в обыденность и повседневные практики.

Современный человек продолжает использовать миф и в процессе познания, и в процессе социализации, и при построении целостной картины мира, так как, имея в своем представлении об окружающей действительности «белые пятна», сознание стремится заполнить их доступными формами. Так, массовая ремифологизированность практически всех структур современного общества является следствием нереализованной потребности личности в целостной картине мира. Но особенностью социального взаимодействия различных форм культуры с мифом является опасность трансформации, деформации, а может быть и разрушения массового и индивидуального сознания.

Это связано с тем, что современное общество находится в состоянии глубокого внутреннего конфликта, обусловленного тем, что, с одной стороны

¹ *Фирсов, Д. Е.* Гуманитарное знание и массовая ремифологизация [Текст] / Д.Е. Фирсов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. - С. 215.

избыток (но не значит достоверность), а с другой стороны, фрагментарность доступной обывателю информации о достижениях современной науки, приводят к разрушению идеалов объективности научного знания и к когнитивным диссонансам на почве непонимания того, на каком типе знания человеку в первую очередь стоит концентрировать внимание, и на базе каких представлений складывать целостную картину мира.

Следует отметить категорически важный момент: наука сама дает повод не только для интенсивного функционирования в обществе околonaучной мифологии, но и для масштабного расширения этой сферы. Миф активизируется за счет самой науки, так как внутри нее создается благоприятный контекст для искаженного, а порой и в корне неверного понимания ее достижений. Это формирует тот самый дискурс, в котором бытование околonaучной мифологии в обывательской среде, по сути, является необратимым.

В качестве еще одной причины того, что научные представления доходят до сознания людей в трансформированном виде является погруженность современного общества в массовую мифологию. Процесс ремифологизации в настоящее время присутствует во многих областях знания. Он активно транслируется в обществе благодаря некоторым явлениям культуры (кинематограф, литература), средствам массовой информации (телевидение, всемирная сеть интернет). Даже результаты, казалось бы совершенно отстраненной от социального воздействия сферы, фундаментальной науки в настоящий момент зачастую воспринимается именно с мифологической точки зрения, так как в силу своей новизны подвержены влиянию активно разрастающегося вокруг него мифотворчества. Дать единственно верную качественную оценку этих процессов не представляется возможным. Этот феномен носит как негативный, так и в чем-то положительный характер. Мифология образует социально значимое культурное пространство для общественных действий и выступает как постоянный фактор духовной жизни человека, даже если речь идет об

околонаучной мифологии. Актуализация мифологического в современном обществе формирует значительную сферу вопросов и для научного, и социально-философского исследования, ориентированных на понимание природы мифа, оценку значения мифологической картины мира в различных общественных сферах, в том числе и в науке.

Научное сознание, естественно, не должно соответствовать уровню общественного (имеется в виду массового). Наука должна продолжать играть в обществе роль определяющего фактора в познании, а, следовательно, она должна быть представлена как нечто, к чему следует стремиться, а не как сфера, которая является и так массово понятной и общедоступной.

Но пропасть между наукой, со всеми ее достижениями, теориями, дискурсами, и обывателем не представляет собой разрыв в чистом виде. Как раз наоборот, этот срез активно заполняется именно околонаучной мифологией. Представляя науку в виде определенного ядра, к которому стремится обыватель, можно обнаружить, что его путь неизменно будет проходить через сферу околонаучного знания, бытующего в социуме. Таким образом, добраться непосредственно до, так скажем, «чистой» науки, практически невозможно.

Одним из ключевых факторов, повлиявших на появление и активное распространение околонаучной мифологии во второй половине двадцатого века, стало кардинальное изменение научной картины мира, а именно тех ее отраслей, которые связаны с физикой и смежными дисциплинами. Разрыв между достижениями науки и человеческим пониманием сущности этих достижений возрос, а личность, тем не менее, нуждается в построении целостного мировоззрения. Есть мнение, что современная научная картина мира (формирующаяся достижениями и естественных, и гуманитарных наук), становится далека от обывателя, так как она малопонятна и труднодоступна¹. Развитие науки, которое происходит постоянно, значительно опережает рост образованности населения. Уровень образования

¹ Комаров, В. Н. Наука и миф [Текст] / В.Н. Комаров.- М.: Просвещение, 1988. - С. 191.

современного человека – еще одна актуальная социальная проблема, требующая философского осмысления. Но важен тот факт, что даже при гипотетически возможном стопроцентном усвоении школьной программы, для овладения всеми основами современной физики, биологии, истории требуются глубокие специальные знания и их постоянное обновление.

В связи с этим, для простого обывателя, массового человека, наука, несмотря на свои претензии на главенствующий фактор в объяснении природных и социальных окружающего нас мира, остается сферой, крайне далекой от понимания и осмысления. А это, в свою очередь, приводит к важным последствиям – человек пытается достроить свою картину мира любыми средствами для создания ее целостности. И самыми очевидными, простыми и психологически адаптированными для нашего сознания средствами являются именно элементы мифологического. Околонаучная мифология предлагает современному человеку увлекательную, интересную и одновременно простую картину мира. Она очень похожа по своей форме на научную, так как оперирует категориями, признанными научным сообществом, но, вместе с тем, в ней на разных уровнях присутствует синтез чисто научного с околонаучными и даже, зачастую, антинаучным.

Таким образом, научное знание, как правило, доходит до сознания человека в измененном виде. Факторы его трансформации различны. Первый важный фактор заключается в существовании различных способов постижения реальности. В частности, Чарльз Сноу¹ выделяет естественнонаучный и творческий пути познания. Причем одной группе людей присущ первый способ познания, другой – второй. У человека с первым типом мышления научная составляющая картины мира может выражено довлеть над другими её возможными компонентами. У людей с таким методом познания мира может отсутствовать эмоциональная окраска мышления, которая является крайне важной его составной частью, заставляющей человека, предположим, в контексте космологического знания,

¹ Сноу, Ч. Две культуры [Текст] / Ч.Сноу. - М.: Прогресс, 1973. – 146 с.

размышлять о смысле человеческого бытия. Ученый может хладнокровно высчитать траекторию кометы, с которой Земле, возможно, предстоит столкнуться, при этом, не задуматься об угрозе великому наследию человечества, создаваемого тысячелетиями возможно единственной формой разумной жизни во Вселенной. В соответствии с типологизацией Сноу, люди, чьему сознанию присущ в основном иной – творческий – способ познания реальности, как правило, не осведомлены в научном плане. Формирование их картины мира складывается из креативных форм, образных структур. И, таким образом, процесс познания у людей с преобладанием в индивидуальной картине мира художественной составляющей носит, зачастую, вненаучный характер. В действительности, одной из ключевых особенностей современной картины мира является тот факт, что в существенной степени она определяется с одной стороны очевидно научной составляющей, а с другой стороны, неявным мифологическим компонентом. Соответственно, индивидуальная картина мира будет окрашена оттенком именно тех представлений, которые формируются в первую очередь актом индивидуального познания.

В современном обществе создается и множится значительное количество специфических условий для размывания в глазах обывателя границы между наукой как таковой и рем знанием, которое за науку принимается. В частности, сложности в демаркации науки от ненауки в настоящее время формируются, в основном, под влиянием средств массовой информации. Общество XXI века характеризуется в первую очередь медиасредой, которая стала одним из важнейших факторов формирования картины мира человека. Современные средства массовой коммуникации – социальные сети, общественное кабельное телевидение, новостные Интернет-порталы, блоги и т. п. формируют пространство человеческих взаимоотношений, отношений человека с социальной и природной средой, оказывают влияние на формирование сфер интересов личности, а значит, влияют на процессы социализации и познания. Средства приобретения,

хранения и трансляции информации, которые было принято считать традиционными, ушли на второй план или адаптировались, а, следовательно, и видоизменились под влиянием новых информационных условий¹.

Эти же условия формируют крайне благоприятную почву для «вращения» мифов во всех сферах общественной жизни. Наука, как открытая система, претендующая на звание главного, конституирующего фактора формирования картины мира человека, подвержена ремифологизации не меньше, чем политика, массовая культура, реклама и прочее. Околонаучное мифотворчество, как результат социального взаимодействия мифа и науки, становится одной из характерных черт современной социальной реальности. Околонаучная мифология заменяет реальные знания, факты, представления в силу того, что при их создании используются все традиционные, а значит и психологически адаптированные для человека средства, а поддержка со стороны медиапространства делает их особо значимыми продуктами современной культуры.

В этой связи, важно отметить, что СМИ представляют собой не только средства хранения и трансляции мифов, но, зачастую, и их создателем.

По справедливому замечанию И. А. Каировой, «мифологическая практика всегда может быть представлена как коммуникативная практика, миф – это коммуникация особого рода, обладающая специфическими характеристиками, главной из которых является его способность преодолевать коммуникативные барьеры как массового, так и индивидуального сознания»². Миф бытует в момент передачи какой-либо информации от того, кто ее преподносит, до того, кому она предназначена. Это значит, что пока есть адресат – миф будет существовать.

¹ Кроливецкая, И. Е. Технологии ремифологизации в условиях российского общества [Текст] / И.Е. Кроливецкая // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 5. С.171.

² Каирова, И. А. Социальное мифотворчество в современном российском медиапространстве [Текст] / И.А. Каирова: автореферат дисс ... к. филос. н. - Ростов-на-Дону, 2012.

Медиафера активно расширяет поле распространения околонучной мифологии, СМИ и СМК формируют благоприятные условия для ее бытования, вследствие чего происходит замена социально необходимых символических программ мышления синтетической формой познания, которая, чье наличие хоть и является одной из черт современного общества, но злоупотребление которой ведет к негативным социальным последствиям.

Тем не менее, присутствие мифа в современной структуре познания является социально-психологически важным фактором для массового сознания, формируя, в отличие от науки, понятный и безопасный образ реальности посредством медиа. СМИ выполняют функцию социального института, формирующего массовые идеалы поведения, деятельности, жизненной позиции. В создании подобного рода мифологических моделей используются архетипичные представления, ценности, ориентиры, и это находит отражение в увеличении компонента массовости и усреднения индивидуального сознания.

Актуализация процессов мифологизации массового сознания связана, во многом, с теми политическими и общественными явлениями, которые зародились в XX столетии и продолжают влиять на нашу жизнь до сих пор. В первую очередь, это стремление привлечь массы к определенной идеологии. Такая трактовка бытования околонучной мифологии отражает в основном те процессы, которые происходят в сфере гуманитарных наук.

Массовые проявления ремифологизации в сфере науки, например, при их популяризации или информировании об их достижениях в СМИ, объясняются, с одной стороны, потребностью индивида в целостном взгляде на мир, а с другой стороны, невозможностью ее удовлетворения из-за слабого владения масс языком науки. Возможности для создания и распространения мифов, а также злоупотребления ими с помощью средств массовой информации в современном обществе во многом увеличились.

При этом могут эксплуатироваться социальная потребность в национальной идее, в создании «светлого образа» будущего, признание

исключительности данного сообщества, вера в чудо и прочее. Для этого любая околонаучная мифология маскируется под науку, используя обширный арсенал характеристик, присущих научному знанию. Таким образом, она адаптируется к условиям выживания в современном обществе, где, так или иначе, апелляция к «научности» все еще эффективна. Популярности околонаучных мифов способствует достижение религиозных, политических и других целей с их помощью.

Одним из факторов, закрепляющих процесс ремифологизации, является, так называемая, популяризация науки. Популяризация науки представляет собой процесс донесения научного знания массовому потребителю информации максимально простым, обывательским языком. В этом процессе нередко участвуют когнитивные средства мифа, такие как приукрашивание, гиперболизация.

Зачастую, в результате ремифологизации научные факты могут принять вид крайне далекий от своего первоначального вида. А это, по сути, и является одним из способов формирования околонаучной мифологии. Интересен и такой факт, что околонаучная мифология порой является результатом работы самих ученых (в рамках привлечения внимания к их открытиям) или представляются таковыми («британские ученые доказали»).

В процессе ремифологизации научное понятие превращается в определенный понятный образ. Миф как продукт деятельности мифологического сознания представляет собой культурную универсалию, компонент любого личностного бытия и культурной целостности. Представление результатов науки в символической форме можно рассматривать как один из положительных результатов ремифологизации в сфере науки.

Любая околонаучная мифология использует обширный арсенал характеристик, присущих научному знанию. Таким образом, она адаптируется к условиям выживания в современном мире, где, так или иначе, научный тип рациональности считается ведущим. Некоторые исследователи

обозначают комплекс околонаучной мифологии, искажающей образ подлинной науки, термином «девиантная наука», подтверждая это тем, она всячески компрометирует науку как таковую со всеми её целями и задачами, искажая ее аксиологическую, этическую и познавательную роль. Иногда в сфере околонаучной мифологии возникают явления, которые можно отнести к обрасти псевдонауки. В. Л. Гинзбург, Нобелевский лауреат по физике, следующим образом отзывался о псевдонаучных построениях: «Лженаука – это всякие построения, научные гипотезы и так далее, которые противоречат твёрдо установленным научным фактам. <...> Лженаука – это то, что заведомо неверно»¹. Проблему демаркации терминов псевдонаука, паранаука, лженаука, антинаука и общую структуру околонаучной мифологии мы рассмотрим в первом параграфе третьей главы.

Среди основных отличий околонаучной мифологии от науки отмечают недобросовестный подход к методологии исследований, использование сомнительных или заведомо ложных сведений, претензия на исключительную достоверность, универсальность применения и категорическое неприятие любого рода опровержений, в то время как наука ставит своей задачей все же ориентацию на факты, проверенные сведения, верифицируемые методы. По словам А. Н. Конопкина², причиной возникновения околонаучного знания может стать девиантная интерпретация научного знания, которая возникает не только в социуме в процессе освоения этих знаний, но и в сознании ученого, неверно интерпретирующем результаты собственных исследований. Так он приводит пример, данный С. О. Хэнссоном³, об ученом-биохимике, который, в первый раз неверно

¹ Гинзбург, В. Л. Демагоги и невежды против научной экспертизы [Текст] / В.Л. Гинзбург // Литературная газета. 16 октября – 22 октября 2002. № 42. - С. 24.

² Конопкин, А. Н. К вопросу о структуре псевдонауки: псевдонаука как девиантная интерпретация [Текст] / А.Н. Конопкин // Эпистемология и философия науки. 2014 Т. 39. №1. – С. 152 - 173.

³ Hansson, S. O. Defining Pseudoscience [Text] / S.O. Hanson // *Philosophia Naturalis*. 1996. № 33. - P. 169–176; Hansson, S. O. Falsificationism Falsified [Text] / S.O. Hanson // *Foundations of Science*. 2006. № 11. - P. 275 - 286.

толкая результат эксперимента, совершает экспериментальную ошибку, но делая это последующие разы, создает пласт псевдонаучного знания.

Социокультурный исток популярности (и, соответственно, причина идеологической поддержки) околонучной мифологии в том, что «она реализует соблазн простых решений, обслуживает социальный запрос на общедоступную, понятную массам и не требующую специальной профессиональной подготовки расшифровку «непрозрачных» явлений природы и культуры»¹.

Популярности околонучной мифологии и активному её тиражированию в массовом обществе способствует удовлетворение религиозных, националистических, политических и других подобного рода целей с её помощью. Отсутствие в массовом сознании демаркации науки от околонучной мифологии происходит, в том числе, из-за факторов, образованных внутри сферы самой науки. В качестве примеров мы можем назвать псевдонаучные теории, которые были выдвинуты членами научного сообщества, имеющими учёные степени и звания, в частности «новое учение о языке» (академик АН СССР, лингвист Н. Я. Марр), а также так называемая «новая хронология» (академик РАН, математик А. Т. Фоменко).

Ученый, специализирующийся в той сфере, в которой околонучная мифология возникает, может отличить «подделку» благодаря выявлению нарушения логики, использования когнитивных инструментов, не относящихся к данной области научных исследований, отсутствия включения предлагаемого знания в уже имеющийся в данной сфере комплекс знаний. Но и это происходит далеко не всегда. Что уж говорить об обывателях, для которых некоторые научные концепции зачастую являются чем-то за пределами далекоим от понимания.

¹ *Фирсов, Д. Е.* Гуманитарное знание и массовая ремифологизация [Текст] / Д.Е. Фирсов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. - С. 217.

Одной из характерных черт современной околонучной мифологии является то, что ее результаты, как правило, сразу поступают в средства массовой информации (форма не так уж важна, это может быть и пресса, и телевидение, и Интернет), которыми транслируются с целью собрать аудиторию и привлечь внимание как можно большего количества зрителей, читателей (теория торсионных полей, теория единства славян и ариев, сложившаяся, в том числе, из изучения Аркаима, теория о приоритете славянства через «изучение» языка). Достаточно вспомнить уже ставшие хрестоматийными примеры мифов, бытующих в социуме и активно поддерживаемых СМИ, такие как НЛО, Лохнесское чудовище, Бермудский треугольник. До сих пор каждое из этих представлений остается по отношению к официальной науке на уровне гипотезы, но, тем не менее, тратятся миллионы государственных средств на изучение этих феноменов, и, кроме того, они оказывают тлетворное воздействие на мировоззренческие структуры, не способствуя целостности картины мира, а, наоборот, разрушая её.

П. С. Гуревич писал: «Там, где толпа, там и миф. В нем воплощаются тайные вожелания человека, в частности его галлюцинаторный опыт и драматургия бессознательного. Индивиду психологически неуютно в разорванном, расколотом мире. Он интуитивно тянется к нерасчлененному мироощущению. Миф освящает человеческое существование, придает ему смысл и надежду. Вот почему люди так часто отступают от трезвой мысли, отдавая предпочтение миру мечты»¹. Но невооруженным глазом видно, что взаимодействие мифа и науки, которое происходит в социальной реальности, приводит преимущественно к негативным последствиям как для науки (искажение ее образа), так и для общества (распространение псевдознания, симулякров, общественных иллюзий).

¹ Гуревич, П. С. Социальная мифология [Текст] / П.С. Гуревич. - М.: Мысль, 1983. - С. 15.

Существует авторитетное мнение, что бытование общества напрямую зависит от технологий. Особенно ярко это выражено в современном социуме, развитие которого является практически абсолютно «технологии-зависимым». Но мифологемами насыщена не только фундаментальная, но и прикладная наука. Прогнозы относительно полезности необходимости использования некоторых материальных объектов науки, выраженных в виде техники и прикладных устройств, часто оказываются неоправданными. Кроме того, многие результаты современной прикладной науки оказывают негативное воздействие на психологический фактор оценки научных достижений. Так, оружие массового поражения, устройства и комплексы (фабрики и заводы), несущие вред атмосфере, гидросфере, литосфере и экологической ситуации в целом, многочисленные гаджеты (смартфоны и компьютеры), по некоторым данным опасные для здоровья человека и окружающей среды, формируют негативное отношение общества к плодам прикладной науки, так как их использование вызывает вопросы об угрозе существования человечества в целом. Этот фактор оказывает значительное влияние на актуализацию проблемы, в основе которой заложено представление о том, что сам научно-технический прогресс, как нечто полезное для человечества, является в определенном смысле мифом.

Погружение общества в околонуучную мифологию, а не в науку может стать одной из главных социальных проблем современности и грозит, в определенной степени, даже разрушению социальной сферы.

Так как процессы, связанные с мифологизацией различных сфер познания, сопровождают развитие науки по сей день, существует несколько вариантов социального взаимодействия мифа и науки. Исторически можно выделить три основных этапа взаимодействия мифа и науки, каждому из которых соответствует свой тип общества. Первый, синкретический, отличается тем, что миф и наука, как социально-когнитивные формы институционально еще не были разделены. Он отражает античные и древневосточные поиски объяснения сущности процессов и явлений мира, но

ими не ограничивается. Второй этап дифференциации различных социально-когнитивных и институциональных форм, в том числе мифа и науки, наиболее интенсивно проходил в Новое время. Третий, современный этап их сосуществования характеризуется, скорее, термином взаимопроникновение, поскольку в социальном взаимодействии признается значимость и устойчивость его различных форм, реализованных и в мифе, и в науке, искусстве, обыденности и т.д. Но, следует отметить, даже взаимопроникновение на разных уровнях взаимодействия происходит по-разному. На одних уровнях оно обусловлено определенным рода синтезом символических форм культуры и, соответственно может вести к позитивному креативному значению взаимопроникновения как для мифа, так и для науки. На других уровнях взаимопроникновение может привести к конфликту между взаимодействующими сторонами, формируя негативные последствия данного процесса. Для взаимодействия различных знаково-символических форм, в частности мифа и науки, в рамках социальной сферы характерен как раз второй вариант. Но в целом, вопрос о социальном статусе форм околонуучной мифологии пока не решен. Для объективной оценки различных проявлений околонуучной мифологии в социуме необходимо выявить уровни взаимодействия мифа и науки.

1.2. Многоуровневость взаимодействия мифа и науки как фактор неоднозначности оценки околонуучной мифологии

Каждой символической форме культуры, будь то наука, искусство, философия, мифология или религии соответствуют особые формы знания. Говоря о различных типах знания, можно также выделить те, которые имеют символическую форму, либо понятийную, или же имеют в своей основе художественные образы. Когда разграничивают научное и околонуучное знание, важно помнить, что околонуучное знание не является выдумкой, ложью. Оно бытует в соответствии с собственными свойствами, структурой,

внутренними и внешними законами, оно может оперировать собственной терминологией, имеет свои инструменты познания и источники познавательного процесса. Большинство форм околонучного знания появились значительно старше научного. Так, астрология появилась задолго до астрономии, алхимия до химии и так далее.

Отношения между знаниями научного и околонучного характера достаточно непросты. В частности, в некоторых случаях, околонучное знание может препятствовать развитию науки, так как является слишком глубоко закрепленным в человеческом сознании. Но возможны и случаи, когда официальная наука приходит к доказательству тех постулатов, которые на уровне обыденно-практического знания уже давно существовали. Одной из отличительных черт околонучного знания является тот факт, что оно бытует на уровне бессознательного, а значит, практически не поддается контролю и управлению, а иногда и адекватному использованию. Ученый, занимающийся любой отраслью науки подвержен этому фактору не меньше, чем простой обыватель. Таким образом, при зарождении научной гипотезы в сознании деятеля науки, нет никакой гарантии, что на нее не окажет влияние архетипическое или имеющее иное происхождение околонучное знание, уже имеющееся у него.

В пластах обыденного, массового сознания все большее место занимают образования, в которых соседствуют и дополняют друг друга научное и мифологическое, рационально и иррациональное, теоретическое и мистическое. Этот феномен стал одной из тенденций в познании и, можно сказать, масштабным культурным феноменом. Околонучная мифология уже зарекомендовала себя как язык познания синтетического типа и как уникальный способ освоения действительности.

Мифологемы в контексте неклассической и постнеклассической науки нередко выступают в качестве креативных образов, помогающих создать

эвристически емкие модели¹. Смены парадигм в науке и ее обращение к мифическому контексту возникновения научных понятий и концептов уже не рассматривается как нонсенс². Новации в интерпретации вненаучных факторов в развитии науки, позволяют взглянуть на мифическое в науке под углом рассмотрения ее «человеческого измерения». Можно сказать, что научный дискурс является комплексным, сложно организованным коммуникативным явлением, включающим в себя кроме теории, эмпирики множество вненаучных факторов, как лингвистического так и экстралингвистического характера. Мифический контекст неявно присутствует в научном знании на уровне фундаментальных онтологем, принимаемых членами научного сообщества как образ, тождественный самой реальности.

В целом, мы выделяем несколько уровней взаимодействия мифа и науки. Самый очевидный для анализа и осмысления – уровень их социального взаимодействия. Но возможность контакта мифа и науки в социальной среде обусловлена внутренними факторами, заложенными на уровне онтологии и гносеологии этих форм культуры и символических программ мышления.

Первый уровень взаимодействия, глубинный, обращает нас к допредикативным, лишь потенциально существующим формам знания, которые могут быть обозначены, например, неявным личностным, неявным социальным знанием, или выражены концептом внутренней формы языка познания, покоящемся на чем-то «гораздо более тонком, сокровенном и менее доступном для анализа»³. Говоря о понятии языка, мы рассматриваем этот концепт не в лингвистическом, а в гносеологическом смысле, как

¹ *Осаченко, Ю.С.* Сущность мифа как философская проблема: Феномен мифического: плюрализм интерпретаций [Текст] / Ю.С. Осаченко // Известия Томского политехнического университета. – Томск: Изд-во ТПУ, 2005. – С.182-187.

² *Косарев, А.Ф.* Философия мифа. Мифология и её эвристическая значимость [Текст] / А.Ф. Косарев. - М., 2000. - С. 221-260.

³ *Кудряшова, Т.Б.* К вопросу о синтезе символических форм культуры [Текст] / Т.Б. Кудряшова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Том 3. – Иваново, 2012. - С. 150.

инструмент познания. На этом уровне фундаментальных универсальных онтологом миф и наука, как таковые являются нараздельными. Внутренняя форма языка познания определяет каждый познавательный акт сознания, независимо от того, какую форму в дальнейшем он примет – произведения искусства, научной теории, религиозного представления или мифа. Есть априорное основание, объединяющее все языка познания, являющееся их «прародителем», представляющее собой источник любой познавательной активности, тем, что Макс Шелер называл «порывом»¹.

Языками познания представляют собой обширный комплекс символических и знаковых структур, лингвистически выраженных и невербальных средств, с помощью которых становится возможным познавать окружающий мир, постигать его феномены и процессы, создавая при этом научные теории, религиозные представления, мифологические системы, художественные образы, субъективные и интерсубъективные мнения. Все языки познания, формы познания, познавательные интенции и их реализации рассматриваются восходящими к первоисточнику². Любой познавательный порыв человека, направленный на получение нового знания, самодетерминацию, социальную реализацию, вне зависимости от того, в какой форме он будет выражен - является незаменимым для постижения и понимания мира и восходит к основанию, объединяющему собой все формы коммуникативно-познавательной деятельности, служащему виртуальным источником творческой активности как консолидирующего общество фактора. Этот концепт, собственно, мы и называем Внутренней формой языка познания.

Таким образом, мы можем говорить об определенном единстве всех форм познания. Мы, безусловно, имеем в виду не только научный и мифологический типы познания действительности, но именно эти формы

¹ *Киященко, Л.П.* Мифопоэзис научного дискурса [Текст] / Л.П. Киященко // *Философские науки.* 1994. №5.

² *Кудряшова, Т.Б.* Онтология языков познания. К вопросу о внутренней форме языков культуры. [Текст] / Т.Б. Кудряшова. - Saarbrücken: LAMBERT Academic publishing. 2010. – 316 с.

выражения познавательной активности человека представляют для нас особый интерес.

В нашем исследовании единства познавательных форм мы обращаемся к концепции всеединства, ведь важную составляющую внутри этой концепции занимают, в том числе, и вопросы гносеологии. В целом, философская теория всеединства восходит к еще античности, и к проблеме единства познавательных форм обращались философы разных школ и в разные исторические эпохи.

В полной мере осуществлена идея о единстве всех символических программ мышления человеческой активности была в концепции всеединства Владимира Соловьева¹. Гносеология Соловьева во многом подпитана идеями Шеллинга. Но именно в его теории мы находим применение принципа всеединства в теории познания.

Владимиром Соловьевым выделяются эмпирический, рациональный и мистический способы познания. В эмпирическое познание главную роль играют органы чувств. Рациональным познанием руководит разум. А в основе мистического познания лежит концепт «веры», включающий в себя не только традиционно религиозные смыслы, но и, например, интуицию. Истина может быть получена только путем синтеза этих различных способов познания, благодаря всеединству чувств, разума и интуиции. Самим Соловьевым принцип всеединства был обозначен следующим образом: «Всеединство, по самому понятию своему, требует полного равноправия, равноценности и равноправности между единым и всем, между целым и частями, между общим и единичным»². Соловьев развивал идею, что наиболее полное и адекватное знание может быть получено только путем взаимодействия философии, религии и эмпирической науки.

¹ Соловьев, В.С. Соч. в 2 т. Т. 1 [Текст] / В.С. Соловьев. - М., 1989.

² Там же. - С. 24.

Этот же вопрос стал предметом рассуждений представителей Марбургской школы неокантианства, в частности, Э. Кассирера¹ и Г. Когена². Неокантианство марбургской школы называет в числе оснований для своих философских построений не только кантианство, но и философию Платона как первоисточник взглядов о Едином. С точки зрения неокантианцев марбургской школы, развитие науки зависит не столько от внешних факторов, будь то культурная обстановка эпохи или какие-либо социальные процессы внутри научного сообщества, сколько от источника развития науки, заключенного в самом человеческом мышлении³. У Канта познание составлялось из чувственного материала, конструируемого априорными формами и деятельностью нашего рассудка, который этот материал обрабатывает, иными словами, кантовская гносеология предполагала наличие предзаданного (эмпирический материал и устройство априорных форм чувственности) компонента знания⁴. Г. Коген отрицал врожденный характер априорных форм, настаивая на том, что эти формы создаются самим субъектом, так же как и категории рассудка, тем самым сводя познание к деятельности одного лишь мышления. А первоисточник деятельности мышления - это установление связей, опосредование. Существуют два вида мышления: интуитивное - логическое, не выходящее за пределы идеального, и символическое, устанавливающее связи интеллектуального и чувственного.

Э. Кассирер определял человека не просто как «разумное животное». В своей работе «Опыт о человеке» он высказал следующую мысль: «Разум - очень неадекватный термин для всеохватывающего обозначения форм

¹ Кассирер, Э. Опыт о человеке [Текст] / Э Кассирер // Проблемы человека в западной философии. - М., 1988. - С. 43.

Кассирер, Э. Философия символических форм: В 3 т. [Текст] / Э. Кассирер / Пер. с нем. С. А. Ромашко. - М: Университетская книга, 2002. - 271 с.

² Коген, Г. Науки о духе и философия / [Текст] Г. Коген // Кантовский сборник. Научный журнал. - Калининград. № 1 (27), 2008. - С. 82—86.

³ Общие проблемы философии науки / Сост. и общ. ред. Н. В. Бряник ; отв. ред. О. Н. Дьячкова. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. - С. 163.

⁴ Там же. - С 164.

человеческой культурной жизни во всем ее богатстве и многообразии. Но все эти формы суть символические формы. Вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*»¹.

Человек живет не только в мире, который он может чувственно воспринять. Мы имеем дело и с миром символов, принадлежащих определенной символической реальности. Кассирером было выделено несколько типов реальности: язык, миф, религия, искусство, наука. Каждый из них обладает собственной символической системой и не может заменить другой. Единство же данных типов реальности заключается в том, что они являются выражением и проявлением человеческого духа².

Эрнест Кассирер отмечал, что язык, искусство, религия, наука являются, по сути, различными ступенями последовательного самоосвобождения человечества³. В рамках каждого из этих символических миров человек пытается построить свой собственный «идеальный» мир. Таким образом, важно понять язык, искусство, миф, религию в их единстве.

Кассирер отталкиваясь от понятия человека как деятельностного существа, производящего некие смыслы, символы, подчеркивал, что главной характеристикой человека является деятельность, а язык, миф, наука, история составляют пространство его деятельности. В символической функции сознания открывается его способность существовать через синтез противоположностей. На наш взгляд, сюда может быть отнесено и существование таких, на первый взгляд, явно противоположных форм познания как миф и наука.

Каждый из языков познания, будь то наука, миф или другие, обладает уникальным гносеологическим потенциалом. Зависит он, в том числе, от

¹ Кассирер, Э. Опыт о человеке [Текст] / Э. Кассирер // Проблемы человека в западной философии. - М., 1988. - С. 43.

² Кожурин, А.Я., Кучина Л.И. Европейские культурфилософские концепции XIX-XX веков [Текст] / А.Я. Кожурин. - СПб., 2002. - С 16.

³ Кассирер, Э. Философия символических форм. Т.2 [Текст] / Э. Кассирер. - М.: Университетская книга, 2002. – 271 с.

когнитивных возможностей каждого отдельного человека. С точки зрения Вильгельма фон Гумбольдта, общее различных языков культуры может быть рассмотрено, в том числе, на неявном уровне.

В связи с этим, актуальным для нас кажется рассмотрение различных форм неявного знания, играющего важную роль в познавательном процессе и оказывающего вполне определенное воздействие на формирование каждого из известных языков познания.

По словам О.Н. Камаловой, которая подробно исследовала феномен интуиции и определила его философско-антропологическую проблематику, «открытие новых горизонтов и измерений человека способствовало переосмыслению и расширению границ знания, актуализации исследования не фиксируемых ранее компонентов и уровней познавательной активности¹». Получают новое видение многие гносеологические вопросы, включая, в том числе, и актуальную проблему интуиции, в частности, ее значение в различных формах познания.

Современные философия и психология науки достаточно большое внимание уделяют проблеме интуиции и ее роли в формировании научного знания. Мы рассматриваем этот вопрос потому, что интуитивный тип познания, традиционно считается присущим в первую очередь именно мифу, как способу освоения мира². Многие влиятельные ученые (хрестоматийным примером будет являться методолог и математик Анри Пуанкаре) подчеркивали роль интуитивного в научном познании. Французский философ Анри Бергсон говорил об интуиции как об интеллектуальной симпатии, с помощью которой исследователь (любой познающий субъект) способен погрузиться в сущность предмета изучения, с целью выделить в нем истинную сущность и то, что действительно имеет значение, среди

¹ Камалова, О. Н. Интуиция как философско-антропологическая проблема [Текст] / О.Н. Камалова: автореферат дисс. ... канд. филос. наук. - Ростов н/Д, 2005.

² Султанова, Е.Б. Роль интуиции и неявного знания в формировании стиля математического мышления [Электронный ресурс] / Е.Б. Султанова – Режим доступа: <http://claw.ru/1news/referaty/psixologiya/rol-intuicii-i-neyavnogo-znaniya-v-formirovanii-stilya-matematicheskogo-myshleniya.html>

многих второстепенных составляющих. Интуицию в науке можно сравнить с моментом озарения, просветления, внезапного погружения в суть вещей, в целом с тем, что присуще, в частности искусству (вдохновение), религии (сакральные откровения) и, безусловно, мифу. Включение интуиции в компоненты научного познания значительно размывает понятие научной рациональности, и рациональности в целом. Подробно феномен гибкой рациональности, как универсальный подход к объяснения процессов осмысления действительности различными способами познания, рассмотрен в труде С.И. Масаловой «Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от Античности до Нового времени»¹. Для некоторых ученых погружение в предмет их исследования представляет собой нечто схожее с эзотерической практикой, проистекающей на интуитивном и дологическом уровне. Этот факт показывает определенное единство в представлении об исследователе, «с головой окунувшегося» в свою теорию, и эзотерика, полностью живущего в мире своих мифологических построений. Физики, обнаруживая новые глубины теоретического и практического познания окружающего мира, сталкиваются с тем же мистическим удивлением, что и человек, живущий в мире эзотерических представлений о сущности мироздания². Обнаруживая новые срезы реальности, человеческий разум сталкивается с большим количеством парадоксов, что ведет к признанию ограниченности способностей человеческого разума.

Существует достаточное количество описаний проявлений интуиции в научном знании³. Согласимся с О.А. Камаловой которая считает, что

¹ Масалова, С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от Античности до Нового времени. [Текст] / С.И. Масалова – Ростов н/Дону. ИПО РГПУ, 2006. – 264 с.

² Капра, Ф. Дао физики. [Текст] / Ф. Капра - СПб., 1994. - С. 21.

³ Адамар, Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики [Текст] / Ж. Адамар. – М., 1970. – 158 с.;

Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. [Текст] / А. Бергсон. – Мн., Харвест, 1999. – 1408 с.;

интуиция возникает не случайно, и ей, как правило, предшествует долгий период работы над какой-либо научной проблемой, которая в течение длительного срока не дает ученому покоя, так как кажется ему неразрешимой. Интуиция проявляет себя в зачастую неожиданных условиях, толчком для ее появления может служить любой незначительное повседневное событие, которое, тем не менее, только для ученого станет указателем на нужный путь дальнейшего поиска или откроет ему его исследование с другой стороны, показывая, как проста была на самом деле отгадка. Особенностью интуитивного знания, и ученые часто это отмечают, является его нечеткость и смутность, когда, казалось бы, ответ или решение «вертятся на языке», но «поймать» его не всегда просто. В целом, решение проблемы интуиции в современной философии пока не найдено. Это во многом зависит от того, что роль интуиции в науке – является важным вопросом не столько в рамках философского осмысления, сколько требующего подключения междисциплинарного когнитивного подхода. Тем не менее, мы не можем не указать, что одной из важнейших теорий интуиции является концепция философа Анри Бергсона, основа которой лежала в русле критики принципов классического рационализма в познании.

В концепции Карла Поппера¹, относящейся к критическому рационализму, и теориях Л. Витгенштейна² и Р. Карнапа¹, представителей

Когаловский, С.Р., Шмелева Е.А., Герасимова О.В. Путь к понятию (от интуитивных представлений – к строгому понятию) [Текст] / С.Р. Когаловский. - Иваново, 1998ю – 206 с.;

Лапшин, И.И. Философия изобретения и изобретение в философии [Текст] / И.И. Лапшин. - М., 1999. – 399 с.;

Лишевский, В.П. Рассказы об ученых [Текст] / В.П. Лишевский. - М., 1986. – 168 с.;

Пойа, Д. Математическое открытие [Текст] / Д. Пойа. - М., 1970. – 456 с.;

Пуанкаре, А. Наука и метод [Текст] / А. Пуанкаре. - СПб-Одесса, 1910. – 124 с.;

Эйнштейн, А. Физика и реальность [Текст] / А. Эйнштейн. - М., 1965. – 359 с.

¹ *Поппер, К.* Логика научного исследования: Пер. с англ. [Текст] / К. Поппер / Под общ. ред. В. Н. Садовского. - М.: Республика, 2004. – 605 с.

² *Витгенштейн, Л.* Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. - М.: Наука, 2009. – 133 с.

Витгенштейн, Л. Философские работы [Текст] / Л. Витгенштейн / Пер. с нем.

М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. - М.: Гнозис, 1994. – 206 с.

неопозитивизма была сделана попытка вынести интуицию за рамки философского обоснования, так как философия, как правило, по крайней мере на тот момент, занималась преимущественно анализом рациональных составляющих науки и уже готового знания. Роль личности ученого, а, следовательно, и субъективный элемент в научном исследовании, стали объектом исследования многих классиков философии науки. Теория М. Полани² описывает анализ специфики научного познания, учитывая при этом роль исследователя, как субъекта познания. Ключевое внимание Полани уделял именно неявному знанию. В рамках концепции философа, оно трактуется как тот тип знания, который человек приобретает в жизненно-практическом опыте. Такое неявное знание содержится в любом типе деятельности человека, даже в занятии наукой.

С нашей точки зрения, феномен неявного знания тесно связан с проявлениями научной интуиции. Майклом Полани не была специально проанализирована эта связь, тем не менее, в его исследовании «Личностное знание» содержится значительный материал для анализа неявного знания в различных его проявлениях, и, в том числе, во взаимосвязи с проблемой интуиции. В книге Т. Куна «Структура научных революций»³ указанной проблеме также уделяется определенное внимание. Сосредоточив внимание на социокультурных детерминантах феномена интуиции, философ выдвигает мнение о том, что интуиция в науке – не индивидуальное, а групповое явление.

На наш взгляд, присутствие неявного знания во всех его проявлениях можно проследить во всех языках познания. Мы имеем в виду интуицию в научном творчестве, религиозное откровение, вдохновение в искусстве,

¹ Карнап, Р. Философские основания физики. Введение в философию науки [Текст] / Р. Карнап. - М.: Прогресс, 1971. – 390 с.

² Карнап, Р.; Ган, Г.; Нейрат, О. Научное миропонимание - Венский кружок [Текст] / Р. Карнап / Пер. Я. Шрамко // Логос. - 2005. № 2. - С. 13-27.

³ Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии [Текст] / М. Полани - М., 1995. – 349 с.

³ Кун, Т. Неявное знание и интуиция // Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. - М. 2002. – 608 с.

ассоциации в мифологии. Можно сказать, что на уровне функционирования каждой отдельной формы познавательной деятельности человека неявное знание проявляет себя по-разному, в соответствии с внутренними законами построения каждого из языков познания. Но его присутствие в каждом из них позволяет еще раз убедиться в их тесной связи и единстве на глубинном онтологическом уровне. Это утверждение мы относим и к единству науки и мифа на уровне фундаментальных универсальных онтологем.

Второй уровень взаимодействия мифа и науки представляет собой взаимовлияние и сосуществование уже разделенных внутренних форм языка мифа и языка науки.

Каждая наука, если рассматривать ее с точки зрения гносеологии, является языком познания, который обладает инструментальным и категориальным аппаратом, нацеленным на ориентацию на конкретный предмет¹. Носитель языка любой науки - это познающий субъект, который в различной степени усвоил и может применять внутреннюю форму языка науки в целом или языка конкретной науки². Передовая наука, очень быстро двигаясь вперед, оставляет обыденному мышлению, в основном, те категории, которые, устарев и выработав свой потенциал в науке, переходят в обыденность, с её специфической, иногда околонучной, мифологией.³

Носителем языка мифа, на наш взгляд, является любой познающий субъект, так как язык мифа внедрен в наше сознание на уровне архетипов.

Мы отмечаем, что только синтез на основе внутренних форм может стать надежным основанием активного, продуктивного, генеративного типа для нового вида творческой познавательной деятельности. Взаимодействуя на этом уровне, миф и наука обогащают друг друга средствами восприятия (так например, наука заимствует и мифа метафоричность описания различных явлений, и сейчас уже не возникает сомнений в том, что

¹ Кудряшова, Т.Б. Онтология языков познания. Часть II [Текст] / Т.Б. Кудряшова - Иваново: ОАО «Издательство Иваново», 2005. – С. 68.

² Там же. – С. 70.

³ Там же. – С. 67.

естественные науки изобилуют метафорами так же как и мифы), новыми дискурсами, и, собственно, самим контентом. Так, в частности миф сегодня продолжает развиваться благодаря тем вопросам, которые составляют актуальность современных наук, так как быстро развивающееся научное знание активно снабжает миф содержанием для собственно мифологической обработки.

Взаимодействие мифа и науки на этом уровне создает наиболее значимый для общества и доступный для достаточно широкого круга людей пласт знания, где адекватно сочетаются глубина знания и его доступность. На языке этого уровня должны «говорить» научно-популярная литература, СМИ, освещающие состояние научных открытий. Однако этого не происходит не столько из-за отсутствия грамотных «писателей», сколько из-за недостатка грамотных и заинтересованных читателей.

Третий уровень взаимодействия происходит на уровне внешних форм языков науки и мифа, выразительных средств, функционирующих в общественной реальности. Именно этот уровень является уровнем социального взаимодействия мифа и науки. Следует заметить, что внешние формы гораздо пассивнее внутренних, и они лишь косвенно выражают характер символических форм культуры. Взаимодействие на основе лишь внешних форм является поверхностным явлением, не затрагивающим внутреннюю основу языков познания, а, следовательно, оно, как правило, не способствует развитию нового гносеологического потенциала. Подобный синтез ведет к возникновению псевдонаучного дискурса и околонучной мифологии, достаточно широко распространяющихся в обществе на уровне массовой культуры. На этом уровне «писатель» нередко сам неграмотен, либо он пытается вызвать интерес всеми доступными средствами, включающими те, которые радикально искажают природу описываемого предмета.

Исследователи феномена взаимоотношения науки и мифа рассматривали их взаимосвязь на разных уровнях их взаимодействия как

форм познания. Обратимся к одному из примеров, а именно рассмотрим как видели и понимали связь мифа и науки А.Ф. Лосев и Пол Фейерабенд.

В своем знаменитом труде «Против метода»¹ Пол Фейерабенд ставит многие актуальные вопросы: так ли уж далека наука от других форм познания? Несет ли она в себе единственно верную картину мира? Существует ли реальное превосходство науки над мифом? Выдвинув идею о том, что превосходство науки над мифом есть миф, Фейерабенд стал основателем эпистемо-логического анархизма. Фейерабенд приходит к выводу, что вопреки мнению большинства философов наука не рациональна и, в сущности, ничем не отличается от мифа. Говоря о мифе, мы в первую очередь подразумеваем, что главной его особенностью является невозможность опровергнуть идеи, лежащие в его основе; все альтернативные точки зрения отбрасываются и не допускаются, и если они имеют место быть, то их ждет искоренение. Традиционность и нетерпимость к критике являются отличительными чертами мифа. Говоря же о науке, мы верим, что она готова к объективной критике, дискуссии, диалогу, пересмотру общепринятых теорий, вследствие чего происходит их эволюция. Фейерабенд опровергает данное убеждение. Еще Томас Кун в своем труде «Структура научных революций»² высказал идею о том, что существующая на определенном этапе научная парадигма давит своим непоколебимым авторитетом на противоречащие ей теории. Парадигма догматична и нетерпима. Пол Фейерабенд подтверждает этот факт, говоря, что теории крупных ученых не дают возможности развиваться теориям их последователей с той же слепой и безжалостно силой, что и миф давит на сознание человека, верующего в него. Будучи усилена структурами государства и образования, теория постепенно превращается в форму идеологии, успех и стабильность которой выступают как результат конформизма, но не декларируемой согласованности с действительностью.

¹ *Фейерабенд, П.* Против метода. Очерк анархистской теории познания [Текст] / П. Фейерабенд. - М.: АСТ, 2007. – 423 с.

² *Кун, Т.* Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. - М.: АСТ, 2003. - 608 с.

При отсутствии альтернатив теория превращается в разновидность мифа, целенаправленно культивируемого учеными, и базирующегося скорее на ловком обмане, чем на беспристрастной истине. Таким образом, нет реальных оснований возвышать науку над мифом, считая её более развитой формой познания мира. Последнее высказывание подталкивает нас на интересную параллель. Такого же мнения придерживался Алексей Федорович Лосев. В великолепном труде «Диалектика мифа»¹, им было опровергнуто привычное представление о мифе как о предшественнике науки или примитивном научном построении. Лосев выступает категорически против утверждения, что мифология предшествует науке и что наука появляется из мифа. «Если это значит, что миф проще для восприятия, что он наивнее и непосредственнее науки, то спорить об этом совершенно не приходится. Также трудно спорить о том, что мифология дает для науки тот первоначальный материал, над которым она будет в дальнейшем производить свои абстракции и из которого она должна выводить свои закономерности. Но если указанное утверждение имеет тот смысл, что сначала существует мифология, а потом наука, то оно требует полного отвержения и критики»². Лосев доказывает, что наука не рождается из мифа, а не существует без него.

В концепциях А.Ф. Лосева и Пола Фейерабенда мы можем выделить два общих основания: 1) **мифологическое мировоззрение не является более примитивным по сравнению с научным** и не предшествует ему, являясь менее развитой формой познания мира; 2) **наука сама является мифологией**, всецело владея умами верующих в неё людей и властвуя над прочими формами мировоззрения. Этот момент представляет собой интересное открытие. Фейерабенд не был знаком с теорией Лосева в силу того, что Лосева судили и приговорили к лишению свободы за его «Диалектику мифа», а после освобождения не печатали, и сам он скрывал

¹ Лосев, А.Ф. Диалектика мифа // Миф – Число – Сущность [Текст] / А.Ф. Лосев / Сост. Тахо-Годи А.А.. - М.: Мысль, 1994. - С. 8–217.

² Там же. - С. 16.

свои идеи от общественности. Но мы обнаруживаем очевидное сходство в концепциях этих ученых, несмотря на то, что один из них постригся в монахи, проповедовал имяславие и был во многом продолжателем идей Соловьева и Флоренского, а другой был представителем постпозитивизма, критиковал любой научный и философский метод и опровергал значимость и науки, и философии.

Тем не менее, обнаруживая общие моменты в представлениях Фейерабенда и Лосева о взаимоотношении мифа и науки, мы не можем не отметить, что философы рассматривают их связь на разных уровнях взаимодействия в качестве форм познания. Лосев исходит из единства мифа и науки как познавательных форм – вследствие чего мы можем наблюдать их определенное сходство. Фейерабенд же рассматривает совсем иной, а именно третий уровень их взаимодействия, который характеризуется синтезом внешних форм языков познания, которые бытуют в сферах образования, массовой культуры, массовой коммуникации.

Таким образом, миф и наука имеют изначально общую цель – познать мир, сделать понятными процессы, происходящие в нем, и тем самым консолидировать общество. На уровне внутренней формы языка миф и наука представляют собой единый творческий потенциал, нацеленный на создание целостной картины мира, в том числе и социальной. Взаимодействие на уровне внутренних форм мифа и науки приводит к их развитию, и это является положительной стороной подобного синтеза, в том случае, если он действительно реализуется в обществе. Внешний уровень взаимодействия может привести к подмене целостного образа мира, и, чаще всего, приводит к отрицательным последствиям, влекущим за собой не только мировоззренческие, психологические проблемы, когнитивный диссонанс, но и влияющие на социально-гносеологическую активность субъекта, на его мотивацию к глубокому постижению происходящего (миф, как правило, «успокаивает, усыпляет» социальную активность). На этом уровне могут

происходить определенные процессы общественной консолидации, но они, как правило, реализуются в виде симулякров.

Околонаучная мифология является результатом взаимодействия мифа и науки в общественной среде, то есть согласно нашей схеме, на третьем уровне. Но без онто-гносеологического базиса, который заложен в первом и втором уровнях взаимодействия мифа и науки, бытование околонаучной мифологии, как общественного явления было бы шатким и неустойчивым. Но так как мы существует глубинный базис околонаучной мифологии, на котором она покоится, ее тиражирование в общественной среде, безусловно подпитанное социокультурными факторами, происходит всё активней и ведет к важным изменениям в общественном сознании.

Глава 2.

ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МИФА И НАУКИ

2.1. Социальная онтология мифа и науки в сопоставительном аспекте.

За тысячелетия существования человеческой культуры, человек усердно искал и продолжает заниматься поисками универсального способа познания и понимания мира, в том числе и социо-культурного. Этот способ должен отвечать одновременно нескольким параметрам: он должен помочь объяснить различные явления действительности максимально объективно, раскрыть механизмы их функционирования такими, какие они есть по своей сути; он должен быть прост для понимания и доступен, чтобы каждый субъект познания смог им воспользоваться; и, наконец, он должен быть настолько универсален, чтобы человек, воспользовавшись им как инструментом, мог познать любой объект любой сферы бытия. Миф, религия (во всех её проявлениях, начиная от анимизма и фетишизма, заканчивая сложноструктурированными социальными институтами), искусство и наука – вот, пожалуй, те базовые формы познания, которые в разной степени реализуют вышеперечисленные условия. Современный человек отличается от людей предшествующих эпох тем, что он использует все эти формы, синтезирует их, и, таким образом, создает свою картину мира. Мироззрение нашего современника представляет собой очень сложную структуру, в которой различные формы миропредставления могут мирно сосуществовать, могут вступать во взаимодействия, а могут и бороться друг с другом, приводя к когнитивному диссонансу. Так или иначе, нельзя отрицать роль каждой из этих познавательных форм культуры в формировании картины мира, даже если мы говорим о такой форме, как миф, которая в массовом сознании представляется устаревшей и даже, на первый взгляд, крайне неактуальной в тех условиях, в которых современный человек

продолжает постигать и развивать окружающий его естественный и искусственный мир.

То, что миф продолжает жить наряду с другими символическими формами культуры говорит о его уникальном социальном и онтогносеологическом статусе. Мы предпринимаем попытку исследовать социальные причины долгожительства мифа через его сравнение с другой гораздо более молодой символической программой мышления – наукой – через сопоставление их онтологий.

Миф и наука, помимо прочего, являются языками познания. Мы рассматриваем понятие язык в данном случае не в лингвистическом, а в гносеологическом смысле. В соответствии с гумбольдтианской традицией принято считать, что все языки имеют определенную внутреннюю форму, то есть глубинное априорное основание, выражаемое в работе духа. По словам Г. Г. Шпета, форма представляет собой индивидуальный порыв, который в языке выражает свою значимость¹. Внутренняя форма любого языка познания как социально-когнитивной структуры отражает глубинные онтологические основания, заложенные в нем, или, если перефразировать Гумбольдта, «дух науки», «дух фантазирующего сознания». Поэтому, говоря об социальных и онтологических основаниях мифа и науки, мы воспринимаем их как сущность их внутренней формы, специфического «духа» «порыва» и, в определенном смысле слова, как языков познания.

Онтологию мифа исследовали многие неординарные философы, такие как Дж. Вико², К. Леви-Стросс³, М. Элиаде⁴, К. Хюбнер⁵, Е.М. Мелетинский⁶,

¹ Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова [Текст] / Г.Г. Шпет . - Иваново, 1999. - С. 13.

² Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций [Текст] / Дж. Вико. - Киев, 1994. – 619 с.

³ Леви-Стросс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Стросс. - М., 1985. – 314 с.
Леви-Стросс, К. Мифологии [Текст] / К. Леви-Стросс. - М., 2000. – 399 с.

⁴ Элиаде, М. Аспекты мифа [Текст] / М. Элиаде / Пер. с фр. В. Большакова. - Инвест-ППП, 1995. – 202 с.

⁵ Хюбнер, К. Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. - М., 1996. – 312 с.

⁶ Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа [Текст] / Е.М. Мелетинский. - М., Наука. 1976. – 407 с.

С.А. Токарев¹, Х.Г. Кессиди². Выдающий исследователь мифа Алексей Федорович Лосев, выстраивая свою концепцию онтологии мифа в монументальном труде «Диалектика мифа», с первых строк дает понять, что миф — это отнюдь не только и не просто продукт прошлого развития общества. Как любая форма освоения мира, миф является «законным» элементом сознания и познания в любую эпоху. Благодаря мифу может создаваться целостное представление о мире на основе слияния рационального и иррационального без претензии на абсолютизацию какого-либо из отмеченных компонентов. Он является одним из факторов социализации, но, помимо этого, в нем находит выражение психологическая потребность человека в создании целостной картины мира. Миф при этом выполняет функцию компенсатора недостающих для целостности знаний. Миф проникает в другие сферы культуры, он гармонично существует и в науке, и в религии; присущ он и различным социальным сферам, таким как политика, реклама, массовая культура. Миф занимает важное место и в обыденном сознании обывателя, поскольку позволяет свести сложное к понятному, простому, и удобному для восприятия. Он характеризуется синтезом логического и чувственного, рационального и иррационального. И, кроме того, миф позволяет обеспечивать функциональность группового сознания, коллективного бессознательного, формирует общественную психологию во все эпохи и в любой культуре. С нашей точки зрения, анализ природы мифа в рамках социальной философии актуализирует и во многом конструирует дискурс вокруг объяснения сущности многих проблем, связанных с выявлением особенностей иррациональных и бессознательных уровней сознания, самодетерминации личности в социуме и мире в целом, а значит, соответственно, представляет интерес и для онтологии³.

¹ Токарев, С. А. Ранние формы религии и их развитие [Текст] / С.А. Токарев. - М., Наука, 1964. – 206 с.

² Кессиди, Х. Г. От мифа к логосу (Становление греческой философии) [Текст] / Х.Г. Кессиди. - М., 1997. – 367 с.

³ Арапов, Е.Г. Онтологические основания мифа и мифотворчества [Текст] / К.Г. Арапов: автореферат дисс....к.филос.н., - Москва. 2005.

Пытаясь дать определение понятию «миф» Алексей Федорович Лосев, прежде всего, обозначает те концепты, в которых миф, по его мнению, отношения не имеет. Эти концепты в определенных условиях могут образовывать вступать во взаимодействие с мифом, являясь также символическими формами культуры. Для Лосева было важно понимание сущности мифа через призму классического античного мифа, знатоком которого он являлся, и тексты которого подвергал тщательному анализу.

Таким образом, Алексей Федорович Лосев выводит шесть символических форм культуры, с которыми миф может взаимодействовать, формулируя шесть антитезисов, благодаря которым сокращает область применения концепта «миф». Благодаря подобным феноменологическим описаниям Лосев выводит более узкое понимание мифа: «...Миф - такая диалектически необходимая категория сознания и бытия, которая дана как вещественно-жизненная реальность субъект-объектного, структурно выполненного (в определённом образе) взаимообщения, где отрешённая от изолированно-абстрактной вещиности жизнь символически претворена в дорефлексивно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергичный лик»¹. Затем он сокращает определение до: ***миф есть интеллигентно данный символ жизни, необходимость которого диалектически очевидна***. И, в конце концов, приводит наиболее лаконичную трактовку мифа, которая заключается в том, что он представляет собой ***символически данную интеллигенцию жизни***, которая, в свою очередь отражает идею о том, что миф тождественен ***лику личности***.

Миф как лик личности, или, вернее, личность как миф является в полной мере личностным бытием, рождающимся и становящимся, развивающимся, то есть данным исторически. Говоря о данном исторически, мы подразумеваем, что оно происходит во времени. И говоря о том, в каком времени располагается мифологическое становление, мы, исходя из концепции А.Ф. Лосева, указываем, что в мифологическом. Лосев использует

¹ Лосев, А. Ф. Миф. Число. Сущность [Текст] / А.Ф. Лосев. - М.: Мысль, 1994. - С. 35.

концепт мифологического времени, который был им разработан в «Античном космосе и современной науке»¹, и уделяет ему особое внимание. Для Лосева понятие времени имеет внеисторический характер, а значит представляет собой нечто вечное, так как оно не имеет конца и располагается в бесконечности. Скорость протекания времени различна в разных исторических пространствах. Это актуализирует идею о том, что миф, в различных своих исторических проявлениях, имеет разную скорость формирования и бытования. С этим связаны кардинальные различия в сущности, форме и цели возникновения разных мифологий. «Одна и та же вещь, одна и та же личность может быть, следовательно, представлена и изображена бесконечно разными формами, смотря по тому, в каком плане пространственно-временного бытия мы её мыслим»².

В такой системе миф представляет собой личностное бытие, данное во времени, исторически, но, в тоже время, не является историческим событием. Историческое представляет собой акт творчески данного и активно выраженного с помощью разнообразного инструментария самосознания, которое обретает реальность в слове³. Значит, миф всегда является словом, и даже в этом миф уже подобен науке, поскольку в науке нечто только тогда становится ее достоянием, когда оно выражено в слове, в понятии.

Являясь исходной реальностью духовной жизни человека, миф во многом формирует саму «человеческую ситуацию» в мире. Любая картина мира, как воплощение определенной иерархии ценностей и концептаульных мировоззренческих построений, формирующихся в рамках человеческого опыта и познавательных практик, имеет в своей социально-онтологической основе «жизненный мир». «Жизненный мир» во многом сформирован подсознательными априорными дологическими онтологемами и

¹ Лосев, А.Ф. Античный космос и современная наука [Текст] / А.Ф. Лосев . - М.: 1993. – 550 с.

² Лосев, А.Ф. Миф. Число. Сущность [Текст] / А.Ф. Лосев. - М.: Мысль, 1994. - С. 30

³ Там же. - С. 36

иррационально-интуитивными формами понимания сущности различных аспектов бытия.

С одной стороны, любая картина мира моделируется в процессе познания. С другой стороны, познавательный процесс каждого отдельного человека структурируется уже имеющейся у него картиной мира. На уровне восприятия новой информации происходит встраивание приобретенного знания в контекст картины мира человека.

Более глобально этот процесс можно проследить на примере смены научных парадигм. Во-первых, изменение парадигмы всегда приводило к переходу к новой культурной картине мира. С другой стороны, само формирование новой парадигмы всегда возникало в контексте уже имеющейся на тот момент картины мира. Также возникновение новой системы знаний всегда опирается на картину мира отдельного человека (ученого). И здесь следует заметить, что образ мира отдельно взятого индивида динамичен. Причем скорость его изменения намного больше скорости изменения коллективных представлений о мире.

Одной из особенностей современной картины мира (в том числе и различных её составляющих – культурного, религиозного, научного образов мира) является тот факт, что в существенной степени она определяется с одной стороны очевидно научной составляющей, а с другой стороны, неявным мифологическим компонентом. Соответственно, индивидуальная картина мира будет окрашена оттенком именно тех представлений, которые формируются в первую очередь актом индивидуального познания. Научное знание как правило доходит до сознания людей в измененном виде. Факторы его трансформации различны. Первый важный фактор заключается в существовании различных способов постижения реальности.

В качестве еще одной причины того, что научные представления доходит до сознания людей в трансформированном виде является современная массовая мифология. Процесс ремифологизации в настоящее время присутствует во многих областях знания. Он активно транслируется в

обществе благодаря некоторым явлениям культуры (кинематограф, литература), средствам массовой информации (телевидение, всемирная сеть интернет). Даже результаты фундаментальной науки в настоящий момент зачастую воспринимается именно с мифологической точки зрения, так как в силу своей новизны подвержены влиянию активно разрастающегося вокруг него мифотворчества. Этот процесс носит как негативный, так и в чем-то положительный характер. Различные способы познания мира в данном контексте будут зависеть от типа мышления человека, его индивидуальной картины мира, а также от тех социокультурных процессов, в которые он включен.

В мифе, как ни в одной другой символической форме культуры, воплощено глубинное антропологическое осмысление мироздания. В связи с этим, объяснение сущности мифологии и ее места среди других форм освоения действительности отсылает к изначальному онтологическому вопросу о смысле существования. Изучая миф, мы углубляемся в изучение человеческого самосознания и саморефлексии, в осмысление проблемы его существования в мире.

Это важное свойство мифа может помочь и современной науке определить некие новые смыслы ее существования и развития, многие из которых были потеряны в процессе технологизации, компьютеризации, информатизации и прочих актуальных тенденции.

Мифологическому мировоззрению присуще уникальное ощущение единства жизни и смерти, созидания и разрушения. Онтологические основания мифа заключаются, в том числе, в принятии человеком собственной конечности¹. В связи с этим, миф, связанный с действием в человеке понимания смерти, можно рассматривать как изначальную форму бытия смысла, или бытия, сосуществленного в форме слова, определяющего смысл.

¹ Арапов, Е.Г. Онтологические основания мифа и мифотворчества [Текст] / Е.Г. Арапов: автореферат дисс....к.филос.н., - Москва. 2008.

В этом отношении техногенная цивилизация «лишила» человека смерти, а вместе с этим и многих нравственных оснований, в связи с этим положением можно вспомнить исследование Жака Бодриера «Символический обмен и смерть».

Миф является социально-онтологическим концептом, в котором воплощена априорная сущность системы «человек - мир», «человек – человек» или «человек - другой человек». А этом заключена важная социальная роль мифа. Человек способен трактовать свое место в мире, свою общественную роль, формировать свою картину мира во многом исключительно в рамках мифологического представления об устройстве и сущности вещей и явлений, с которыми в ходе приобретения жизненного опыта и процесса познания предстоит столкнуться индивиду¹. В этом ключе важно понимать, что мифологические структуры, входящие с наше сознание и самосознание, возникают не только под влиянием эмпирических практик, но в основном путем трансцендентного осмысления чувственного опыта и основ самого сознания. Постоянная интенция самого сознания и культуры в целом к этим основам и является источником практически любого мифотворчества. Наука в своем развитии также стремится к трансцендентальному, в этом смысле, как к запредельному, выходящему за границы современного знания.

Миф трактует понятие сакрального как нечто, уже входящее в основу сознания и выраженное в виде фундаментальных онтологом, априорных образов, архетипов. Объясняя когнитивные факторы и формы бытования и воплощения креативной способности человеческого воображения, и выявляя роль воображения в системе мифологического, Э.Я. Голосовкер пришел к выводу, что благодаря воображению человек реализует в мифотворчестве априори имеющееся у него стремление обращения к миру, космосу как образу и смыслу. Любой образ, любой смысл, которыми насыщен миф

¹ Раздьяконова, Е.В. Миф как реальность и реальность как миф [Текст] / А.В. Раздьяконова: автореферат дисс....к.филос.н., - Томск. 2009.

представляет собой энигму мира¹. «Энигматическое знание», понятие, введенное Голосовкером, представляет собой метод синтеза глубинного, зачастую неосознанного стремления индивида к воссоединению реальности «другого» мира с внешним миром в таком виде, в котором он представляется человеку в ходе чувственного познания. В качестве смысл-образа, миф являет собой структуру, входящую в имагинативный мир. Сознание создает образ реальности в результате смыслотворчества. «Мифоимагинация» может быть истолкована в контексте смыслотворческой деятельности человека, формирующей, многие аспекты его существования. Именно на основе этих интенций в истории постепенно формируется будущая наука.

Мифология образует социально значимое культурное пространство для общественных действий и выступает как постоянный фактор духовной жизни человека. Таким образом, актуализация мифологического в современном обществе формирует значительную сферу вопросов и для научного, и социально-философского исследования, ориентированных на понимание природы мифа, оценку значения мифологической картины мира в различных общественных сферах, в том числе и в науке.

Картину мира обычно называют совокупностью представлений о свойствах и устройстве действительности, способах её бытования, различных ее проявлениях, которые были получены на базе первоначальных мировоззренческих принципов и объединяющих знание и опыт, которые были накоплены человечеством. Мифологическая же картина мира, представляет собой, во-первых, первую форму познания мира, а, во-вторых, является средством конструирования реальности, способом социального управления и манипулирования сознанием. Мифологическая картина мира является целостным пониманием окружающей действительности, в котором различные образы и смыслы составляют единую картину мира, в рамках которой естественным образом взаимодействуют и сочетаются реальное и

¹ Голосовкер, Я. М. Логика мифа [Текст] / Я.М. Голосовкер. - М.: Наука, 1987. – 544 с.

фантазийное, естественное и сверхъестественное, знание и вера, мысль и чувства¹.

Исследование специфики мифологической картины мира позволяет выявить изменений в отношениях картины мира с динамикой и трансформацией общественных ценностей и идеалов, а также способствует анализу её амбивалентности². Современная мифологическая картина мира характеризуется не однообразием, а своей полимифологичностью, конструируемой в соответствии с различными целями. Современная мифологическая картина мира отличается от древней в первую очередь тем, что она взаимодействует бытующим и принятым в обществе за базовое рациональным знанием, из которого может черпаться материал для построения образов и аргументов. В свою очередь эти элементы мифологической картины мира проникают всюду, в том числе и в науку.

Таким образом, сущность мифотворчества связана с наиболее глубинными закономерностями деятельности сознания, с его фундаментальными онтологемами и функционалами. Как отмечал Курт Хюбнер, для мифически мыслящего древнего грека мирская и божественная истории были неразрывно связаны друг с другом. Это находит отражение, например, в том, что у греков договор, который не предполагал мгновенного исполнения, требовал клятвы, которая приносилась в храме, «в присутствии» божеств³. Реальность мифа была связана и с реальностью той истории, которая повествует об определенном изначальном божественном явлении, истории происхождения нашего мира и сегодняшней реальности. Миф отражает многие процессы становления, и в природе, и в обществе. Социальная иерархия и природа связаны с божественным порядком. Таким образом, миф отражал такое понимание реальности, которое либо вступает в противоречие с современным типом рациональности, либо игнорируются ею.

¹ Халимулина, Р.С. Мифологическая картина мира :гносеологический аспект [Текст] / Р.С. Халимулина: автореферат дисс....к.филос.н., - Оренбург. 2008.

² Там же.

³ Савельев, А.Н. Политическая мифология [Текст] / А.Н. Савельев. - М.: Логос, 2003. - С 6.

В социологии миф понимается как непереносимое условие существования современного общества, так как без него многие элементы социального устройства были бы непонятны, не связаны и вообще ставились под сомнение. В частности, это позволяет научным идеям быть адаптированными в обществе через их мифологизацию и ремифологизацию.

Миф определенно является фундаментальной онтологической данностью, лежащей в основе культуры. Миф – важный элемент сущности сознания в любую культурно-историческую эпоху, формирующий специфику развития культуры¹. В современном обществе процессы в которых участвуют мифологические компоненты приобретают характер доминирующих. Таким образом, постоянно актуализируется мифологизация различных сфер социальной реальности что проявляется, в частности, и в науке.

Онтологические основания науки располагаются в области формирования научной картины мира. Феномен научной картины мира определяют по-разному. Классическим определением научной картины мира является утверждение, что она представляет собой систему человеческих представлений о закономерностях и свойствах реально существующего мира, которая формируется в результате обобщения и синтеза научных категорий и принципов. Кроме того, в философии науки возможно и другое определение: научная картина мира является особой формой систематизации знаний, мировоззренческим синтезом и качественным обобщением различных научных теорий. Являясь целостной системой представлений об общих закономерностях и свойствах реальности, научная картина мира функционирует как сложная структура, которая включает в себя в качестве составных частей общенаучную картину мира и картины мира отдельных наук (физическая, биологическая, геологическая и т.п.). Картины мира отдельных наук также являются сложносоставными и включают в себя

¹ Раздьяконова, Е.В. Миф как реальность и реальность как миф [Текст] / Е.В. Раздьяконова: автореферат дисс....к.филос.н., - Томск. 2009.

многочисленные концепции, конкретные способы трактовки и понимания каких-либо явлений, событий и процессов объективного мира, существующие в каждой отдельной науке.

Содержание научной картины мира составляют основные идеи наук об обществе и природе, закономерности, принципы, представляющие единство, систему знаний, определяющие тип научного мышления на определенном этапе развития науки и культуры в целом. Особую роль в научной картине мира играют так называемые «идеальные объекты» науки, которые строятся не только на основе абстрагирования от многих реальных свойств предмета, но и на основе доведения оставленных свойств предмета до их логического предела, по сути, до трансцендентного уровня. При формировании таких идеальных объектов требуется воображение, подключающее множество других структур сознания, в том числе мифологические. В конкретный период развития общества формируется научная картина мира, в которой объективный мир представлен с той точностью, адекватностью, которую позволяют достижения науки и практики. Кроме того, картина мира содержит и нечто такое, что на данном этапе наукой еще не доказано, то есть определенные гипотезы, предвидения, которые в будущем могут быть подтверждены и стать теориями, а могут прийти в противоречие с наукой и образовать пласт псевдонауки.

Особенность науки заключается в том, что она является той формой общественного познания, которая постоянно развивается, и это развитие заложено в самой её сути, чтобы она не преобразовывалась в стационарную, нединамическую систему. Благодаря этому происходит постоянное обновление идей и концепций, более ранние знания могут становиться частными случаями новых теорий. Научная картина мира не может являться догмой и не абсолютной истиной. Научные представления об окружающем мире и обществе должны быть основаны на всей совокупности установленных причинно-следственных связей и доказанных фактов, но подстраиваться и изменяться точно так же, как меняется мир вокруг нас. Для

пересмотрения уже имеющихся концепций и теорий должны появиться новые факты, факторы, эмпирические данные, средства и инструменты науки. В идеале, благодаря такому развитию, могут создаваться новые, более соответствующие реальности научные представления. Но не менее важным принципом науки является принцип фальсификации, позволяющий сменять одну научную теорию другой, подобно тому, как одна мифология сменяет другую (устаревшую).

Изменения научной картины мира происходят согласно структуре научного знания, которое подразумевает наличие центрального теоретического ядра, фундаментальных допущений и локальных теоретических моделей, находящихся в постоянной трансформации. Кроме того, неотъемлемой составляющей НКМ являются её философские основания, философемы, иногда восходящие к мифологемам.

Наш соотечественник физик Фридман был убежден в том, даже если человек обладает крайне скудными знаниями относительно окружающего его мира, он так или иначе будет стремиться к воссозданию из них целостной картины мира. Это отсылает нас к понятию системности научного мировоззрения. На протяжении всей истории философии развивалась идея взаимосвязи общества природных и процессов. Так, В.Ф. Гегель в «Философии природы» подчеркивал диалектическую взаимосвязь и переход от механических явлений к химическим, далее к органической жизни и к практике.

Наше сознание в большей степени, по крайней мере, в современном рационально ориентированном обществе, сформировано именно научной онтологией. Она представляет собой ту основу, на которой человек старается упорядочить все знания и представления. Она является такой системой понимания мира, на которую мы ориентируемся как на априорную. Именно научный тип мышления «навязывается» нам всей системой образования.

Философом Гастоном Башляром¹ еще в 1920-е годы была высказана мысль о несовершенстве представлений о науке, как о системе, в рамках которой, путем накапливания трансформируются наши знания о мире. Он утверждал постоянную трансформацию научного знания в рамках исторического процесса и невозможность свести новейшие результаты науки с теми основаниями, на которых она когда-то базировалась. В концепции «логического прагматизма», предложенной американским исследователем У. Куайном², мы видим строгое разграничение онтологии и идеологии научных теорий. К онтологии Куайн относил те феномены, которые выражают структуру описываемой реальности, в качестве которой могут выступать не только явления, реально фиксируемые опытным путем, но и некий «возможный мир».

Сложность выявления оснований науки стала причиной того, что проблема сущности онтологических компонент научного знания превратилась в одну из важнейших задач для многих философов. Теория Карла Поппера³ о «трех мирах» показывает взаимодействие мира идей и мира физических состояний. Но только существование «третьего мира» представляет данность, независимую от него и объективную по отношению к нему. Таким образом, онтологический статус приобретают сами знания.

В концепции Т. Куна, высказанной в его знаменитой книге «Структура научных революций»⁴, отчетливо выявлено влияние социокультурных факторов на познавательную деятельность. Понятие парадигма имеет множество оттенков и толкований, но в наиболее общем смысле, это определенная система принципов, определяющих восприятие конкретным научным сообществом тех фрагментов окружающей действительности, которые включены в сферу научного исследования. Безусловно, в этой связи понятие парадигмы имеет глубокий онтологический

¹ Башляр, Г. Новый научный дух [Текст] / Г. Башляр. - М., 1987. – 376 с.

² Куайн, У. Две догмы эмпиризма [Текст] / У. Куайн. - М., Логос, Праксис, 2000. – 386 с.

³ Поппер, К. Логика научного исследования: Пер. с англ. [Текст] / К. Поппер / Под общ. ред. В. Н. Садовского. - М.: Республика, 2004. – 605 с.

⁴ Кун, Т. Структура научных революций [Текст] / Т. Кун. - М., 2009. – 608 с.

статус. Смена одной парадигмы на другую происходит не на основе рационального обоснования её преимуществ, а в результате смены убеждений, а иногда других социальных факторов. Роль онтологических факторов в данном случае будут играть, например, внутренние, личностные побуждения, влияющие на выбор ученого.

Пол Фейерабенд, радикально подойдя к решению проблемы, в своей книге «Проблемы эмпиризма»¹ пришел в свое время к выводу, что развитие системы человеческих знаний превращается в результат «самовыражения» исследователей, которые предлагают новые теории, из которых потом выбирают подходящие для каждого отдельного случая. Таким образом, за счет достижения творческого роста самих ученых, наука в целом предохраняется от превращения в стационарную неразвивающуюся систему.

По многим основаниям преимущества науки неоспоримы. Особая рациональность и логика, а также ориентация на доказательность своих утверждений делают её ведущим способом освоения мира, тем способом познания, который вызывает наибольшее доверие. Наукоориентированный тип мышления развивает в человеке с самых первых попыток освоения действительности способность видеть закономерности, способность к построению причинно-следственных связей, к творческому поиску самодетерминации в мире.

Традиционно существует представление о том, что основа существования знаний человека о мире располагается в сущности самого процесса познания, направленного на конструирование новых моделей объяснения мира. С точки зрения Умберто Матурано, познание является не отражением мира, а внутренним конструированием мира, построением собственной модели мира. Причём внешне оно выражается как эффективное поведение. С их точки зрения, выраженной в книге «Древо познания»², сама

¹ *Фейерабенд, П.* Проблемы эмпиризма [Текст] / П. Фейерабенд. - М.: АСТ; Хранитель, 2007. - 189 с.

² *Матурана, У.* Древо познания [Текст] / У. Матурана. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - 224 с.

жизнь всегда является познанием, а познание - это эффективное действие. Особенность человека и человеческого познания, в сравнении с другими живыми существами, заключается в его социально-языковой природе: мы создаём мир вместе с другими людьми.

На глубинном онтологическом уровне мы наблюдаем единство и различие внутренних форм науки и мифа. Сравнение мифа и науки показывает, что научная онтология не стоит над мифической, имея исключительные преимущества над ней. Причина актуализации мифа среди других символических форм культуры заложена в его онтологической универсальности, так как он представляет собой не просто форму познания, а социокультурное пространство, в котором существует человек, погруженный в миф. И сейчас, пожалуй, уже нет сомнений в том факте, что человек всегда погружен в мифологическую реальность. По словам Курта Хюбнера, «неизвестно даже, не ближе ли наша практическая и личная жизнь к мифу, чем к науке. Может оказаться, что мы совершаем большую ошибку, предпочитая научную, а не мифическую картину мира»¹. «Глубина и многообразие жизни позволяют связать друг с другом многое, кажущееся противоречивым, и она сопротивляется чересчур усердному и чуждому реальности желанию объединить все логическим путем под одной крышей»².

В отличие от науки, согласно концепции Хюбнера (одной из самых авторитетных концепций сущности мифа), в мифе пространство и время распадаются на дискретные пространственно-временные гештальты (нуминозные сущности и их архе), не связанные сквозной дедуктивной логикой³. Кроме того, миф включает в себе в какой-то степени аналогичную научной рациональность (этот феномен мы подробно исследуем во втором параграфе).

Миф является элементом понимания, объяснения и освоения мира в любую историческую эпоху, фактом социализации человека, социально-

¹ Хюбнер, К. Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. - М., 1996. - С. 57.

² Там же. - С. 63.

³ Савельев, А.Н. Политическая мифология [Текст] / А.Н. Савельев. - М.: Логос, 2003. - С. 7.

психологической потребностью субъекта, жизненным пространством человеческого бытия и восприятия им реальности, фундаментальной онтологической данностью, выступающей неявной основой любой культуры. Сущность мифа связана с наиболее глубинными закономерностями деятельности индивидуального и массового сознания, с его фундаментальными функционалами.

Онтология научного знания определяется научной картиной мира, являющей собой единый комплекс наших знаний о функционировании и бытовании явлений природы и общества, представленный через систему идеальных объектов науки, возникающую в результате рационального обобщения и синтеза. Общество оказывает значительное влияние на развитие науки, на её рационализированные средства, многие из которых зарождаются в повседневности. Поэтому в науке выделяются уровни личностного неявного знания, корни которого восходят, в том числе, к синкретичным представлениям донаучного мира, в котором первичным является миф, а также другие социально обусловленные компоненты научной деятельности.

Сравнение двух онтологий показывает, что каждая из них имеет свои преимущества и развивает их своими средствами. Однако влияние общества может во многом нивелировать эти различия, что нередко приводит к сходству их систематик, структурных элементов (бинарность, тернарность и т.д.). Основания мифологического, так же как и основания научного лежат в основе дальнейшего познания окружающей действительности. Различие между мифическим и научным опытом лежит преимущественно в области содержания, способах утверждения, стилистике выражения результатов познания. Именно это обуславливает различие их социальных ролей.

Тем не менее, те сходства, которые имеют онтологии мифа и науки, находят выражение в социальном контакте этих символических программ мышления и форм культуры. Эти сходства располагаются на втором уровне взаимодействия мифа и науки, а часть их, касающаяся общей онтологической цели – формирование картины мира, на первом уровне. Это обуславливает

успешный синтез мифа и науки, как онтологически дополняющих друг друга форм, и бытование нового средства конструирования мировоззрения – околонаучной мифологии.

2.2. Сравнительный анализ историко-гносеологических ролей мифа и науки

Общественное развитие во многом определяется уровнем развития когнитивных способностей человека. Развитие индивидуально-когнитивных и социально-когнитивных структур взаимосвязано. Поэтому редукция одной из них вызывает редукцию другой. В современной гносеологии спектр рассматриваемых познавательных способностей человека существенно расширен. К таковым относят не только традиционные мышление, ощущение, восприятие и так далее, но и эмоции, переживания, ценностные установки, социальный капитал, в которых также обнаруживаются гносеологические компоненты. Соединение всего этого в единое целое – довольно трудный процесс для социально-философского исследования, но как представляется, подобные трудности отражают реальные сложности взаимодействия этих довольно разнородных компонентов, как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Например, мы живем в эпоху господства социально-узаконенных дихотомий, например, все возрастающего разрыва между умом и сердцем^{1 2}. По этой традиции, самым простым способом определить отношения между гносеологией науки и гносеологией мифа, было бы противопоставить их друг другу. Но данная традиция исчерпала свой социальный потенциал, и теперь становится очевидно, что несмотря на кажущуюся демаркацию между этими двумя формами постижения мира, их гносеологические аспекты имеет ряд общих

¹ Человенко, Т. Г. Миф и логос: к вопросу о сравнительном анализе гносеологических позиций [Текст] / Т.Г. Человенко // Смыслы мифа: мифология в истории культуры. - СПб., 2001. - С. 300.

² Дмитриевская И.В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека [Текст] / И.В. Дмитриевская. - Иваново, 2012. – 352 с.

моментов. Мы говорим и о рациональности, лежащей в основе науки и мифа, и об иррациональных моментах, и о когнитивных структурах, обеспечивающих функционирование науки и мифа, и, в целом, о гносеологическом потенциале, заложенном в этих формах социально-символического освоения мира. Миф и наука имеют общую гносеологическую цель – познать мир, объяснить принципы, по которым он существует. Но способы достижения этой цели различны, хотя имеют ряд общих моментов, о которых мы скажем ниже.

Научное знание, формы познания в науке многообразны, а потому определение их границ нередко носит относительный характер. Если говорить о демаркации научного знания, следует заметить, что, в идеале, знания, которые мы традиционно относим к научным, имеют определенные стандарты и критерии.

Однако массив естественнонаучного знания время от времени подвергается пересмотру и даже опровержению в результате научных революций и, вследствие этого, не может отвечать кумулятивной модели развития, сводящейся к накоплению и сохранению накопленного. Научные революции формируют новые представления о мире. Благодаря им поддаются сомнению уже существующие догмы и законы. Это обостряет проблему объективности. Известно, что объективность всегда выступала классическим идеалом науки. Но идеал этот, в силу многих обстоятельств, является недостижимым. Даже если учитывать тот факт, что разнообразие науки обращены к феноменам или процессами реальности существующим объективно, мы прекрасно понимаем, что их невозможно рассмотреть вне человека и независимо от него.

Можно приводить в качестве примеров множество законов из различных научных областей и пытаться обосновывать их объективность в силу очевидности того, что само действие, рассматриваемое в этих законах, не зависит ни от личности ученого, ни от его социального статуса, ни от свойств его характера в целом или настроения в момент научного открытия.

Однако знание, получаемое в действительности, невозможно отделить от процесса его получения.¹

На современном этапе существования науки фиксируется существенная неоднозначность в понимании объективности. Иногда с объективностью связывают такие понятия как общезначимость и интерсубъективность. Одним из распространенных представлений об объективности является её интерпретация как сочетания и совпадения множества условий: методологических, логических, а также философских. Независимость, отстраненность от субъекта принимается за фундаментальную характеристику объективности. Уместно заметить, что традиционно объективность предполагает полное игнорирование присутствия субъекта познания. Научный дискурс, претендуя на объективность, как правило, от тех суждений, в которых присутствует какая-либо причастность к чертам личного мнения или индивидуального мышления. Однако объективность не подразумевает исключительно строгость категориального аппарата. Объективность, прежде всего, должна быть ориентирована на изучение внутренних свойств и сути самого предмета, процесса или явления. Наука, как форма познания, является универсальной, так как может взять в качестве предмета своего исследования любое явление, может рассматривать все в человеческом мире, будь то деятельность нашего сознания или объекты во Вселенной. Но, так или иначе, она изучает какой-либо предмет, опираясь на логику причинно-следственных связей.

Научное познание происходит во времени и зависит от многих внешних факторов. В связи с этим, историчны и подвержены старению и критерии научности, которые обычно определяют как точные независимые установки оценки результатов познания на их соответствие определенным и критериям, присущим стандартам науки. В действительности, зачастую именно благодаря этим критериям можно субординировать результаты

¹ Гиренок, Ф.И. Ускользящее бытие [Текст] / Ф.И. Гиренок. - М., 1994. - С. 114.

познания с позиции их соответствия или несоответствия науки. В.В. Ильин в своей монографии «Критерии научности»¹ констатирует, что они задаются диспозициями, санкциями, условиями. Относительно вопроса о демаркации научных и, в терминологии Ильина, обыденных форм знания, стоит отметить, что до сих пор не разработано универсальной системы оценивания знания по гносеологическому принципу. В.В. Ильин подчеркивает, что причиной неудач в решении данного вопроса является редукционизм в выделении критериев, в результате которого игнорируется многообразие форм научности. И стремясь избежать этого, он предлагает типологию критериев научности знания, выделяя три основных группы. Во-первых, это наиболее общие критерии, отделяющие науку от ненауки. Они образуют некий «предельный (для данного состояния науки) базис»², составляющий понятие единой науки безотносительно к ее дифференцированности по предметно-методическим и профессиональным формам. Это такие нормативы, как внутренняя формальная непротиворечивость, причинно-следственная связность, рациональность, воспроизводимость, интересубъективность. Такие критерии делают науку динамически действующей системой, охватывающей хотя и автономные, но структурно подобные знания. Во-вторых, автор выделяет «исторически-преходящие нормативы»³, определяющие модельно-аналоговый, интерпретативный процесс, выявляющие рациональные типы связей, используя которые можно осмысленно описывать течение событий. В эту группу входят требования к онтологическим схемам, гносеологическим допущениям, картинам мира и т.д. Данные критерии имеют значение для квалификации знания в его конкретно-исторической перспективе. В-третьих, это критерии, относящиеся к профессионально расчлененным областям научного знания или «дисциплинарные» критерии⁴. К ним относятся требования для логико-

¹ Ильин, В.В. Критерии научности [Текст] / В.В. Ильин . - М., 1989. – 129 с.

² Там же. - С. 63.

³ Там же. - С. 65.

⁴ Там же. - С. 68.

математических, естественных, общественных, технических наук, конкретных гипотез, теорий, допущений, актов познания. Они отображают частные параметры науки.

Одним из достоинств, предложенной В.В. Ильиным классификации, является то, что она является гетерогенной, многоуровневой, позволяющей моделировать научность как многопорядковую сущность, имеющую некое ядро и периферийные области. Кроме того данная типология подчеркивает историческую соотнесенность формы знания с периодом его существования, принимая во внимание возможность изменения культурно-стилистической размерности мышления ученых, и учитывает принцип предметной дифференциации форм знания и их специфику.

Еще одним плюсом данной системы, в контексте рассматриваемой диссертационной темы, является то, что на её основе, в силу её многоуровневости, может быть представлена и система критериев мифологичности. Так, первый и второй критерии могут быть отнесены к тем основаниям, которые заложены в основе мифа. Миф также имеет собственный «пределный базис», который представлен, во-первых, особой рациональностью (К. Хюбнер). Во-вторых, миф также обладает причинно-следственной связностью, выраженной в логике мифологических представлений. Феномен логики мифа подробно исследован Я.Э. Голосовкером. Мы не можем говорить о том, что логические построения науки и мифа являются идентичными. Логика мифа имеет особую, уникальную природу. Однако миф, как форма познания и объяснения действительности, безусловно логичен. Второй критерий, предложенный Ильиным, в его системе, также может быть отнесен к критериям мифологичности, ведь «исторически-преходящие нормативы» присутствуют и в мифах. Мифология каждой исторической эпохи всегда соответствует реалиям своего времени, всегда включена в существующую в конкретный период картину мира.

Обращая внимание на критерий объективности, стоит помнить о том, что наука не существует без субъекта, осуществляющего научную практику, а значит не может быть оторвана от сознания человека, понимание которого лежит скорее в сфере субъективного. Это приводит к размыванию критерия истинности. Иерархическое расположение критериев логичности, эстетичности и ориентира на практическую деятельность может трансформироваться в зависимости от условий взаимодействия этих критериев в рамках научного знания.

Эстетичность неизменно представляет собой одно из гносеологических оснований мифа, которая выражена в первую очередь в его образности. Алексей Федорович Лосев отмечает, что вся эллинистическая мифология, помимо задачи объяснить действительность, была рассчитана, кроме того, и на чисто эстетическое удовольствие¹.

Одно из ключевых мест среди критериев научности занимает когерентность. Она отвечает за согласование и объединение новых исследовательских результатов со знаниями, которые уже приобрели статус фундаментальных². Таким образом, когерентность обеспечивает безусловно относительную изоляцию сферы науки от несоответствующих ей суждений и положений.

Критерий когерентности также можно отнести и к одному из критериев мифа. Дело в том, что конституирование предметов в мифе обычно является предпосылкой для их логических отношений. Чудовище, божественные сущности, титаны, тотемы уже должны быть даны. Формы восприятия действительности и категории, в которых действительность в нашем сознании формируется, говоря словами Кассирера, должны быть уже даны в наличии, когда требуется преодолеть

¹ Лосев, А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе [Текст] / А.Ф. Лосев // Литература и живопись. - Л.: Наука, 1982. - С. 31-65.

² Порус, В.Н. Системный смысл понятия «научная рациональность» [Текст] / В.Н. Порус // Рациональность как предмет философского исследования. - М., 1995. - С 103.

возможные возникающие между ними противоречия, также их можно использовать в качестве средства упорядочивания мира.

Возвращаясь к критериям научности, нельзя вновь не вспомнить У. Куайна, который в шестидесятые годы выдвинул программу «натурализации эпистемологии». В ее основе лежит представление о том, что на смену попыткам демаркации научного знания путем выдвижения идеально-мифических, то есть не отражающих реалии, критериев, задачей эпистемологии должен выступать анализ реального положения вещей отражающим практическое функционирование науки. «Лучше заняться раскрытием того, как на самом деле протекают процессы научного развития и обучения, чем фабриковать вымышленные схемы, чтобы с их помощью получать столь же фиктивные результаты»¹, предлагал У. Куайн.

Одним из наиболее важных факторов в науке считалась процедура научного объяснения. Простейшее истолкование объяснения сформулировано как сведение неизвестного к известному, незнакомого к знакомому. В классической науке, как правило, принцип объяснения был тесно связан с принципом наглядности. Но достижения науки, сделанные за последние сто лет, показывают, что базисом, например, современной релятивистской физики является геометрия Римана, хотя наше привычное восприятие пространства все-таки заключено в рамках Эвклидовой геометрии. Это значит, что многие процессы, объясняемые современной физической картиной мира принципиально невозможно ни представить, ни вообразить. Это указывает на то, что объяснение лишается казалось бы основополагающего характера наглядности и должно опираться на порой исключительно концептуальные приемы. Любая концепция, в свою очередь, является поводом для создания интерпретаций.

В целом многими философами, начиная от Рене Декарта, было отмечено, что логика построения научного знания является сложной и

¹ *Qaine, W. Ontological relativity and other essays [Text] / W. Qaine. - N.Y., 1969. - P. 78.*

неоднозначной. В исследовании «Формы и содержание мышления»¹ Мераб Константинович Мамардашвили в составе логических принципов науки выделяет два концептуально разных типа познавательной деятельности. К первому он определяет те средства, которые позволяют получать новые знания из уже имеющихся, при использовании доказательств и логических выведений всех возможных следствий. При таком способе познания не производится выявления принципиально новой информации о феноменах и не имеется в виду когнитивное построение новых абстракций. Второй тип познавательной деятельности предполагает получение новых научных знаний «путем действия с предметами», которые основываются на привлечении содержания к построению хода рассуждений. То есть можно использовать содержание в кардинально новом плане, который вовсе не обязательно следует из логической формы уже имевшихся знаний и любой их компиляции.

Одним из актуальных вопросов относительно особенностей научной рациональности является вопрос о том, что именно различает научную рациональность и другие типы рациональности, а также является ли демаркация между ними строгой и непоколебимой. Положения, заложенные в основе рациональности, или, по словам Тулмина, «матрицы понимания» приходят на смену друг другу, путем изменений в социо-культурной сфере, научной парадигме, а также по причинам внутринаучного характера. В рамках новых условий «выживают» только те типы рациональности, которые наилучшим образом могут в силу своих внутренних причин к ним адаптироваться. Как внешние социальные, так и внутренние когнитивные факторы, могут влиять на закрепление одних форм рациональности и вытеснения других. Любые изменения в положениях, являющихся основой определенного типа рациональности, проходят процедуру приспособления постоянно меняющимся научным представлениям. Но и сами научные

¹ *Мамардашвили, М.К.* Формы и содержание мышления [Текст] / М.К. Мамардашвили. - М., 1968. – 186 с.

знания, и это категорически важный факт, совершает адаптацию под изменяющиеся стандарты рациональности¹.

Если мы возьмем за модель классический прогрессистский подход, к проблеме смены типов рациональности, то движущей силой изменения их изменения будет являться постепенное приближение к истине. С этой точки зрения, современная физика является более истинной, чем, скажем, физика Аристотеля, следовательно, она более рациональна. Тем не менее, подобный способ анализировать причины смены модулей рациональности, не смотря на кажущуюся простоту и очевидность, может привести к неверным выводам. Впервые это было установлено Томасом Куном, в его анализе тез условий, в которых проходит трансформация или смена научных парадигм. Он отмечает, что со временем происходит вытеснение из комплекса научных знаний и замена новыми концепциями тех теорий, которые оказались не вписаны в новые стандарты рациональности².

Функционирующая в условиях современной культуры, актуальная модель научной рациональности, одним из своих оснований делает, в том числе, активное взаимодействие с различными формами вненаучного знания³. Помимо ряда других детерминант, необходимость данной корреляции обусловлена принципиально новой модальностью в понимании природы таких основополагающих констант научного познания, как субъект и объект, а также характера отношений между ними⁴. В настоящее время принято определять субъект познания как полноценного участника процесса познания, а не просто как стороннего наблюдателя. Это позволяет говорить об изменении ракурса познавательного процесса, перехода его на уровень индивидуальности, приводит к тезису о «человекоразмерном» характере как

¹ Порус, В.Н. О философских аспектах проблемы "несоизмеримости" научных теорий [Текст] / В.Н. Порус // Вопросы философии. – М., 1986. - С. 12.

² Никифоров, А.Л. Научная рациональность и цель науки [Текст] / А.Л. Никифоров // Логика научного познания: Актуальные проблемы. - М., 1987. - С. 69

³ Тычкин, П.Б. Когнитивный потенциал мифа в контексте современной научной картины мира [Текст] / П.Б. Тычкин // Известия Томского политехнического университета, - Томск, 2012. Т. 320. № 6. – С. 178-198.

⁴ Там же. – С. 194.

объекта исследования. Констатация «человекоразмерности» как паттерна, фундирующего модель эволюции современной научной рациональности, с необходимостью указывает на гуманизацию последней как закономерную тенденцию ее развития¹.

В связи с этим происходит актуализация в современной науке тех форм знания, в которых выражена центральная роль индивидуального и массового сознания как важнейшей компоненты познавательного процесса. В качестве одной из таких форм можно выделить и миф.

Обращение к мифу связано, во многом, с широтой и универсальностью его природы, безусловным человекоориентированным характером формирующейся под его влияние картины мира. Более того, миф многогранно представлен в различных областях современной культуры, реализуя в них весьма противоречивые, но иногда основополагающие функции.

В рамках многих теорий относительно сущности мифологического было установлено, что такая символическая форма культуры как миф, представляет собой один из важных факторов социализации и является априорным этапом развития мировоззрения и культурно-познавательных стандартов каждого из типов общества. В процессе формирования мифа индивид или социум в целом совершает попытку самодетерминации своего существования, включения человеческого бытия в структуру мироздания в целом для обоснования ценности и важности человеческой жизни². Миф полноправно можно считать одним из способов построения на интуитивном, порой неявном и бессознательном уровне целостной картины мира, в которой сочетаются и эмпирический опыт и элементы «достраивания» до целостности, в силу ограниченности этого опыта.

Миф всегда был, и в настоящее время остается, способом осмысления реальности, выраженный в генерировании чувственных и наглядных образов.

¹ Там же. – С. 197.

² Косарев, А.Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость [Текст] / А.Ф. Косарев. - М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. - С. 304

В основе мифов лежит ключевая иррациональная, с точки зрения классического определения рациональности, составляющая. В современной теории познания одной из наиболее актуальных проблем является изучение механизмов взаимодействия иррациональных и рациональных компонент в процессе формирования картины мира. Еще одним важным вопросом является изучение особенностей и функций мифологической картины мира. Нельзя отрицать тот факт, что не смотря на господство научного типа мышления в современном обществе, картина мира современного человека по прежнему формируется не только с помощью науки, но и посредством мифов.

Мифологическая картина мира, как совокупность иллюзорных представлений о мире, нуждается в осмыслении, в том числе, с гносеологических позиций¹. Состав актуальной картины мира включает частные формы мифологического мировоззрения, которые, в свою очередь, играют важнейшую роль в самоопределении личности, как факторы формирования представлений о структуре и иерархии окружающей действительности. Поскольку мифологическая картина мира выступает в качестве базиса и предтечи любого первоначального восприятия мира, можно сказать, что она представляет собой мировоззренческую основу жизненно-практического знания. Методологическая база мифологической картины мира строится как на рациональных методах, например, формирование понятий, так и на иррациональных, например, интуиция. И в этом ключе важно отметить, что научное знание формируется, безусловно, на базисе идентичных компонент².

Вопрос о возможных путях конституирования логики мифа и выявления рационального начала в основе мифологического познания

¹ Халимулина, Р. С. Мифологическая картина мира: гносеологический аспект [Текст] / Р.С. Халимулина: автореферат дисс. ... к. филос. н., - Оренбург. 2008.

² Галанина, Е. В. Миф как феномен современной культуры [Текст] / А.В. Галанина // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2007. № 305. - С. 50.

интересовал многих исследователей, в частности, Я.Э. Голосовкера¹ и К. Хюбнера².

Начиная с исследований К. Леви-Строса, который впервые увидел в мифологическом мышлении способность к классификациям и обобщениям, постепенно открывается особая логика и структура мифа, признается его рациональность. Структурализм рассматривает сферу мифологических представлений, в которых в качестве обязательных составляющих, присутствуют логические операции³.

Трансцендентальная концепция мифа Эрнеста Кассирера позволяет выявить априорные предпосылки, на основе которых осуществляется мифологическое познание и опыт.

Гносеологический аспект мифа открывает Я.Э. Голосовкер, обращаясь к исследованию деятельности воображения в мифе как познавательной способности⁴. С точки зрения Голосовкера, ограничение познания и творчества, блокировка воображения приводят к потере смыслов и контекстов культуры, носящих её основополагающий характер. Наиболее полно имажинативный Абсолют воплощен в мифе. Миф логичен, но его логика не является логикой в привычном рациональном понимании, логикой дискурсивного мышления, а проявляет себя как «логика алогии», из которой исключены представления о строгой причинно-следственной связи, демаркация истины и заблуждения и тому подобное, в силу того в мифе, в силу его специфики, противоречия не нуждаются в разрешении. Исходя из идеи Я.Э. Голосовкера, такая странная и нередко не поддающаяся рефлексии логика укоренена в нашем обществе, в нашей культуре не меньше логики стандартной.

¹ Голосовкер, Я.Э. Избранное. Логика мифа [Текст] / Я. Э. Голосовкер. - М., 1987. - 496 с.

² Хюбнер, К. Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. - М.: Республика, 1996. - 312 с.

³ Цит. по: Хюбнер, К. Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. - М.: Республика, 1996. - С. 167.

⁴ Голосовкер, Я.Э. Избранное. Логика мифа [Текст] / Я. Э. Голосовкер. - М., 1987. - 496 с.

Курт Хюбнер в работе «Истина мифа»¹ также анализирует те положения, в которых раскрывается логичность и рациональность мифа как способа освоения мира². В ходе своего исследования, Хюбнер приходит к выводу, что в основе мифологического заложена, с том числе, рациональная система мышления, что может обуславливать возможность истинности мифологического представления реальности³. Мы опираемся на концепцию Курта Хюбнера относительно мифологической рациональности и взаимоотношении науки и мифа как форм освоения действительности, в силу того, что данная концепция позволяет проследить методологические основы данного взаимодействия и раскрывает потенциал этого процесса как для мифа, так и для науки.

Курт Хюбнер анализирует миф в разных аспектах, но главной идеей выступает попытка объяснить сущность мифа как формы мировоззрения, обладающей собственной структурой и логикой и, что является ключевым в его исследовании, правом на оперирование таким, казалось бы несвойственным мифу понятием, как истина. Принято считать, что истина является категорией, к которой в наибольшей степени из всех форм познания обращена наука, но с точки зрения Хюбнера, наука в какой-то степени не имеет права оперировать этой категорией в силу того, что «объективная» реальности, исследованием которой занимается наука и на познание которой направлен весь ее когнитивный и коммуникативный потенциал, не существует⁴. Тем не менее, истинность, или по крайней мере стремление к ней, является одним из критериев научности. Но это также значит, что миф имеет право на использовании этой категории такие же основания.

¹ Хюбнер, К. Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. - М.: Республика, 1996. – 312 с.

² Раздьяконова, Е.В. Миф как реальность и реальность как миф [Текст] / Е.В. Раздьяконова: автореферат дисс....к.филос.н., - Томск. 2009.

³ Тычкин, П.Б. Логика мифа в концепции К. Хюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии [Текст] / П.Б. Тычкин // Известия Томского политехнического университета. – Томск, 2010. Т. 317. № 6. - С. 157.

⁴ Там же. - С. 157.

К. Хюбнером была создана модель гносеологии мифа, в которой была наглядно доказана несостоятельность идеи о рассмотрении мифа и науки как низшего и высшего этапов становления человеческого мышления. Мы можем найти подтверждение этой мысли в размышлениях Пола Фейерабенда, который отмечал, что нет реальных оснований возвышать науку над мифом, считая её более развитой формой познания мира. Гносеологическую значимость мифа утверждал задолго до Фейерабенда выдающийся философ и исследователь мифа Алексей Федорович Лосев. В 1930 году им была написана книга «Диалектика мифа»¹, в которой было опровергнуто привычное представление о мифе как о предшественнике науки или примитивном научном построении². Лосев выступает категорически против утверждения, что мифология предшествует науке и что наука появляется из мифа.

Так или иначе, несмотря на определенные структурные сходства, типы мышления в мифе и в науке все же являются категорически противоположными. В качестве примера можно привести тот факт, что в мифе в принципе нет как таковых материальных объектов. Научные теории тоже оперируют объектами идеальными, но подтверждение теории происходит, как правило, при работе с материальными объектами (в ходе опыта, эксперимента, приведении статистики и так далее). В мифе же большинство объектов выражены через категорию нуминозного. Это говорит о том, что понятие в мифе и понятие в науке являются несоизмеримыми категориями.

Р.С. Халимулина выделяет, что одной из особенностей гносеологии мифа является то, что в мифе нет деления предмета на идеальное и материальное. Все материальное в мифе является одновременно идеальным и

¹ Лосев, А.Ф. Диалектика мифа [Текст] / А.Ф. Лосев // Миф – Число – Сущность / Сост. Тахо-Годи А.А.. М.: Мысль, 1994. С. 8–217.

² Подробнее об этом в статье: Михалевская, А.С. Наука и миф в концепциях Пола Фейерабенда и А.Ф. Лосева [Текст] / А.С. Михалевская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского: Серия Социальные науки. № 2 (22). - Н.Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. - С. 90-93.

наоборот. Все материальное представляется как проявление божественного или как знак действий бога; в тоже время, все идеальное понимается как нумен бога, который в любое время может материализоваться¹.

В любой науке мы, так или иначе, очень часто имеем дело с идеальными объектами. Наука вынуждена оперировать абстракциями, так как ей приходится выстраивать точные модели каких-либо процессов или явлений, для этого необходимо иметь дело с заданными свойствами предметов, которые являются лишь идеальным отображением свойств реальных. Когда мы говорим о теоретической науке, то всегда подразумеваем её идеальные объекты, существующие в идеальных условиях, действующие по идеальным законам. Но любой объект прикладной науки, переходя из мира теории в мир социума, попадает в новые для себя условия, ведь особую важность имеет применение знаний в обществе. В связи с этим, можно сказать, что кроме специализированных аспектов вопрос об изменении теоретического знания имеет так же определенные антропные основания². Имеется в виду в первую очередь необходимость создания целостного образа действительности, где любые наукоемкие технологии воплощены в сложной системе взаимосвязей, где присутствуют различные когнитивные и социокультурные установки.

Говоря о смене типов рациональности в обществе и в целом об изменениях в научной и культурной картине мира, следует отметить, что особую роль в этих процессах занимает физика. Именно эта наука, благодаря тем фундаментальным мировоззренческим уровням изменениям, которые произошли в ней за последние сто лет, оказывает наибольшее влияние на смену наших представлений и мире и своем месте в нем. В связи с этим мы обращаемся к наиболее актуальным в настоящее время концепциям в физике, а именно к субатомной физике.

¹ Халимулина, Р.С. Мифологическая картина мира: гносеологический аспект [Текст] / Р.С. Халимулина: автореферат дисс. ... к. филос. н., - Оренбург. 2008.

² Тычкин, П.Б. Логика мифа в концепции К. Хьюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии [Текст] / П.Б. Тычкин // Известия Томского политехнического университета. – Томск, 2010. Т. 317. № 6. - С. 159.

В рамках субатомной физики наиболее целостно и ярко выражается идея о возможностях применения логики мифа в сфере научного. В первую очередь, мы имеем в виду так называемую «бутстрэпную» гипотезу понимания сущности проистекающих в микромире процессов. Эта гипотеза была наиболее полно раскрыта в концепции Д. Чу¹. В ее основе заложено объяснение природных явлений, в том числе имеющих место в микромире, без редукционизма, то есть в форме мировоззрения, которое отрицает идею о сущности элементарных частиц структурных элементов целостной природной системы. «Бутстрэпная» философия, - как трактует ее Ф. Капра, - не только отказывается от идеи фундаментальных строительных блоков материи, но вообще не принимает фундаментальных сущностей - фундаментальных констант, законов или уравнений»².

Кроме того, «бутстрэпная теория частиц» не включает в себя представления о едином и бесконечном пространстве-времени. По словам П.Б. Тычкина, «различные явления и события проистекают самостоятельно, по отдельности и могут быть не связанным единым непрерывным временем и пространством»³.

Подобные представления очевидным образом пересекаются с основополагающими принципами мифологических представлений. В мифах, как правило, представления о времени-пространстве трактуются и понимаются не как определенное место, где может быть воплощена энергия и материя, а как определенная система, включающая разнообразие условий, которые способствуют взаимосвязи всех элементов. Понятие «мифической отрешенности» наглядно демонстрирует применение логики

¹ Там же. - С. 159.

² Капра, Ф. Уроки мудрости [Текст] / Ф. Капра. - М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. - С. 306

³ Тычкин, П.Б. Логика мифа в концепции Хьюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии [Текст] / П.Б. Тычкин // Известия Томского политехнического университета. - Томск, 2010. Т. 317. № 6. - С. 159.

мифологического в контексте современных научных представлений (в частности в «бутстрэпной теории частиц»)¹.

Обращение к мифу, как к целостной системе мировоззрения, с онтологическими и гносеологическими принципами, заложенными в нем, и трактованные адекватным образом в рамках постнеклассического подхода к понятию науки и рациональности, могут способствовать решению важных методологических задач современной науки. Мы имеем в виду в первую очередь, гармоничное и осторожное использование логики мифа. В самой идее мифа, как правило, заложена концепция возвращения как одного из условий развития².

Одной из основных гносеологических задач мифа в древности было упорядочивание хаоса в определенный порядок. Некоторые исследователи придерживаются той точки зрения, что в настоящее время миф благодаря своим свойствам и включенным в него элементам выполняет задачу разрушения целостности в представлениях человека и мире, обществе и своем месте в нем. В частности, в свое время такую точку зрения высказала Н. С. Автономова, которая оценила миф как «способ безболезненного погружения в незнание»³. Но построение целостного знания, целостной картины мира с помощью только лишь науки невозможно. Миф, как форма познания, выполняет важную мировоззренческую компенсаторскую функцию. Он превращает все наши знания о мире их хаоса в порядок, достраивая картину мира каждого отдельного человека, заполняя собой «белые пятна» в ней.

В связи с этим, как нам кажется, в мифе потенциально заложена способность, говоря метафорически, к актуализации главной функции, которая составляет его социальное и познавательное значение, - складывания стройного и логичного объяснения устройства мироздания, но в нынешних

¹ Там же. С 160.

² *Элиаде, М.* Аспекты мифа [Текст] / М. Элиаде. - М.: Академический проект; Парадигма, 2005. - С. 202.

³ *Автономова, Н.С.* Миф: хаос и логос [Текст] / Н.С. Автономова // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания.* - М., 1990. – С. 30-57.

социокультурных условиях это происходит в рамках его синтеза, в том числе, с наукой. Таким образом, корректное использование мифологической составляющей в рамках научного познания может сформировать полезные для социума гносеологические перспективы¹.

Те, гносеологические аспекты, по которым мы попытались сравнить миф и науку, могут быть рассмотрены как средства науки и мифа как языков познания и символических программ мышления. И наука и миф используют зачастую схожие инструменты познавательного процесса. Кроме того, мы видим, как миф и наука активно обогащают друг друга средствами познания. И это сложное сочетание, синтез познавательных форм может привести к благоприятным результатам для каждого из этих языков познания, но только в том случае, если этот обмен, взаимодействие идет на уровне внутренних форм языков мифа и науки. Контакт произведенный на основе обмена когнитивными инструментами интересующих нас символических программ мышления, оказывает благоприятное воздействие на общественное и индивидуальное сознание, заполняя собой зону непонимания, вызванного низким образовательным уровнем общества, слабой научной подготовкой его субъектов, отсутствием способностей к рефлексии и критическому анализу.

Так, мифологическая составляющая может приблизить научное знание к обывателю. Хотя стоит отметить, что обмен познавательными инструментами в социальной среде, в ходе различного рода коммуникаций, вызванный искусственными условиями осуществления этого обмена, чаще играет негативную роль, что находит выражение в активном тиражировании околонушной мифологии в социуме.

¹ Тычкин, П.Б. Когнитивный потенциал мифа в контексте современной научной картины мира [Текст] / П.Б. Тычкин // Известия Томского политехнического университета. – Томск, 2012. Т. 320. № 6. - С. 96.

ГЛАВА 3.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МИФА И НАУКИ И ИХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ РОЛЬ

3.1. Мифологические компоненты в социальном и когнитивном бытовании науки

Современный человек, быстро адаптирующийся к новым информационным технологиям и всем достижениям прикладной науки, как правило, предпочитает, чтобы такие классические проявления мифологии в нашем обществе, как, скажем, астрологический гороскоп, также приспособлялись к условиям, диктуемым современным социумом. Поэтому предсказания стали насыщенными псевдонаучными категориями, наличие которых, тем не менее, вызывает у человека одобрение и располагает к прочтению. Мифологический образ мира, с точки зрения И.Т. Касавина, представляет собой изначальную форму социально-активного отношения человека к окружающей действительности, и, с точки зрения теории познания, - первый социального производства знания¹. Так, в шаманских практиках, магии заложены первоначальные проявления активной познавательной активности человека, направленной не только на объяснение, но и на изменение определенных явлений, что во многом влияло на конструирование новых коммуникативных форм.

Мифология, как и наука, всегда ставила своей задачей формирование целостных представлений о природе тех или иных явлений, прежде всего тех, которые относятся к сфере еще не познанного человеком и понимание которых еще только гипотетически возникнет в процессе познавательно-коммуникативной практики. Методология формирования таких целостных представлений у научного познания и мифологического, естественно отличаются друг от друга. В одном случае мы имеем дело, как правило, с

¹ Заблуждающийся разум или многообразие вненаучного знания. - М., 1990. - С. 73.

экспериментом, подкрепленным логическим выводом, в другом случае, мы сталкиваемся с различного рода оккультными практиками, часто не поддающимися рефлексии. Но, несмотря на это, с точки зрения Дж. Фрезера, методологические конструкции, лежащие в основе и магии (которую мы определяем как попытку практического выражения мифологических представлений), и науки, строятся на необходимости выявить определенный порядок и иерархию различных природных, либо же социальных явлений¹. В результате формирования научной теории и эзотерической трактовки явлений природы должно осуществляться выявление причинно-следственных связей, выраженных в форме закономерностей, с помощью которых можно проводить параллели между различными феноменами, выделяя их схожесть и принадлежность к единому порядку мироздания. Это одинаково относится, к естественным наукам, когда установленный закон действует в одинаковых физических условиях, и к оккультным практикам, когда, скажем, определенный порядок действий шамана, как кажется, помог прекратить ураган, следовательно, этот же порядок действий будет применен в случае следующего природного катаклизма.

По словам Вольфганга Денперта: «Мифическое мышление содержит ядро научного мышления и, наоборот, в научном мышлении можно проследить мифические формы»². Это отсылает нас к предположению, которое было высказано нами в предыдущих главах, о том, что миф и наука имеют общее онтологическое основание. Кроме того, это авторитетное мнение в очередной раз указывает на то, что в своей социальной жизни наука активно использует мифологические компоненты и инструменты адаптации мифа к актуальной картине мира.

Полом Карлом Фейерабендом в семидесятых годах была высказана смелая идея, что «люди далекого прошлого совершенно точно знали, что

¹ Фрезер, Дж. Золотая ветвь [Текст] / Дж. Фрезер. - М., 1986. – 831 с.

² Денперт, В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы [Текст] / В. Денперт // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб, 1999. – С. 173-205.

попытка рационалистического исследования мира имеет свои границы и дает неполное знание»¹. Во многом благодаря принципу «anything goes» («допустимо все») происходит расширение сферы использования в процессе познания различных символических форм культуры, в том числе, за счет мифа и его коммуникативно-познавательных инструментов.

Мифология и современные естественные науки сближаются еще и в том контексте, что такие выдающиеся ученые, как Н. Бор, В. Гейзенберг, Р. Оппенгеймер, говорят об определенном сходстве квантовой физики и, например, философии восточного мистицизма, в частности, идей философии веддизма, даосизма, синтоизма и буддизма. Большое количество наглядных примеров соотношения этих двух якобы несостыкуемых сфер были приведены доктором философских наук и специалистом в области физики высоких энергий Ф. Капрой.

В частности, его книга «Дао физики»², увидевшая свет в 1975 году, посвящена поиску и анализу параллелей между положениями западной науки и некоторых принципов восточной философии.

В целом, можно выделить несколько аспектов, по которым целесообразно проследить сходства мистицизма и науки. Первый, ключевой, заключается в том, что изначально, древняя синкретическая культура не была разделена на формы познания. Зачатки науки, мифологии, религии и философии покоились на едином социокультурном основании. По мимо этого, общими чертами раннего научного знания и оккультного были такие идеи как: отсутствие демаркации между одушевленным и неодушевленным; как следствие этой идеи - представления о реинкарнации и гилозоизме; а также концепции единства материального и идеального.

Если говорить о тех основаниях, которые могут объединять современную науку (например, квантовую физику и положения теории относительности) с мистическими представлениями древности (как

¹ *Фейерабенд, П.* Избранные труды по методологии [Текст] / П. Фейерабенд. - М., 1986. - С. 139.

² *Капра, Ф.* Дао физики [Текст] / Ф. Капра. - СПб., 1994. - 217 с.

следствия мифологического мышления), мы можем выделить так называемую «бутстрэпную теорию частиц», о которой мы, в частности, писали выше. Ф. Капра достаточно подробно анализирует данную теорию. По своей сути она направлена на объединение квантовой механики и теории относительности. С точки зрения Ф. Капры «именно для древней тайной мудрости характерно представление о чувственно существующих предметах и явлениях как об ипостасях проявления Единой Высшей Реальности. Она принципиально целостна и внутренне богата всем разнообразием взаимосвязей своих элементов. Ее внутренняя энергия является источником ее постоянной динамики»¹. Подобным концептуальным содержанием обладает и «бутстрэпная теория частиц», согласно которой «природа не может быть сведена к фундаментальным сущностям вроде фундаментальных «кирпичиков» материи, но должна пониматься исключительно на основе внутренней связности»². Большинство явлений мира связаны взаимными отношениями, и Вселенная представляет собой динамическую структуру, состоящую из взаимосвязанных событий. Поскольку все составляющие этой структуры взаимосвязаны, то все свойства всех явлений имеют причинно-следственные отношения, вытекают из свойств других частей сети, их целостность формирует ее структуру, ни одно свойство ни одной составляющей сети не может быть фундаментальным.

Еще одним общим основанием науки на ее теоретическом уровне и различных мифологических представлений является тот факт, что и наука, и такие проявления мифологического сознания как мистические практики имеют общую цель. Она заключается в таком познании феноменов и предметов реальности, которое превосходило бы ограничения чувственного опыта. Но также как наука пытается выйти за пределы чувственного познания, строя математические модели, идеалистические типы, и прочие идеальные объекты, мифологические представления, пропитанные

¹ Там же. - С. 24

² Там же. - С. 24.

идеальными образами и опирающиеся на интуицию, включают в себя элементы классической рациональности. Подробно об этом говорилось в предыдущей главе. Мы можем привести еще несколько примеров, доказывающих данную мысль, в частности медитативные практики, основанные на погружении рассудка в непривычные для себя состояния, но сохраняющие при этом важность рационального, или Фен-Шуй, идеи которого покоятся на строгой логике подчинения пространства энергии окружающей среды.

В качестве следующего основания, объединяющего мифологические практики с наукой, является тот аспект, который можно было бы назвать методологическим. Заключается он в достаточно очевидном факте, что для того, чтобы не просто освоить различные отрасли современной науки, но и суметь проводить самостоятельные исследования, требуется, как правило, многолетняя практика, изучение основ и принципов методов, применяемых в данной научной области и непосредственная работа с научным руководителем, который задачей которого и является эти принципы объяснить и показать их применение на практике. Многолетняя подготовка ведется и в области мифологического знания. Для овладения какой-либо оккультной практикой, например, также требуется изучение методологической основы этой практики, усвоение основных закономерности и непосредственный контакт с учителем. Изучение категориального аппарата, усвоение методологических основ и наличие практики – это то, что объединяет принципы овладения специфическими мифологическими и научными знаниями.

Мы можем провести многочисленные параллели между научными парадигмами современности и мифологическими представлениями древности. Можно говорить о том, что в науке достаточно укоренено мифомышление.

Наиболее интересные примеры мифомышления в современной науке приведены, с нашей точки зрения, в одноименной статье Л.А. Максименко. С

точки зрения Л.А. Максименко, «в современной науке, являющейся наследницей античных традиций, широко используется представление о «трехэтажности» мироздания – мега, макро, и микромире. В любых материальных системах (физических, химических, биологических, социальных) на основании пространственно-временных масштабов, специфических закономерностей и степени относительной сложности выделяют структурные уровни, конкретизирующие организацию, формы движения и виды материи»¹. Л.А. Максименко уделила в своем исследовании особое внимание указанному явлению. Нельзя не согласиться с ней в том утверждении, что переход из одного, так называемого «яруса», одного мира (мега, макро, микро) в науке является задачей скорей всего неразрешимой. Но, несмотря на это, ограниченность способностей человека проникать в микро- и макромиры, связанная с особенностями его телесности, заставляет человеческое сознание моделировать ситуации подобного преодоления и проникновения, а значит, можно говорить о том, что неспособность человека физически погрузиться в эти «миры» оказывает благоприятное действие на его познавательные способности. Мы начинаем задействовать такие структуры нашего сознания, как воображение, интуиция, создание идеальных объектов, которые, естественно, не могут в достаточной мере отобразить процессы, происходящие в микро- и мегамире, и дают все-таки возможность хотя бы немного приблизиться к познанию этих систем. В данном случае, на помощь приходит прикладная наука, благодаря которой техника значительно расширила познавательные возможности человека, отвечая потребности «проникнуть» в недоступные для нас «миры». Человеческий глаз с помощью оптических видит мир не в своем, крайне узком диапазоне, а может наблюдать гораздо более значительный спектр световых и цветовых волн и даже электромагнитных излучений. Благодаря электронному микроскопу можно наблюдать частицы микромира. Таким образом, можно сказать, что

¹ Максименко, Л.А. Мифомышление в современной науке [Текст] / Л.А. Максименко // Наука в различных измерениях. - Ульяновск : УлГТУ, 2010. - С. 167.

техника становится для познающего субъекта продолжением его органов чувств. С ее помощью стало реальным сконструировать целый мир - новую техническую реальность.

Тем не менее, как справедливо замечает Максименко Л.А.¹, рост познавательных возможностей вызывает расширение спектра проблем, связанных с реализацией амбиций человека относительно получения нового знания о мире. Приборы становятся все сложнее, но даже Большой Андронный коллайдер, как вершина достижений теоретической и прикладной науки, не отвечает тем запросам, которые ставит познающий разум современного человека. Имеются все основания говорить о том, что открытия современной науки имеют серьезные последствия, влияющие не только положительным образом на формирование наших представлений о мире, на нашу социализацию, на мировоззренческие установки, основанные на принципах приближения к объективности знаний. Современная наука несет большую ответственность за свои свершения и открытия, так как они могут влиять и кардинально противоположным образом на настоящее и будущее человечества, неся для него определенную угрозу (войны, экологические бедствия).

Погружаясь все глубже в тайны природы, человек открывает для себя миры, которые совершенно не соотносятся с его физическими возможностями, ограниченными его телесностью. Но кроме этого, сознание человека пока также не способно усвоить и обработать и даже понять те феномены, с которыми оно сталкивается. В середине двадцатого столетия эту проблему очень точно сформулировал Лев Давидович Ландау. Он справедливо заметил, что исследование микромира приводит к выводу, что само его существование «противоречит всему тому, во что мы привыкли верить на основании своих ощущений»². Но в этом покоится нечто большее, чем просто критика чувственного опыта. Кроме того, можно сказать, что

¹ Там же. - С. 169.

² Ландау, Л.Д. Теория квант от Макса Планка до наших дней [Текст] / Л.Д. Ландау. - М.: Изд-во АН СССР, 1958. - С. 102.

критике подвергся и принцип рационализма: «Человек в процессе познания природы может оторваться от своего воображения, он может открыть и осознать даже то, что ему не под силу представить»¹.

Эта цитата, как правило, приводится в тех случаях, когда следует показать достижения человеческого познания. Тем не менее, до сих пор остаются вопросы, на которые не могут быть даны ответы, даже при подключении в познавательный процесс чувственного опыта и воображения. В данном случае можно сказать, что ученые, делая многие открытия, объясняют принципы функционирования тех или иных вещей, но давая в даже доступной форме информацию о них, это не означает, что тот, кто эту информацию получит, ее поймет. Это может касаться и самого исследователя. Так, например, нейрофизиологи хорошо знают устройство человеческого мозга, о принципах его работы знает любой студент-медик старших курсов. Но это не означает, что мы можем объяснить, что такое психика или сознание, хотя они являются продуктами работы мозга, оставаясь до сих пор абстрактными объектами не только в буквальном смысле, но и для познания в целом. Р. Фейнман, известный физик, говоря о сущности квантовой механики заявил в свое время, что: «Я смело могу сказать, что квантовой механики никто не понимает...»².

В настоящее время, принято считать, что знать что-либо, обозначает – уметь применить это знание на практике. Создатель первого атомного реактора Э. Ферми, говорил, что человечество вступило в эру, в которой мы больше умеем, нежели знаем. Так, например, с помощью техники ученый может расщепить микрочастицу на составляющие, но это не обозначает, что мы достаточно знаем о ее свойствах и сущности. П.Флоренский в свое время очень точно сказал, что «...простейшие элементы – не тупик, а вход в новые

¹ Там же. - С. 102.

² *Фейнман, Р.* Характер физических законов [Текст] / Р. Фейнман. - М.: Наука, 1987. - С. 147.

миры, в другое царство, которое заставляет нас удивляться все больше и больше»¹.

В статье «Мифомышление в современной науке» Л. А. Максименко рассматривает также тему «превращения» элементарных частиц, что является актуальным и для нашего исследования, так как представляет собой явное применение мифологического контента в науке. Сам термин «превращение» уже явно отсылающий к мифологической системе представлений о мире. В классической науке считалось, что «превращение» - это алогичная операция. Либо, скажем, в химии, когда одно вещество посредством химической реакции, в определенных температурных условиях или с катализатором, превращается в другой, это в целом может быть объяснено логикой редукционизма.

В мире элементарных частиц термин «превращение» имеет совсем иные смыслы, буквально отсылающие к мифологическим представлениям.

Превращение в мифах может быть представлено в различных формах - выворачивание, оборотничество. И встречается в мифологии превращение довольно часто, причем его участниками могут быть и боги, и люди, и животные, и предметы. «Миф и загадочность мира, – пишет Я.Голосовкер, – для нас соотношение естественное. В этих случаях разум охотно пользуется словом «иррациональный»». Такая оценка в «век столь глубокого проникновения в мир микрокосмоса» – следствие поверхностного прочтения, когда «внимание скользит по мифологической фабуле и мифологическим образам, как по чему-то давно знакомому, улавливая только явную и весьма прозрачную аллегория или «сюжет»». В мифе – своя логика. Алогичная, с точки зрения «формального» разума, многомерная логика воображения.²

Между объектами микромира и различными объектами, входящими в мифологические представления существует интересное гносеологическое

¹ Цит. по: Максименко, Л.А. Мифомышление в современной науке [Текст] / Л.А. Максименко // Наука в различных измерениях. - Ульяновск : УлГТУ, 2010. - С. 169.

² Голосовкер, Я.Э. Логика античного мифа [Текст] / Я.Э. Голосовкер // Избранное. Логика мифа. - М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. - С. 101.

сходство. Заключается оно в том, что и тот и другой объект представляют собой «смыслообразы». По словам Я.Э. Голосовкера, объект мифа это смыслообраз, обладающий имагинативной реальностью. Смыслообраз обладает такими признаками, как пространственность, осязаемость или неосязаемость, субстанциональность. Микрообъект также является смыслообразом, его сущность перенята у мифа посредством человеческого воображения¹.

Ученые, работающие в различных отраслях науки, действительно неявно используют логику мифа. В качестве примера можно привести названия, которые даются некоторым идеальным объектам науки («странные», «прелестные», «очарованные» частицы в физике, эпоха Возрождения в истории и искусствоведении, Золотой и Серебряный век русской поэзии в литературоведении). Еще в древности люди придавали большое значение тому, как что-либо будет называться, объясняя это тем, что «название – это свойство вещи, которое должно быть произнесено человеком; его тайна и сила заключена именно в совпадениях перцептивных циклов»². Имя, название призвано раскрывать сущность вещи. Заимствование названий в науке из мифологической сферы также говорит о глубокой связи и укорененности мифа в научном познании.

Проникновение мифологии в социальные и гуманитарные науки чаще всего происходит через идеологемы. Однако в естественных науках мифологическая составляющая лежит гораздо глубже. Современная наука нуждается в социальных механизмах и когнитивных инструментах мифа для своей адаптации в обществе. Получается, что не миф, как древнейшая, а именно наука, как новейшая, форма познания мира оказывается в шатком положении в рамках социальной сферы.

¹ Голосовкер, Я.Э. Имагинативная эстетика [Текст] / Я.Э. Голосовкер // Избранное. Логика мифа. - М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. - С. 200-201.

² Найссер, У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии [Текст] / У. Найссер. - М.: Прогресс, 1981. - С. 179.

Мифомышление представляет собой оперирование смыслами и образами, которые могут иметь широкое распространение в обществе, легко принимаются им. Впоследствии они, будучи дискурсивно оформленными, отображаются в науке. Объяснение этому факту лежит в природе самого человека – в воображении, «коллективном бессознательном», архетипах, конституирующих общественное сознание, культуру и науку как её часть.

3.2. Актуальная проблематика дискурса околонучной мифологии

В результате социального взаимодействия мифа и науки, а также общих тенденций ремифологизации современного общества, возникает феномен околонучной мифологии. В настоящее время ремифологизация представляет собой процесс актуализации мифомышления в условиях техногенной цивилизации, массового использования наукоемких информационных технологий, когда, с одной стороны, избыток, а с другой стороны, фрагментарность информации заставляют массового человека включаться в процесс осмысления социальной реальности, используя такой социально-когнитивный механизм и символическую форму культуры как миф.

В современных социально-философских исследованиях и в теории познания принято выделять несколько форм знания, возникающее при синтезе мифа и науки и выдающего себя за науку, но ей не являющегося: паранаука, псевдонаука, квазинаука и т. д.

Обратимся к демаркации понятий псевдо-, пара-, квази-, анти-, лже-, вненаука, которые встречаются у исследователей данного вопроса.

Проще всего дело обстоит с категорией «вненаука», которая включает в себя формы культуры, заведомо не претендующие на статус науки, например, искусство, религия и прочее. Антинаука представляет собой

социальное формирование, целью которого является открытое противостояние науке. Следует отметить, что антисциентистские настроения актуализируются в современном обществе под влиянием различного рода факторов, но в том числе и по причине глубокого разрыва между наукой и массовым сознанием. Особенностью лженауки является ее направленность на мошенническую деятельность, так как адепты лженауки осознают ложность их представлений, но все равно «запускают» их в общественную среду.

Квазинауку определяют как форму, имитирующую науку с целью получить научный статус и занять свое место в комплексе научных теорий. С точки зрения Д. В. Головина¹, характерной чертой псевдонауки является психологическая невосприимчивость соответствующего субъекта к опровержению утверждений, продвигаемых им в статусе научных. Термин «паранаука» чаще употребляется в контексте «околонаука» и является более общим, нежели квази- или псевдонаука. В исследованиях вышеуказанных феноменов встречаются также термины «грязная наука» (С.О. Хэнссон²), «девиантная наука», «маргинальная наука», «альтернативная наука», «фальсифицированная наука» и некоторые другие.

В действительности, единой общепринятой классификации различных видов околонауки на данный момент не существует. Многие философы предлагают собственные критерии для структурирования данной категории (В.В. Ильин³, В.М. Найдыш⁴, Н.И. Мартишина⁵ и другие).

¹ Головин, Д.В. Наука и паранаука: актуальность проблемы демаркации [Текст] / Д.В. Головин // Мировоззрение в контексте современной культуры (коллективная монография) / Под ред. проф. В. Н. Финогентова. - Орёл: ООО Полиграфическая фирма «Картуш», 2011. - С. 119-126.

² Hansson, S.O. Defining Pseudoscience [Text] / S.O. Hansson // *Philosophia Naturalis*. - NY, 1996. № 33. - P. 169–176.

³ Ильин, В.В. Критерии научности [Текст] / В.В. Ильин. - М., 1989. – 129 с.

⁴ Найдыш, В.М. От классического образа науки к квазинауке [Текст] / В.М. Найдыш // Наука и квазинаука / Под ред. В. М. Найдыша. М.: АльфаМ, 2008. - С. 99-103.

⁵ Мартишина, Н.И. Наука и паранаука в духовной жизни современного общества [Текст] / Н.И. Мартишина. - Омск: Изд-во ОмГТУ, 1997. – 178 с.

Мы предпочитаем использовать термин «околонаучная мифология», а не указанные выше, в силу того, что на наш взгляд мифологического в этих формах гораздо больше, нежели научного. Кроме того, ссылаясь на мнение многих ученых, можно утверждать, что паранаука, псевдонаука и квазинаука являются когнитивными феноменами, а околонаучная мифология – социальным. Дело в том, что околонаучная мифология является продуктом взаимодействия мифа со сферой науки, а не наукой в чистом виде. То есть, если мы говорим об околонаучной мифологии, то подразумеваем, что влиянию мифа подвержена не только научная теория, но и всё, что её окружает: социокультурные условия, в которых она создавалась, сама история создания теории, творческий и личный путь ученого, то есть и социальные, и сугубо личностно-антропологические факторы бытования науки. Это делает понятие «околонаучная мифология» более широким, нежели пара-, квази- и псевдонаука, причем, он включает в свой состав все эти формирования. Антинауки и вненауки это не касается. Эти феномены бытуют оторвано от процесса взаимодействия мифа и науки.

Околонаучная мифология, как любое социальное явление, имеет не только однозначно позитивные или негативные последствия, но его роль может гибко меняться в зависимости от ситуации. Это во многом зависит от того, возникает ли она неосознанно, на уровне взаимодействия внутренних форм мифа и науки, либо она сознательно создается для достижения конкретных целей.

В целом, появление околонаучных мифов и их трансляция в современном обществе, как и любой общественный феномен имеет определенные причины и субъективного, и объективного характера.

Причины эти, как нам кажется, имеют ярко выраженные социальные корни, и мы можем говорить о том, что процесс ремифологизации (включения в структуру знания мифологической составляющей) является характерным не только для сферы науки, но и в целом представляет собой

одну из черт, определяющих многие важные процессы в современном обществе.

Исследование социальных мифов или, по крайней мере, постановка вопроса об их статусе, имеет достаточно продолжительную историю. В своей диссертационной работе «Социальное мифотворчество в современном российском медиапространстве»¹ Каирова И.А. достаточно подробно рассматривает формирование социальных мифов, их влияние на различные аспекты нашей жизни, а также проводит анализ истории формирования теории исследования социального мифотворчества.

Также, что крайне важно, особенно для обозначения степени влияния околонаучного мифотворчества, ей была актуализирована проблематика идеологического воздействия на индивидуальное и массовое сознание и проведено исследование мифов как средства манипулирования массовым сознанием. Основываясь на исследовании Каировой И.А., обозначим основные вехи в философском осмыслении роли и статуса социальных мифов или мифов, бытующих в различных общественных сферах. Ж. Сорель² и Г. Лебон³ понимали миф, с одной стороны, как средство социальной мобильности, а с другой, как инструмент для манипулирования массовым сознанием. В двадцатом столетии наиболее значительной концепцией в трактовке общественной роли создания мифов стала теория понимания мифа как динамического и актуального феномена современной действительности, и выявление того факта, что он крайне близок к таким проявлениям общественной жизни как, например, политические идеологии, в том числе тоталитарные⁴ (об этом в своих исследованиях писали Э. Кассирер, Р. Барт,

¹ Каирова, И.А. Социальное мифотворчество в современном российском медиапространстве [Текст] / И.А. Каирова: автореферат дисс. ... к. филос. н.: - Ростов-на-Дону, 2012.

² Сорель, Ж. Социализм и насилие [Текст] / Ж. Сорель. - М., 2003. – 402 с.

³ Лебон, Г. Психология народов и масс [Текст] / Г. Лебон. - М.: Академический проект, 2011. – 311 с.

⁴ Каирова, И.А. Социальное мифотворчество в современном российском медиапространстве [Текст] / И.А. Каирова: автореферат дисс. ... к. филос. н.: - Ростов-на-Дону, 2012

М. Элиаде и др.)¹. Говоря о процессах формирования и трансляции мифов в обществе, невозможно обойти теории индивидуального и коллективного бессознательно, так именно в них можно проследить объективные причины данного процесса с точки зрения психологии человека и общественных групп. Здесь важно выделить работы Зигмунда Фрейда², а также других представителей теории психоанализа Карла-Густава Юнга³, Эриха Фромма⁴.

В частности, концепция архетипов Карла Густава Юнга во многом объясняет сущность мифологической коммуникации и трактует особенности коммуникативных средств, заимствованных у мифа, и построенных с их помощью сообщений.

Одним из основополагающих аспектов объяснения социорегулятивной функции мифа является тот факт, что миф является фактором обозначения включенности человека в ту или иную социальную группу, а также включенности социальной группы в окружающую общественную и природную среду. В частности, это было эмпирически доказано и продемонстрировано Леви-Брюлем⁵ в его исследованиях так называемого первобытного мышления.

Следующим важным этапом в анализе природы возникновения мифов и в древних и в современном обществе стала концепция символических форм Эрнеста Кассирера⁶, который, по словам И.А. Каировой, не только «рассмотрел технологии создания современных мифов, но и одним из первых показал, что они, как правило, являются неотъемлемым элементом массового

¹ Там же.

² Фрейд, З. Тотем и табу [Текст] / З. Фрейд. - М., 2002. – 384 с.

³ Юнг, К.-Г. Введение в сущность мифологии // Душа и миф. Шесть архетипов [Текст] / К.-Г. Юнг. - М., 2008. – С. 54 – 86.

⁴ Фромм, Э. Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов [Текст] / Э. Фромм. - М.: Астрель, 2010. – 256 с.

⁵ Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление [Текст] / Л. Леви-Брюль. - СПб., 1997. – 256 с.

⁶ Кассирер, Э. Философия символических форм [Текст] / Э. Кассирер. - М.: Университетская книга, 2002. – 271 с.

сознания и актуализируются в ситуациях социального кризиса»¹. Уровень же использования обществом различных СМИ, а также степень овладения актуальных изобретений прикладной науки становятся одним из факторов, влияющих на распространение мифологической составляющей общественного сознания.

Структурно-семиотическое направление в теории мифа, представленное Клодом Леви-Строссом², Роланом Бартом³ и Умберто Эко⁴, определило традицию общественно-коммуникативного метода в исследовании мифотворчества. Семиотический подход выявил коммуникативно-знаковую природу мифотворчества, а также способы бытования мифов в различных проявлениях общественной жизни, в СМИ, при создании рекламы, как один из базисов массовой культуры⁵. Значительная роль в создании методологии анализа современного мифотворчества в рамках коммуникативной концепции принадлежит Ролану Барту, обозначившему свою позицию в монументальном труде «Мифологии»⁶. Миф представляется ему как сложная многоуровневая семиологическая система.

Дж. Ваттимо, в попытке дать характеристику для современного ремифологизма, определил три основных направления в представлениях о его природе. Это — «архаизм», «культурный релятивизм» и «умеренный иррационализм»⁷. Он предлагает свою систему понимания мифа в структуре современного ремифологизма, отталкиваясь от того, что существовавшие до

¹ Каирова, И.А. Социальное мифотворчество в современном российском медиапространстве [Текст] / И.А. Каирова: автореферат дисс. ... к. филос. н.: - Ростов-на-Дону, 2012.

² Леви-Стросс, К. Тотемизм сегодня [Текст] / К. Леви-Стросс. - М., 1994. – 289 с.

³ Барт, Р. Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт. - М.: Прогресс; Универс, 1994. – 303 с.

⁴ Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло [Текст] / У. Эко. - СПб.: Симпозиум, 2006. – 432 с.

⁵ Каирова, И.А. Социальное мифотворчество в современном российском медиапространстве [Текст] / И.А. Каирова: автореферат дисс. ... к. филос. н.: - Ростов-на-Дону, 2012

⁶ Барт, Р. Мифологии [Текст] / Р. Барт. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 252 с.

⁷ Ваттимо, Дж. Прозрачное общество [Текст] / Дж. Ваттимо. - М., 2002. – 128 с.

него объяснения данного феномена не учитывали общефилософские традиции осмысления мифа. В «архаизме» мифологическое сознание рассматривается как не затронутое современными деформациями сознание, возросшее в контексте научно-технической цивилизации. Миф рассматривается не как примитивная ступень наивного сознания, но как подлинная форма знания, «целостность которого не нарушена магией чистого количества, а аутентичность не опустошена объективирующим сознанием, порождаемым современной наукой и технологией. В основании всего этого лежала идея, что чисто структурное изучение мифов и «диких» культур, дополненное неисторицистским подходом к человеку были способами ликвидировать европоцентристскую идеологию прогресса со всеми ее империалистическими и колониальными последствиями»¹. Культурный релятивизм отталкивается от концепта «парадигмы» Томаса Куна и отрицает существование единой универсальной модели рациональности, с позиций которой можно было бы объективистски судить о мифологическом характере некоторых форм знания. Речь идет о возможности определять фундирующие принципы культурных миров, различных позитивных систем знания и опыта, в том числе науки, - как мифологические, т.е. как такие, которые не могут быть предметом рационального, объективирующего, доказуемого знания. Мифологическое сознание и знание не рассматриваются здесь как истоки культуры, иерархически более высокие, нежели наука, - миф рассматривается как недоказуемое убеждение, непосредственно переживаемое и потому некритически полагаемое в основу того или иного способа описания реальности. Знание, основанное на непосредственности переживания, является основанием плюрализма и релятивизации истины, противопоставляемой науке.

«Умеренный иррационализм» - это позиция, определяемая концептом «ограниченной рациональности». Нарративная структура мифа выступает

¹ Там же. - С. 38

здесь как его конститутивно-отличительный признак, обозначающий мифологическую форму мышления по отношению к научному познанию. К этой группе относятся: психоаналитическая традиция (психическая жизнь — совокупность нарративов, обращение к некоторым базовым архетипическим «историям» в юнгианстве); теория историографии (нарратив — методологическая основа выявления базовой риторической модели историографии, проясняющая множественность истории, сливающихся с «политеизмом мифологического воображения», воплощающимся в мифологических повествованиях); социология масс-медиа (воссоздание мифологем в контексте массового сознания и масс-культуры)¹. Общим основанием здесь является предположение, согласно которому существуют некоторые области опыта, которые не могут быть постигнуты с помощью научного, доказательного знания.

Развитие науки, как правило, сопровождалось процессом ремифологизации. Волна ремифологизации возникла и в Новое Время, как реакция на новое зарождающееся знание, и в начале XX века, сопровождая Эйнштейновскую революцию, и сейчас, как своеобразный ответ на те вопросы, которые современная наука решить до сих пор не может. В настоящее время, в связи с развитием средств массовой коммуникации, где научное знание часто представляется упрощенным, околонучное мифы и мифы о науке все больше проникают в нашу жизнь и в жизнь науки.

Околонучное мифотворчество в современном мире, имея вполне конкретные, в том числе сугубо объективные причины, основано на необоснованном объяснении некоторых данных современного естествознания².

Не смотря на кажущуюся пропасть между мифом и наукой и с гносеологической и с онтологической точки зрения, четкой демаркации между ними нет. И, когда мы говорим, что наука - это «царство»

¹ Там же. - С. 40.

² Комаров, В.Н. Наука и миф [Текст] / В.Н. Комаров. - М: Знание, 1990. – С. 74.

рационального, а мифологическое рациональному противопоставляется, - это, скорее, идеализация. Миф имеет в своей основе, в том числе, и рациональное начало¹, а истоки науки часто лежат в иррациональном. Человеку для формирования целостного представления о мире не достаточно только научного знания. Человек обладает, в том числе, эстетическими потребностями, которые имеют и непосредственное отношение к познанию, и к области человеческих чувств². Это во многом объясняет тот факт, что даже в условиях современного общества и развитие во многих областях научного знания, мифологический аспект по прежнему силен в рамках общественного сознания.

Необходимо помнить о том, что науку создают люди. У каждого ученого своя картина мира, и на формирование научных теорий всегда влияет то личностное знание, которое существует в мировоззрении творцов науки. В структуру личностного знания могут входить и мифологические и религиозные компоненты. Можно предположить, что миф, в какой-то степени, может стимулировать ученого к постижению реальности, давать «почву» для исследований.

В общественном сознании околонуучные мифы часто могут играть положительную роль, в том случае, если они мотивируют человека на новые открытия, достижения, формируют интерес к окружающему миру, его устройству и свойствам различных его проявлений. Также важен тот факт, что миф имеет большой эвристический потенциал, «накапливает» материал для науки.

Современная наука находится в настоящее время в положении неприятия и отторжения обществом. Подобное отношение, с нашей точки зрения, вызвано уже обозначенной в первой главе проблемой непонимания.

¹ *Хюбнер, К.* Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико- познавательная проблема // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления [Текст] / К. Хюбнер. - СПб, 1999. - С. 117.

² *Кудряшова, Т.Б.* К вопросу о роли воображения в культуре [Текст] / Т.Б. Кудряшова// Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки» Выпуск 1. Том 1. – Иваново, 2010. - С. 34-37.

Это приводит к тому, что наука в массовом сознании приобретает форму мифа. Например, теория относительности, несмотря на уже почти вековую историю существования, до сих пор остается за гранью понимания большинства. И это приводит к двойным последствиям. Во-первых, она, конечно, «обрастает» слоем околонаучной мифологии. А во-вторых, она сама зачастую воспринимается как выдумка. Так, некоторые постулаты, основанные на выводах теории относительности, принимаются в обществе как несуществующее явление. В частности - изменение привычного нам пространства-времени в черных дырах и кротовых норах – явление, несоотносимое с тем комплексом знаний, которым владеет среднестатистический человек, а значит, принимается за нечто нереальное, то есть миф.

Будучи потребителем плодов научного прогресса, обыватель не имеет ни малейшего представления о научной основе технологий, используемых каждый день в быту. Это еще больше отдаляет науку от массового сознания.

Мифологический компонент в науке может привести к процессу сближения науки и общественного и индивидуального сознания, но влечет за собой проблемы мировоззренческого и гносеологического характера.

В связи с этим, дать целостную единую оценку результатов взаимодействия мифа и науки (например, в результате мифологической обработки научной теории с целью ее упрощения и доступности для обывателя) крайне сложно. Кроме того, оценка подобных процессов еще более усложняется тем, что взаимодействие мифа и науки в естественной и гуманитарной сфере происходит не всегда по единой схеме.

И естественные и гуманитарные науки подвержены ремифологизации в связи с влиянием факторов, формирующихся в социальной среде. Можно привести примеры того, как возникал обширный пласт околонаучной мифологии в сфере обоих типов наук под влиянием идеологической компоненты. Наиболее подвержены влиянию идеологий гуманитарные науки, так как именно они формируют массовое представление об обществе.

В истории, социологии, политологии нередко зарождаются теории и концепции несущие заведомо мифологический характер с целью сформировать в обществе определенную точку зрения на конкретные события, процессы, явления. Б.А. Ручкин в своей статье¹ приводит пример трех типов мифов, возникающих в исторической науке. **Первый тип** – это, собственно, так называемый, **исторический миф**. Это описания псевдоисторических событий, которые перешли в общественное сознание в процессе своего многовекового существования. В качестве примеров автор говорит о различных произведениях древнерусской литературы («Сказание о взятии Рязани», масштабная часть содержания «Повести временных лет»). Изначально написанные в мифологической форме, эти произведения могут в определенных трактовках восприниматься как исторические источники, так как они привязаны к времени, месту, персоналиям. Подобные проявления мифологического могут восприниматься положительно, так как исторически они уже стали частью самосознания народа. **Второй тип** мифов, бытующих в исторической науке, - это очевидные **мистификации событий прошлого**. Как правило, именно этот пласт мифологии создается под давлением идеологических представлений, с целью вписать определенные исторические события и контекст, в котором они происходили, в конкретную парадигму, бытующую в обществе на разных уровнях. В рамках именно такого процесса происходило и происходит написание учебников истории, как инструментов формирования общественного мнения, а также попытка создания единого учебника истории, отвечающего идеологическим основам государственной политики и выгодного в ее дискурсе представления об историческом процессе. Кроме того, подобные мифы могут возникать при вырывании событий из контекста и при их неправильной трактовке. Подробно о таком типе мифов в истории в своем исследовании «Мифы о России» пишет В.Р.

¹ Ручкин, Б.А. Проблема «Мифы и история»: историческое обозрение [Текст] / Ручкин Б.А. // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». - 2011. - № 1. – С. 237 – 276.

Мединский¹. **Третьим типом** мифов в истории является **исторический миф-процесс или миф-явление**. К такому типу мифологии относится, например, представление об Аркаиме, как о месте-прародителе всех ариев, славян и индоевропейцев и о привязке этого факта к особой роли славянского народа в истории. Поддержка этого мифа активно ведется в прессе, на телевидении в специальных литературных циклах. Также мифом-явлением можно назвать, так называемую, Новую хронологию академика А.Т. Фоменко. Подобная «альтернативная история» является заведомо ложным, скорее фантастическим представлением о событиях отечественной и мировой истории. Там не менее, Новая хронология имеет большое количество последователей, книги из ее серии активно издаются и покупаются. Особенностью Новой хронологии является ее базирование на математических принципах и методах. И данный факт показывает, что не всегда стремление к строгой абстрагированной научности приводит к истинным и объективным результатам и также может способствовать мифологизации наук.

Следует сказать, что влиянию идеологии подвержены и естественные науки, достаточно вспомнить «лысенковщину», но происходит это значительно реже и под влиянием очень специфических социокультурных и исторических условий, каждое из которых следует рассматривать индивидуально.

Мифологизации подвержены относительно новые гуманитарные науки, в частности культурология, в силу отсутствия у них собственной методологической основы. Так, многие базисы современной культурологии, такие как - представления о существовании массового и элитарного общества, цивилизационный и формационный подходы к культурно-

¹ *Мединский, В.Р.* О том, кто и когда сочинял мифы о России [Текст] / В.Р. Мединский. - М.: Олма медиа групп, 2010. – 302 с.

Мединский, В.Р. Особенности национального пиара. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра [Текст] / В.Р. Мединский . - М.: Олма медиа групп, 2010. – 270 с.

Мединский, В.Р. Скелеты из шкафа русской истории [Текст] / В.Р. Мединский . - М.: Олма медиа групп, 2010. – 344 с.

историческому процессу - являются мифологемами, так как в науках, из которых данные теории вышли (социология, история), их объективность ставится под сомнение, и их предпочтительно рассматривать в виде гипотез.

И в естественных, и в гуманитарных науках происходит активное и эффективное взаимодействие с мифом на уровне внутренних форм языков познания. Это находит выражение в специфике категориального аппарата (названия теорий, концептов, явлений, процессов) наук, о чем говорилось в предыдущем параграфе. Взаимодействие на этом уровне происходит бессознательно. Но в социальной среде бессознательное «обрастание» естественнонаучного знания сферой мифологии происходит куда чаще. Причиной этого явления служит попытка преодоления сознанием незнания и непонимания, когда неверная трактовка научных представлений не подвержена какой-либо общественно-направленной цели (идеологии или социальному запросу), а возникает неосознанно в виду пропасти между массовым и научным сознанием. В гуманитарных науках данной феномен не находит широкого распространения.

В настоящее время можно говорить о том, что актуальность приобретает не только проблематика взаимодействия мифа и науки, но и комплекс проблем вокруг контакта в социальной сфере науки и околонуучной мифологии, как уже сформированного нового типа социальной реальности и формы культуры. Мы может выделить две группы причин, которые в настоящее время обостряют проблему соотношения науки и околонуучной мифологии: 1) к причинам социального характера, связанным с поиском новых ценностей в процессе диалога культур в условиях развития масс-медиа, мы относим: упрощение научного знания СМИ, популяризация науки, выполняемая непрофессионалами, привлечение внимания к новым открытиям посредством вымысла околонуучных фактов. 2) причины внутреннего характера связаны с запаздыванием процессов интеграции все более дифференцирующегося научного знания из-за излишней специализации научного языка. Так, кардинальные изменения научной

картины мира ведут к тому, что она становится трудно понятна и малодоступна. Поэтому приходится «достраивать» научную картину мира, преодолевая неясное с помощью воображения.

Мифологическая составляющая является элементом каждого сознания, даже сознания ученого, чья задача максимально объективно объяснить явления и процессы, происходящие в обществе и природе. Поэтому даже в, казалось бы, далекой от мифологической сфере рационально находят место и мифологические элементы. И они, порой, оказывают значительную роль в решении многих проблем современной науки.

Мифы, возникающие в сфере науки, без сомнений являются вредными для общества и для человека, если субъект не рефлексировывает и принимает мифологему за догму или истину, даже несмотря на явное противоречие знания, заложенного в мифологеме достижениям науки. Различные типы познания, однако, дополняют друг друга, совместно формируя целостный гармоничный образ действительности в индивидуальном и массовом сознании¹. Тем не менее, всякий перевес в сторону околонучного мифотворчества может стать опасным, если он ведет к генерации заведомо неверных представлений об окружающем нас мире.

3.3. Проблемы взаимодействия мифа и науки в современном российском обществе

Миф в его исходном виде является синкретическим образованием, в рамках которого переплетены различные ментальные формы: формы осознания единства коллектива, прамораль (табуитет), познание (в виде прагмознания и предметознания), ранние формы религиозного сознания, художественное сознание. Существовая в качестве такого синкретического образования, миф открывает для его носителей важнейшую жизненную

¹ Губин, В.Б. О науке и о лженауке [Текст] / В.Б. Губин. - М.: Изд-во РУДН, 2005. - С 96.

перспективу - саму возможность жизни в мифе. В подобном контексте можно сказать, что миф может выступать как нечто большее, чем форма культуры, символическая программа мышления, тип мировоззрения или способ познания мира. Он представляет собой способ жизни человека, в том числе и современного. Не существует социального пространства, как сферы жизни человека, в котором отсутствовал бы компонент мифа. В связи с этим можно сказать, что мифы всегда сопровождали, и, скорее всего, будут сопровождать человека, а сам человек пока остаётся включенным в миф. Этому факту есть несколько объяснений. Во-первых, мифы просты для восприятия, доступны в качестве средства передачи информации, а благодаря своей архетипичности, выраженной в большом количестве знаково-символических форм, он легко усваиваются и быстро приживаются в сознании. Во-вторых, миф является первой формой освоения мира, первой формой преодоления незнания, тем звеном которое устанавливает связь между деятельностью человека и окружающим миром, способом социализации. Миф способствует установлению гармонии между личностью и ее природным и социальным окружением¹. Миф способен удовлетворить потребность человека в целостном восприятии мира. Для мифологического сознания характерен синкретизм, интегрированность пропозиционального, нормативного и экспрессивного содержаний опыта; недифференцированность феноменов созерцания, переживания и мышления, их синтез в речи и действиях; отсутствие рефлексивно-критической позиции по отношению к данным «овеществляемым» элементам опыта, что связано с невозможностью распознать и интерпретативный характер². Миф, являясь продуктом деятельности мифологического сознания, представляет собой культурную

¹ *Осаченко, Ю.С.* Сущность мифа как философская проблема [Текст] / Ю.С. Осаченко // Известия Томского политехнического университета. Том 308., - Томск, 2005. – Выпуск 3. - С 182.

² *Козолупенко, Д. П.* Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая, философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры) [Текст] / Д.П. Козолупенко. - М., 2005. - С. 7.

универсалию, компонентой любого личностного бытия и культурной целостности¹.

Процессы, связанные с мифологизацией различных сфер культуры, сопровождают развитие общества по сей день. Как мы выяснили, причины этого явления различны. Они связаны и с глубинным единством всех познавательных форм, вследствие чего отделить научное познание от других форм познания является невозможным, и с теми процессами, которые рождаются в социальной сфере.

По словам А.К. Макаровой, «современные научные теории создают свой пласт мифологии, которая, уже к настоящему времени, как нам кажется, включает в коллективную память различные достижения науки, но они, так или иначе, трансформируются в простые узнаваемые образы для их состыковки с уже существующим знанием»². В этом процессе проявляются адаптивные возможности мифа, который проникает во все сферы человеческой культуры и трансформирует их.

В качестве примера функционирования околонучной мифологии в обществе мы подробно рассмотрим одну из самых популярных в настоящее время псевдонаучных концепций – теорию торсионных полей. Кроме того, мы попытаемся, на основе предложенной нами модели взаимодействия мифа и науки, проследить этапы формирования этой теории.

Торсионные поля - это термин, первоначально введённый математиком Картаном в 1922 году для обозначения гипотетически существующего некоего физического поля, которое может возникнуть путем кручения пространства. В настоящее время отсутствуют какие-либо экспериментальные доказательства реального существования такого типа

¹ *Осаченко, Ю.С.* Сущность мифа как философская проблема [Текст] / Ю.С. Осаченко // Известия Томского политехнического университета. Том 308., - Томск, 2005. – Выпуск 3. - С 183.

² *Макарова, А.К.* Мифология как способ бытия современного общества [Текст] / А.К. Макарова: автореферат дис. ... к.филос.н., - Магнитогорск, 2007.

полей, и официальная наука рассматривает их либо как гипотетическое явление, но чаще как вымысел и мифологему.

Тем не менее, даже гипотетическая возможность существования торсионного поля стала благоприятной почвой для сознания и тиражирования околонуучных мифов вокруг этого явления.

Данная теория не была признана научным сообществом, хотя её авторами являлись члены РАЕН Шипов и Акимов. В итоге она была признана лженаучной концепцией, основанной на кардинально неверной трактовке теории Эйнштейна - Картана и некоторых неортодоксальных решениях уравнений Максвелла. Тем не менее, на протяжении уже двух десятилетий активно происходит спекуляция вокруг этой, путем выпуска различного рода коммерческих продукты, действие которых якобы основано на использовании собственно так называемых торсионных полей.

Согласно данной теории, торсионные поля образуются любыми живыми и неживыми объектами, то есть каждый из них обладает якобы своим двойником в тонком плане, следовательно, подтверждается древний эзотерический постулат о реальности невидимого мира. «Обладая очень высокой удельной информационностью и ничтожно малой удельной энергией, — пишет в своей монографии Г.И.Шипов, — живые системы могут переходить в тонкоматериальную (или духовную) область жизни, при которой грубая оболочка — физическое тело — отсутствует. Таким образом, витальность («жизненность») является формализованной характеристикой духовности, позволяющей осознать иерархию духовных сущностей в эзотерической картине мира»¹. И далее «Первичные торсионные поля, переносящие информацию без переноса энергии... образуют безэнергетические солитоны, обладающие бесконечной витальностью. Соответствующие этим солитонам сущности наделены сверхсознанием и

¹ Шипов, Г.И. Теория физического вакуума. Новая парадигма [Текст] / Г.И. Шипов. - М., 1993. - С. 211.

безграничной активностью, т.е. обладают теми основными качествами, которые религия приписывает Богу»¹.

Таким образом, мы видим, что в действительности, теория торсионных полей имеет в своей основе, во-первых, реальные научные построения, такие как теория Эйнштейна – Картана, что, на первый взгляд, делает её весьма правдоподобной. А во-вторых, она отсылает нас к глубинным мифологическим представлениям, что, очевидно, дает данной теории способность быть легко принимаемой на веру, в силу того, что подобного рода мифологемы являются архетипичными для человеческого сознания и включены в его структуру. Соответственно, мы наблюдаем очень тонкую и изящную связь мифа и науки, в рамках этой теории, которая покоится на глубинном уровне Внутренней формы языка познания. Теория возникла в сознании, очевидно, благодаря удачному соединению научных фактов и тех структур, которые уже есть в сознании, и в связи с этим, осуществилась познавательная активность сознания на объединение этих факторов. Очевидно, что в реальности, подобным образом возникают многие научные гипотезы. И теория торсионных полей в настоящее время остается гипотезой, так как никакого практического подтверждения она не имеет. Но ряд факторов позволил в какой-то момент ей выйти за рамки нахождения в кругу гипотез и преобразоваться в околонучную мифологию. Это стало возможным благодаря тому, что на уровне Внутренней формы языка данная теория, оставаясь гипотетическим, а значит пока еще мифологическим построением, активно использовала средства науки. Во-первых, она основана учеными, а во-вторых, терминология теории торсионных полей бессознательно отсылает нас к физике. Это может быть наглядно продемонстрировано благодаря обилию физических терминов (поле, кручение, спин, угловой момент вращения, физический вакуум, элементарные частицы, корпускулярно-волновой дуализм и многие другие),

¹ Там же. - С. 211.

схем, алгоритмов объяснения действия полей, математических формул. А далее, мы наблюдаем взаимодействие на уровне внешних форм языков познания науки и мифа, что привело к крайне негативным последствиям.

Механизм транслирования информации о благоприятном действии продукции, выпущенной на основе работы торсионных полей, был осуществлен в первую очередь благодаря средствам массовой информации. И на этой почве быстро появились коммерческие структуры, предлагающие «торсионные» услуги разного рода. Это подтверждает тезис о том, что медиасреда является тем фактором, который в первую очередь характеризует взаимодействие мифа и науки в современном обществе, начиная с того, что именно в ней происходит трансляция продуктов этого взаимодействия, заканчивая тем, что именно ей определяется негативный или позитивный характер этого процесса, в зависимости от тех последствий, которые он оказывает на различные сферы человеческой деятельности (не только познавательной).

Тому факту, что в сознании обывателя околонуучные представления в принципе очень часто занимают место научных, активно способствуют средства массовой информации. Человек, предпочитающий расширять свое мировоззрение посредством телевидения и интернета, подвержен манипуляции его сознанием. Так, тиражирование в обществе околонуучных теорий способствует отвлечению людей от насущных проблем. Например, в период экономического кризиса СМИ массово тиражировали миф о конце света в 2012 году. На наш взгляд, подобные мифы рождаются не случайно, они создаются осознанно и с конкретной целью – отвлечь внимание людей от проблем политики, экономики и социальной сферы в сторону чистой воды мифологии. Следует напомнить, что апокалипсис, якобы предсказанный индейцами майя, переместился из телевизионных и интернет новостей, псевдодокументальных и псевдонаучных фильмов на большие экраны (фильм «2012», реж. Р. Эммерих). Придание околонуучной теории повествовательной формы, присвоение ей сюжета, героев и определенной

морали превращает ее в миф в целостном и привычном виде, который легко усваивается на уровне как индивидуального, так и общественного сознания.

Современное телевидение изобилует сюжетами околонучного контекста. Даже рефлексующий ум не всегда отличит научную или псевдонаучную направленность той или иной телепрограммы. Сознание же массового зрителя преимущественно впитывает информацию, преподносимую с экрана, как губка.

Область проблематики вокруг восприятия околонучной мифологии, транслируемой СМИ, расширяется вопросом о всеобщей подмене категории «знание» категорией «информация». Медиафера формирует дискурсы, заполненные разного рода информацией, но не нацелена на создание системы знания у обывателя. В общественном сознании информация начинает приравниваться к знанию и воспринимается без должной рефлексии. По справедливому замечанию А.П. Мальцевой¹, суть проблемы относительно разделения информации и знания заключается в том, что для того, чтобы зритель смог отличить первое от второго, он должен приобрести определенные знания, но чтобы у него возникло такое желание, он уже должен понимать разницу между этими категориями, а современная система образования зачастую не закладывает подобных компетенций.

В целом можно назвать единицы телепередач, нацеленных на предоставление зрителю объективных научных знаний. Основной же комплекс программ, занимающих эфирное время, направлен в лучшем случае на развлечение, а в худшем – на манипуляцию сознанием масс. Сами названия телевизионных передач, приведенные ниже, отсылают к проявлениям явной мифологической компоненты в их содержании. Примеры: «Во власти разума», «Пришельцы. Мифы и доказательства», «Павшие цивилизации», «Голос Галактики», «Водовороты Вселенной», «Еда.

¹ *Мальцева, А.П.* Квазисоциальный институт лженауки: причины возникновения и проблемы существования [Текст] / А.П. Мальцева // Лженаука в современном мире: медиафера, высшее образование, школа (Сборник материалов Международной научно-практической конференции). - СПб.: Изд-во ВВМ, 2013. - С 59-65.

Рассекреченные материалы», «Территория заблуждений», «Загадки истории», «Военная тайна» (все - канал Рен-ТВ); «Завербовать марсианина», «Вселенский разум», «Межпланетная разведка», «Колдун для президента», «Астронавты КГБ», «Инкубатор гениев», «Пси-оружие», «Сверхсолдаты» (канал ТВ-3). Данные проекты представляют собой псевдодокументальные фильмы, в которых создаваемый пласт околонучной мифологии затрагивает как естественные, так и социальные науки. Можно было бы предположить, что в связи с тем, что большинство телевизионных каналов в настоящее время являются коммерческими, цель создания таких передач – заработок на рекламе, благодаря широкому привлечению зрительской аудитории к проектам, предлагающим «сенсационные» новости и «исследования». Но подобные программы есть в сетке вещания и федеральных каналов, и создаются они при поддержке государства. Таким образом, можно предположить, что существует своего рода околонучный заговор, цель которого дискредитация образа науки в массовом сознании, усреднение уровня образованности населения, подмена достоверных знаний, основанных на достижениях современной науки, на информацию околонучного толка, а также формирование такого типа личности, как «человек-потребитель», не способного к рефлексии и не нуждающегося в ней. Достаточно привести пример, когда в конце 1980-х годов на телеэкранах страны появился Кашпировский, хотя в то время телевидение контролировалось государством, а значит его появление в эфире было утверждено чиновниками и министерством, что говорит о заинтересованности правительственных структур в массовом тиражировании различных проявлений мифотворчества. В связи с этим особо остро актуализируется вопрос об умении отличать науку от бытующих в СМИ и СМК форм, которые за науку выдаются, так как в сфере околонучной мифологии распространено мошенничество с целью заработка денег доверчивых налогоплательщиков на псевдодостижениях околонуч.

Наиболее активно тиражируемые в медиасфере проявления околонаучной мифологии: астрология, акупунктура, волновая генетика, телегония, теория трех биоритмов, иридодиагностика, магнитотерапия, френология, загадка Бермудского треугольника, новая хронология Фоменко-Носовского, уфология, криптофизика парапсихология, графология, научный креационизм, теория вакуума, криптозоология (существование снежного человека и лох-несского чудовища), сайентология, дианетика.

Интересную идею относительно природы возникновения и трансляции мифов, в первую очередь околонаучных, в современном обществе высказала А.К.Макарова. С ее точки зрения, мифы могут возникать не только при недостатке информации о чем-либо, но и при ее избытке, что мы можем наблюдать в современной российской действительности. «Информационный взрыв», вызванный влиянием СМИ на социум, влечет за собой последствия в виде глубокого психологического давления различных медиа на массовое и индивидуальное сознание, что является благоприятной средой для возникновения мифологий во всех сферах общества, так как подобное давление направлено на структуры индивидуального и коллективного бессознательного. «Электронные средства массовой информации объединяют людей таким образом, что каждый выступает не только в качестве потребителя, а также в качестве соучастника телевизионного и тому подобного мифотворчества. Вот почему нам представляется обоснованным вывод о том, что современная массовая культура стала не только индустрией развлечения, но и индустрией по производству и распространению мифов»¹. Отношения между наукой и современными коммуникативными технологиями имеют две стороны. Во-первых, несмотря на обозначенные тенденции, в поисках сенсации представители СМИ готовы уделять достижениям современной науки пристальный интерес. Подобное внимание к науке наблюдалось, когда был

¹ Макарова, А.К. Мифология как способ бытия современного общества [Текст] / А.К. Макарова: автореферат дис. ... к.филос.н., - Магнитогорск, 2007.

открыт бозон Хиггса, а также когда начал работу Большой Андронный Коллайдер. Но как только эти достижения современной науки стали приобретать мифологическую компоненту – внимание СМИ усилилось многократно. Достаточно вспомнить околonaучный миф о том, что запуск БАКа приведет к образованию черной дыры и концу света.

В современном российском обществе возникает неразрешимое противоречие относительно статуса научного знания. Общество остро нуждается в молодых ученых, способных уменьшить влияние околonaучной мифологии, за счет актуализации достижений фундаментальной и прикладной науки. Но низкий социальный статус ученого и отсутствие возможности достойного заработка либо ведут к пропаже заинтересованности ученых в научной деятельности, либо обращают его интерес в сферу псевдонауки.

В целом, мы видим, что в России создалась благоприятная среда для распространения околonaучной мифологии благодаря, в том числе, снижению общего образовательного уровня, в силу специфики отечественной культуры, которую Н.А. Бердяев определял как «антиномичность». С его точки зрения все линии культуры доходят до предельных концов и выходят из дифференцированных ценностей. Можно сказать, что в российском обществе ремифологизация усугубляет конфликт между сторонами с противостоящими моральными ориентирами, а также между стороной с высоким уровнем образования и стороной с низким уровнем образования (культуры). В российском обществе не только не активизируются социальные регуляторы, способные снизить напряжение этого конфликта, но он искусственно поддерживается за счет дискредитации образа ученого, преподавателя, науки. В околonaучной мифологии обыватель может найти элементы развлечения, психологической и эмоциональной разгрузки, вместе с тем заблуждаясь, думая, что он образовывается и получает новые знания.

Наука продолжает бороться с мифами, пытаясь искоренить их из своей структуры. Но её возможности в этом оказываются во многом сильно преувеличенными. Ведь до сих пор открытым остается вопрос: современные мифы преимущественно создаются по воле человека или возникают независимо от неё? Анализируя современное околонуучное мифотворчество и онтологические основания мифа в целом, мы пришли к выводу, что формирование мифа происходит и благодаря различным факторам, зависящим от человека, и, исходя глубокой внедренности мифа в наши познавательные структуры. В социальной же сфере околонуучные мифы выполняют ряд функций, которые, в действительности, оказываются необходимой потребностью современного российского общества. Это психотерапевтическая функция, развлекательная, художественно-эстетическая, функция понимания далеких от общественного сознания структур (теорий, гипотез, категорий), порождаемых современной наукой, и, на наш взгляд, ключевая – коммуникативная функция, представляющая собой мост (хоть, как мы выяснили, и мнимый) между обывателем и наукой.

В древности с помощью мифа человек пытался объяснить процессы и явления природы, которая его окружала. Природа представляла собой совокупность тайн и загадок, нечто неподвластное пониманию, можно сказать «вещь в себе». Между человеком и природой находилась пропасть непонимания, которую человек заполнял мифами, делая природу ближе. С нашей точки зрения, в настоящее время наука представляет собой такую же «вещь в себе», которой для древнего человека была природа (хотя природа и сейчас остается для нас непознанной). И уже современный человек, стараясь приблизить к себе научное знание, невероятно сложное и недоступное для массового сознания, окружает сферу науки мифами, создавая пласт околонуучной мифологии, и теша себя иллюзиями, что наука стала для него ближе.

В связи с этим, с нашей точки зрения, возможно, стоит не вести борьбу по искоренению мифов из науки и других сфер, а попытаться

использовать мифотворчество во благо. Ведь независимо от отношения к мифу людей науки, в мире всё более приходит и утверждается понимание, что миф такая же данность нашего сознания, как язык и наука, остающаяся нерушимым фундаментом всей мировой культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование сложных, многоуровневых, неоднозначных отношений мифа и науки, как современного социального явления, показывает, что эти процессы перспективны для анализа. Причем, раскрытие онтогносеологических оснований их взаимодействия, обнаружение схожих и общих базисов сущности этих аспектов человеческой культуры позволяет во многом объяснить социальную роль процесса ремифологизации (как продукта взаимодействия мифа и науки, рождающего феномен околонаучной мифологии) и раскрыть механизмы его бытования в различных сферах современного общества.

Делается вывод, что современная ремифологизация представляет собой процесс актуализации мифомышления в условиях техногенной цивилизации, массового использования наукоемких информационных технологий, когда, с одной стороны, избыток, а с другой стороны, фрагментарность информации заставляют массового человека включаться в процесс осмысления социальной реальности, используя такой социально-когнитивный механизм и символическую форму культуры как миф.

При этом происходит создание новых мифов, широко бытующих в социальной среде, которые позволяют массовому человеку адаптироваться к новому знанию, насыщенному труднопонимаемыми научно-технологическими артефактами. Таким образом, результатом взаимодействия мифа и науки в современном обществе является оклонаучная мифология, формирующаяся и бытующая в условиях массового погружения социальной сферы в процесс ремифологизации. Краеугольным камнем социально-философской проблематики вокруг процессов и явлений, рождающихся в результате контакта мифа с наукой, становится их качественная оценка в контексте влияния на социум в целом и индивидуальное сознание в частности.

Нами выделяется три уровня взаимодействия мифа и науки с использованием концептов внутренней и внешней форм языка, с выделением онтологического, гносеологического и социального аспектов отношений двух символических форм культуры.

Так, использование трехуровневой модели взаимосвязи мифа и науки позволило обнаружить глубинную связь этих символических форм культуры на уровне внутренней формы языка, где различные способы когнитивного, ценностного, практического, социального и индивидуального освоения мира являются неразделенными и представляют собой единый потенциал. На уровне дифференцированных внутренних форм языков мифа и науки они активно обогащают друг друга когнитивными инструментами, аксиологическим и этическим дискурсами. На уровне внешних форм языков науки и мифа взаимодействие происходит преимущественно в широкой социальной среде под воздействием факторов, характеризующих современный этап развития общества. Эти факторы могут носить поверхностный и случайный характер, что характерно в первую очередь для естественных наук, а могут быть вызваны социальным «запросом», сформированным под влиянием идеологических мотивов, что находит выражение как в естественнонаучной среде, так и в сфере гуманитарных наук.

На основе представления о том, что взаимодействие мифа и науки происходит одновременно на трех уровнях, делается вывод о том, что данный процесс и те социальные последствия, которые он с собой несет, не может быть оценен категорически отрицательно или положительно. Критерии оценки продуктов контакта мифологического и научного складываются из анализа уровня взаимодействия этих структур. В предложенной трехуровневой модели разработана методика анализа взаимоотношений различных языков культуры, происходящих в социальной сфере. Данная методика предлагает методы прогнозирования результатов их взаимосвязи в обществе и оценку через анализ уровней взаимодействия. Мы

пришли к выводу, что не существует «стерильных» социально-когнитивных форм освоения мира. Любые социально-адаптированные формы освоения мира, будь то наука или миф, не являются однородными и содержат в себе глубинные слои, указывающие на взаимосвязь всех языков культуры.

Одним из преимуществ предложенной модели является то, что на её основе можно прогнозировать результаты не только актуальных на данный момент взаимодействий языков культуры (наука и искусство, наука и обыденность, обыденность и религия и т.д.), но и потенциально возможных. Более того, данная модель наглядно показывает механизмы, в том числе и бессознательные, взаимодействия различных символических программ мышления, что дает дополнительные возможности для проектирования новых языков культуры, если появится такая социальная необходимость.

Анализируя взаимодействие мифа и науки в современном российском обществе, мы пришли к выводу, что оно протекает в специфических условиях, обусловленных особенностями отечественной культуры, в которой конфликт между восприятием мифологической и научной составляющих картины мира благодаря процессу ремифологизации не только не сглаживается, но и обостряется.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абелев, Г. И. Об истоках псевдонауки [Текст] / Г. И. Абелев // ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ. – 2002. – № 1 (22). – С. 8–9.
2. Автономова, Н.С. Миф: хаос и логос [Текст] / Н.С. Автономова // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. - М., 1990. – С. 30-57.
3. Адамар, Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики [Текст] / Ж. Адамар. – М., 1970. - 158 с.
4. Александров, Е.Б. Проблемы экспансии лженауки [Текст] / А.Б. Александров // В защиту науки. – М.: Наука, 2006. - №1. - С. 14-30.
5. Александров, Е.Б. Теневая наука [Текст] / Е.Б. Александров // Наука и жизнь. – 1991. - №1. - С. 56-61.
6. Арапов, Е.Г. Онологические основания мифа и мифотворчества [Текст] / Е.Г. Арапов: автореферат дисс. ... к.филос.н. - Москва, 2008.
7. Арнольд, В.И. Антинаучная революция и математика [Текст] / В.И. Арнольд // Вестник РАН, 1999. Т. 69. - № 6. - С. 553-558.
8. Бажанов, В.А. Наука как самопознающая система [Текст] / В.А. Бажанов. – Казань: Издательство Казанского университета, 1991. - 180 с.
9. Баженов, Л.Б. Место физики в системе наук [Текст] / Л.Б. Баженов // Философия науки / Под редакцией А.И. Липкина. – М.: Эксмо, 2007. - С. 317-325.
10. Баксанский, О.Е. Козволюционные репрезентации современной направленности познания [Текст] / О.Е. Баксанский. - М.: Альтекс, 1999. – 172 с.
11. Барт Р. Миф сегодня [Текст] / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 303 с.
12. Барт, Р. Мифологии [Текст] / Р. Барт. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2007. – 252 с.

13. Башляр, Г. Новый рационализм [Текст] / Г. Башляр. – М., 1987. – 376 с.
14. Бергсон, А. Творческая эволюция. Материя и память [Текст] / А. Бергсон. - Харвест, 1999. – 1408 с.
15. Боброва, С.П. Мифологическое сознание как система [Текст] / С.П. Боброва. - Иваново, 2002. – 156 с.
16. Бодрийяр, Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийяр. - М.: Рудомино, 1999. - 219 с.
17. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат [Текст] / Л. Витгенштейн / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. - М.: Наука, 2009. – 133 с.
18. Витгенштейн, Л. Философские работы [Текст] / Л. Витгенштейн / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. - М.: Гнозис, 1994. – 206 с.
19. Ваттимо, Дж. Прозрачное общество [Текст] / Дж. Ваттимо. - М., 2002. – 128 с.
20. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций [Текст] / Дж. Вико. - Киев, 1994. – 619 с.
21. Власова, О.А. Антипсихиатрия: становление и развитие [Текст] / О.А. Власова. - Москва: Изд-во РГСУ «Союз», 2006. - 221 с.
22. Вненаучное знание и современный кризис научного мировоззрения [Текст] / В.И. Дынич и др. // Вопросы философии. - 1994. - № 12. - с. 122 - 134.
23. Гайденко, Н.П. Проблема, времени у Исаака Ньютона [Текст] / Н.П. Гайденко // Эпистемология и философия науки. 2005. - №2. - с. 137-149.
24. Гейзенберг, В. Что такое элементарная частица [Текст] / В.Гейзенберг // Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – 173 с.
25. Гинзбург, В.Л. Назад, в пещеры [Текст] / В.Л. Гинзбург// В защиту науки / Отв. Ред. Э.П. Кругляков. - М.: Наука, 2006. Бюлл. №1. - С. 48-55.

26. Гинзбург, В.Л. О лженауке и необходимости борьбы с ней [Текст] / В.Л. Гинзбург // Наука и жизнь. 2000. - №11. - С. 74-78.
27. Гинзбург, В.Л. О науке, о себе и о других. 2-е изд [Текст] / В.Л. Гинзбург. - М.: Физматлит, 2001. - 488 с.
28. Гиренок, Ф.И. Ускользящее бытие [Текст] / Ф.И. Гиренок. - М., 1994. - С. 114.
29. Головин, Д.В. Паранаука: социокультурные основания и функции [Текст] / Д.В. Головин: автореферат дисс. ... к. филос. н.: 09.00.11 - Орел, 2012. – 226 с.
30. Головин, Д. В. Наука и паранаука: актуальность проблемы демаркации [Текст] / Д.В. Головин // Мировоззрение в контексте современной культуры (коллективная монография) / Под ред. проф. В. Н. Финогентова. - Орёл: ООО Полиграфическая фирма «Картуш», 2011. - С. 119-126.
31. Голосовкер, Я. Э. Логика мифа [Текст] / Э.Я. Голосовкер. - М.: Наука, 1987. – 544 с.
32. Гриб, А. А., Павлов, Ю. В. Возможно ли увидеть бесконечное будущее Вселенной при падении в черную дыру? [Электронный ресурс] / А.А. Гриб. - Режим доступа:
<http://www.mathnet.ru/links/4a0937277a1d357114095b1aed273c94/ufn735.pdf>
33. Гроф, С. За пределами мозга [Текст] / С. Гроф. - М.: 2000. - 504 с.
34. Грэхем, Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе [Текст] / Л. Грэхем. - М.: Политиздат, 1991. - 480 с.
35. Губанов, Н.И. Кодово-семиотический подход к проблеме взаимоотношений индивидуального и общественного сознания [Текст] / Н.И. Губанов // Генезис, структура, функции индивидуального сознания. - Иваново, 1988. – 213 с.
36. Губин, В.Б. О науке и о лженауке [Текст] / В.Б. Губин. - М.: Изд-во РУДН, 2005. - 96 с.

37. Гудков В. Заметки о лженауках и их сторонниках [Текст] / В. Гудков // Наука и жизнь. 2002. - №12. - С. 100-105.
38. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст] / Э. Гуссерль. – М., 1999. – 486 с.
39. Депперт, В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы [Текст] / В. Депперт // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб, 1999. – С. 173-205.
40. Дмитриевская И. В. Метафизика злого сердца: проблема онтологизации зла в бытии мира и человека [Текст] / И.В. Дмитриевская. - Иваново, 2012. – 352 с.
41. Дмитриевская, И.В. Мироззрение как система [Текст] / И.В. Дмитриевская // Сознание и теория мироззрения: история и современность: межвуз. Сб. научн. Тр. // ИвГУ. - Иваново, 1992. – С. 5-15.
42. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни [Текст] / Э. Дюркгейм // "Социология религии. Реферативный журнал", 1991. - № 4 (ИНИОН РАН). – С. 67 – 84.
43. Дубровский, Д. И. Паранаука, парапрактика и изменённые состояния массового сознания [Текст] / Д. И. Дубровский // Здравый смысл, 1997/1998. - № 2 (6). - С. 42-47.
44. Дэвис, Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху [Текст] / Э. Дэвис. – М., 2008. – 314 с.
45. Ерахтин, А. В. Диалектика становления мышления и сознания [Текст] / А.В. Ерахтин. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. - 152 с.
46. Ермолина, Ю. В. Наука и вненаучные формы знания в современной культуре (на примере магии) [Текст] / Ю. В. Ермолина // Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А. И. Герцена, 2008. - № 82-1. - С. 157-162.

47. Ефремов, Ю.Н., Полищук Р.Ф. Государство и лженаука [Текст] / Ю.Н. Ефремов, Р.Ф. Полищук // В защиту науки / Отв. Ред. Э.П. Кругляков.: М.: Наука, 2006. - Бюлл. №1.- С. 105-110.
48. Жангра, И. Мотив радикализма. О некоторых новых тенденциях в социологии науки и технологии [Текст] / И. Жангра // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2004. - № 5. - С.75-98.
49. Заблуждающийся разум или многообразие вненаучного знания [Текст]. - М., 1990. – 128 с.
50. Зобов, Р. А., Келасьев, В.Н. Социальная мифология России и проблемы адаптации [Электронный ресурс] / Р.А. Зобов, В.Н. Келасьев. – Режим доступа: <http://www.psychodic.ru/arc.php?page=405>.
51. Иванов, К.П. Агрессивная лженаука [Текст] / К.П. Иванов // Вестник РАН. 2002. - №1. - С. 30-36.
52. Ильин, И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа [Текст] / И.П. Ильин. - М.: Интрада, 1998. - 255с.
53. Ильин, В.В. Критерии научности [Текст] / В.В. Ильин. - М., 1989. – 129 с.
54. Казютинский, В.В. Нет, космология наука физическая, а не гуманитарная! Ответ В.М. Розину [Текст] / В.В. Казютинский // Эпистемология и философия науки. 2007. - №2. - С. 125-129.
55. Каирова, И.А. Социальное мифотворчество в современном российском медиапространстве [Текст] / И.А. Каирова: автореферат дисс. ... к. филос. н.: 09.00.11 - Ростов н/Д, 2012. – 196 с.
56. Капра, Ф. Дао физики [Текст] / Ф. Капра. - СПб., 1994. - 217 с.
57. Карнап, Р. Философские основания физики. Введение в философию науки [Текст] / Р. Карнап . - М.: Прогресс, 1971. – 390 с.
58. Карнап, Р.; Ган, Г.; Нейрат, О. Научное миропонимание - Венский кружок [Текст] / Р. Карнап / Пер. Я. Шрамко // Логос. – М., 2005. № 2. - С. 13-27.

59. Касавин, И.Т. Магия: ее мнимые открытия и подлинные тайны [Текст] / И.Т. Касавин // Заблуждающийся разум или многообразие вненаучного знания. / Отв. Ред. и сост. И.Т. Касавин. - М.: Политиздат, 1990. -464 с.
60. Касавин, И.Т. Наука и иные типы знания: позиция эпистемолога [Текст] / И.Т. Касавин // Эпистемология и философия науки. 2005. - №2. - С.5-15.
61. Касавин, И.Т. Постигая многообразие разума [Текст] / И.Т. Касавин // Заблуждающийся разум или многообразие вненаучного знания. / Отв. Ред. и сост. И.Т. Касавин. - М.: Политиздат, 1990. - 464 с.
62. Касавин, И. Т. Оккультизм и магия в современном мире (Беседа с В. С. Стёпиным) [Текст] / И. Т. Касавин / Магический кристалл: Магия глазами учёных и чародеев / Ред. и сост. И. Т. Касавин. - М.: Республика, 1992. - С. 509-526.
63. Касинов, В.Б. Компромисс невозможен [Текст] / В.Б. Касинов // Химия и жизнь. - 1981. - №3. - С. 31-33.
64. Кассирер Э. Опыт о человеке [Текст] / Э. Кассирер // Проблемы человека в западной философии. - М., 1988. – 430 с.
65. Кассирер, Э. Философия символических форм [Текст] / Э. Кассирер / Пер. с нем. С. А. Ромашко. - М.: Университетская книга, 2002. - 271 с.
66. Кессиди, Х. Г. От мифа к логосу (Становление греческой философии) [Текст] / Х.Г. Кессиди. - М., 1997. – 367 с.
67. Кессиди, Х.Г. Миф и его отношение к познанию, религии и художественному творчеству [Текст] / Х.Г. Кессиди. // Вопросы философии. 1966. - №5. - С. 96 - 106.
68. Киященко, Л.П. Мифопоэзис научного дискурса [Текст] / Л.П. Киященко // Философские науки. 1994. - №5. - С. 73 - 83.

69. Когаловский, С.Р., Шмелева Е.А., Герасимова О.В. Путь к понятию (от интуитивных представлений – к строгому понятию) [Текст] / С.Р. Когаловский. - Иваново, 1998, - 206 с.
70. Козолупенко, Д. П. Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая, философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры) [Текст] / Д.П. Козолупенко. – М., 2005. – 212 с.
71. Кольев, А.Н. Политическая мифология: реализация социального опыта [Текст] / А.Н. Кольев. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
72. Комаров, В. Н. Наука и миф [Текст] / В.Н. Комаров. - М.: Просвещение, 1988. – 191 с.
73. Конопкин, А. М. Особенности структурирования околонаучного знания [Текст] / А. М. Конопкин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки, 2009. - № 3 (11). - С. 39-47.
74. Конопкин, А. М. К вопросу о структуре псевдонауки: псевдонаука как девиантная интерпретация [Текст] / А.М. Конопкин // Эпистемология и философия науки. 2014 Т. 39. №1. - С. 152 - 173.
75. Конопкин, А. М. Когнитивные и социальные предпосылки псевдонауки [Текст] / А.М. Конопкин : автореф. дис. к.ф.н.: 09.00.01. - Самара, 2010. – 245 с.
76. Копнин, П.В. Диалектика как логика и теория познания [Текст] / П.В. Копнин. – М., 1973. – 190 с.
77. Косарев, А.Ф. Философия мифа. Мифология и её эвристическая значимость [Текст] / А.Ф. Косарев. - М., 2000. - С. 221-260.
78. Косарев, А.Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость [Текст] / А.Ф. Косарев. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 304 с.

79. Кроливецкая, И. Е. Технологии ремифологизации в условиях российского общества [Текст] / И.Е. Кроливецкая // Гуманитарные и социально-экономические науки, 2009, - № 5. – С. 104 – 127.
80. Кругляков Э.П. Чем грозит обществу лженаука? [Текст] / Э.П. Кругляков // Вестник РАН. 2004. - №1. - С.8-16.
81. Кругляков, Э. П. Бизнес на невежестве: лженаука проникла даже в высшие эшелоны власти [Текст] / Э. П. Кругляков // Российская Газета. - 2003. 4 июня. - С. 3.
82. Крымский, С.Б., Парахонский, Б.А. Эпистемология культуры: Введение в обобщенную теорию познания [Текст] / С.Б. Крымский, Б.А. Парахонский. – К.: Наук.думка, 1993. – 216 с.
83. Куайн, У. Две догмы эмпиризма [Текст] / У. Куайн. - М., Логос, Праксис, 2000. – 386 с.
84. Кудряшова, Т.Б. К вопросу о роли воображения в культуре [Текст] / Т.Б. Кудряшова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки» - Т. 1. 2010. - С. 34-37.
85. Кудряшова, Т.Б. К вопросу о синтезе символических форм культуры [Текст] / Т.Б. Кудряшова // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки» Т. 3. 2012. - С. 149 - 155.
86. Кудряшова, Т.Б. Онтология языков познания. К вопросу о внутренней форме языков культуры [Текст] / Т.Б. Кудряшова. Saarbrücken: LAMBERT Academic publishing. 2010. - 316 с.
87. Кузнецова, Н.И. Моральный кодекс служителя науки: миф? Реальность? Идеал? [Текст] / Н.И. Кузнецова // Вестник РАН. 2008. - №12. - с. 1122-1126.
88. Кун, Т. Структура научных революций [Текст] /Т. Кун. - М. 2002. – 608 с.
89. Ландау, Л.Д. Теория квант от Макса Планка до наших дней [Текст] / Л.Д. Ландау. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 94 – 108.

90. Лапшин, И.И. Философия изобретения и изобретение в философии [Текст] / И.И. Лапшин. - М., 1999. – 399 с.
91. Лебон, Г. Психология народов и масс [Текст] / Г. Лебон. - М.: Академический проект, 2011. – 311 с.
92. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление [Текст] / Л. Леви-Брюль. - СПб., 1997. – 256 с.
93. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении [Текст] / Л. Леви-Брюль. - М., 1994. – 178 с.
94. Леви-Строс, К. Мифологии [Текст] / К. Леви-Строс. - М., 2000. – 399 с.
95. Леви-Строс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Строс. - М., 1985. – 314 с.
96. Леви-Строс, К. Тотемизм сегодня [Текст] / К. Леви-Строс. - М., 1994. – 289 с.
97. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. - М., 1975. – 352 с.
98. Лесков Л. В. Кого будут жечь на костре лженауки [Текст] / Л. В. Лесков // Российская газета. 1999. - 30 ноября. - С. 3-8.
99. Лишевский, В.П. Рассказы об ученых [Текст] / В.П. Лишевский. - М., 1986. – 168 с.
100. Лобок, А.М. Антропология мифа [Текст] / А.М. Лобок. - Екатеринбург, 1997. – 114 с.
101. Лосев, А.Ф. Античный космос и современная наука [Текст] / А.Ф. Лосев. - М.: 1993. – 550 с.
102. Лосев, А. Ф. Миф. Число. Сущность [Текст] / А.Ф. Лосев. - М.: Мысль, 1994. – 920 с.
103. Лосев, А. Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе [Текст] / А.Ф. Лосев. // Литература и живопись. - Л.: Наука, 1982. - С. 31-65.

104. Лосева, И.Н. Миф и религия в отношении к рациональному познанию [Текст] / И.Н. Лосева // Вопросы философии, 1992. - №7. - С. 64-68
105. Лотман, Ю.М. Культура и текст как генераторы смысла [Текст] / Ю.М. Лотман // Кибернетическая лингвистика. - М., 1983. – С. 104 – 122.
106. Малиновский, Б. Магия, наука и религия. Направления: Антропология религии. Религии: Ранние формы [Текст] / Б. Малиновский. - М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.
107. Мамардашвили, М.К. Формы и содержание мышления [Текст] / М.К. Мамардашвили. - М., 1968. – 186 с.
108. Мамчур, Е.А. Физика и реальность [Текст] / Е.А. Мамчур // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. - С. 1040 - 1041.
109. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма [Текст] / Н.Б. Маньковская. - СПб.: Алетейя, 2000 г. - 347 с.
110. Мартишина, Н.И. Когнитивные основания паранауки [Текст] / Н.И. Мартишина. - Омск: изд-во ОмГТУ, 1996. - 187 с.
111. Мартишина, Н.И. Наука и паранаука в духовной жизни современного человека [Текст] / Н.И. Мартишина. - Омск: Из-во ОмГТУ, 1997. - 178 с.
112. Мартынович, С. Ф. Современная философия науки [Текст] / С.Ф. Мартынович // Философия науки в информационном обществе. Материалы Первой межвузовской научной конференции, Саратов: Издательство “Саратовский источник”, 2010, - С. 6-53.
113. Мартынович, С. Ф. Философия физики: проблемы, методы, концепции [Текст] / С.Ф. Мартынович // Философия физики: Актуальные проблемы. Материалы научной конференции 17-18 июня 2010 года. – М.:ЛЕНАНД, 2010. –С. 108-111.
114. Масалова, С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: трансформация от античности до Нового времени [Текст] / С.И. Масалова. - Ростов н/Дону, 2006. - 264 с.

115. Матурана, У., Варела Ф. Древо познания [Текст] / У. Матурана, Ф. Варела. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
116. Машенцев, А. В. Интуиция и ценностная ориентация в познании [Текст] / А. В. Машенцев: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – СПб., 2003. – 197 с.
117. Медведев, С.В. К вопросу о так называемом альтернативном зрении [Текст] / С.В. Медведев // Вестник РАН. 2005. - №6. - С.558-559.
118. Медведев, Л.Н. Феномен паранаучного знания [Текст] / Л.Н. Медведев. - Красноярск, 2007. - 376 с.
119. Мединский, В.Р. О том, кто и когда сочинял мифы о России [Текст] / В.Р. Мединский. - М.: Олма медиа групп, 2010. – 302 с.
120. Мединский, В.Р. Особенности национального пиара. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра [Текст] / В.Р. Мединский. - М.: Олма медиа групп, 2010. – 270 с.
121. Мединский, В.Р. Скелеты из шкафа русской истории [Текст] / В.Р. Мединский. - М.: Олма медиа групп, 2010. – 344 с.
122. Мейен, С.В. Принцип сочувствия: Размышления об этике и научном познании [Текст] / С.В. Мейен. - М.: ГЕОС, 2006. - 212 с.
123. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа [Текст] / Е.М. Мелетинский. - М., Наука. 1976. – 407 с.
124. Менгер, К. Избранные работы [Текст] / К. Менгер. - М.: Изд-й дом «Территория будущего», 2005. - 496 с.
125. Меркулов, И.П. Когнитивные основания математических знаний [Текст] / И.П. Меркулов // Эпистемология и философия науки. 2007. - №4. - С. 127-141.
126. Мигдал, А.Б. От догадки до истины [Текст] / А.Б. Мигдал // Химия и жизнь. -1979. - № 12. - С. 2-8.
127. Михайлов, О.В. Наука и науки [Текст] / О.В. Михайлов // Вестник Российской Академии Наук. 2007. - Т. 77. - № 12. - С. 1139-1143.

128. Найдыш, В. М. Будущее науки и квазинауки [Текст] / В. М. Найдыш // Наука и квазинаука / Под ред. В. М. Найдыша. М.: Альфа - М, 2008. - С. 301-316.
129. Найдыш, В. М. Квазинаука как вызов и ответы на него [Текст] / В. М. Найдыш // Наука и квазинаука / Под ред. В. М. Найдыша. - М.: Альфа-М, 2008.- С. 103-111.
130. Найдыш, В. М. От классического образа науки к квазинауке [Текст] / В. М. Найдыш // Наука и квазинаука / Под ред. В. М. Найдыша. - М.: АльфаМ, 2008. - С. 99-103.
131. Найдыш, В. М. Понятие и историческое становление обыденного сознания. Здравый смысл [Текст] / В. М. Найдыш // Наука и квазинаука / Под ред. В. М. Найдыша. - М.: Альфа-М, 2008. - С. 51-64.
132. Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии [Текст] / У. Найссер. – М.: Прогресс, 1981. – 179 с.
133. Налимов, В.В. На грани третьего тысячелетия: Что осмыслили мы, приближаясь к XXI в. [Текст] / В.В. Налимов. - М.: Лабиринт, 1994. - 73 с.
134. Нейгебауэр О. Точные науки в древности [Текст] / О. Нейгебауэр. - М.: Наука, 1968. – 156 с.
135. Никифоров, А.Л. Научная рациональность и цель науки [Текст] / А.Л. Никифоров // Логика научного познания: Актуальные проблемы. - М., 1987. – 69 с.
136. Никифоров, А.Л. Философия как личный опыт [Текст] / А.Л. Никифоров // Заблуждающийся разум?: Многообразие вненаучного знания. - М., 1990. - С.296-328.
137. Оботурова, Г.Н. Философия мифа [Текст] / Г.Н. Оботурова. - Вологда: Русь, 1998. - 75 с.
138. Осипов, Г.В. Социология и социальное мифотворчество [Текст] / Г.В. Осипов. - М.: Издательство НОРМА, 2002. - 656 с.

139. Осипов, Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика [Текст] / Г.В. Осипов. - М.: Издательство НОРМА, 2000. - 543 с.
140. Панов Е.Д. Расцвет лженауки следствие кризиса общественного сознания [Текст] / Е.Д. Панов // Вестник РАН. - 2004. - Т.74, - № 1. - С. 17-27.
141. Параев, В.В., Молчанов В.И., Еганов Э.А. Проблемы теории эволюции и её парадоксы [Текст] / В.В. Параев, В.И. Молчанов, Э.А. Еганов // Философия науки. - 2008. - №1, - С. 129-149.
142. Пашинина, Д.П. Миф как основание и феномен культуры (мифовокупность базисных бессознательных, коллективных представлений) [Текст] / Д.П. Пашинина // Мир психологии. - М.; 2003. - №3(35). - С. 57- 65.
143. Петровский, А. Лженаука №1 в ретроспективе [Текст] / А. Петровский // Наука и жизнь. 1991. - №4. - С. 48-53.
144. Пивоев, В.М. Функции мифа в культуре мира [Текст] / В.М. Пивоев // Вестник Моск. Ун-та. - Сер.7- Философия, 1993. - №3. - С. 29-34.
145. Плотников, Н.С. Кристоф Ямме. Пределы и перспективы современных философских теорий мифа [Текст] / Н.С. Плотников // Вопросы философии, 1993. - №5. – 188 с.
146. Плюснин, Ю.М. Институциональный кризис науки и новые ценностные ориентиры профессионального ученого [Текст] / Ю.М. Плюснин // Философия науки. - 2003. №2. - С. 99-108.
147. Позднева, С.П. Человек в зеркале науки [Текст] / С.П. Позднева // Человек в современном мире. - Саратов, 2003. - С.13-16.
148. Пойа, Д. Математическое открытие [Текст] / Д. Пойа. - М., 1970. – 456 с.
149. Полани ,М. Личностное знание: На пути к посткритической философии [Текст] / М. Полани. - М., 1985. - 343 с.
150. Поппер, К. Логика научного исследования [Текст] / К. Поппер / Под общ. ред. В. Н. Садовского. - М.: Республика, 2004. - 605 с.
151. Поппер, К. Магия мифа / К. Поппер // Alma mater: Вестник высшей школы, 1994. - №3. - С. 56 - 70.

152. Порус, В.Н. О философских аспектах проблемы "несоизмеримости" научных теорий [Текст] / В.Н. Порус // Вопросы философии. 1986. - № 3. - С. 12-19.
153. Потебня, А.А. Слово и миф [Текст] / А.А. Потебня. - М.: Правда, 1989. – 260 с.
154. Пружинин, Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии [Текст] / Б.И. Пружинин. - М.: РОССПЭН, 2009. - 432 с.
155. Пружинин, Б.И. Астрология: наука, псевдонаука, идеология [Текст] / Б.И. Пружинин // Вопросы философии. 1994. - №2 - С. 13-24.
156. Пружинин, Б.И. Псевдонаука сегодня [Текст] / Б.И. Пружинин // Вестник РАН. - 2005. - №2. - С. 117-125.
157. Пуанкаре, А. Наука и метод [Текст] / А. Пуанкаре. - СПб-Одесса, 1910. – 124 с.
158. Рабинович, В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры [Текст] / В.Л. Рабинович. - М.: Наука, 1979. - 392 с.
159. Раздьяконова, Е. В. Миф как реальность и реальность как миф [Текст] / Е.В. Раздьяконова: автореферат дисс. ... к. филос. н.: 24.00.01 - Томск, 2009. – 160 с.
160. Разин, А.В., Разин С.В. Союз науки и религии в современном мире вряд ли возможен [Текст] / А.В. Разин, С.В. Разин // Вестник РАН. 2004. - №9. С. 79 - 81.
161. Рассел, Б. Религия и наука [Текст] / Б. Рассел // Почему я не христианин: Избранные атеист, произведения. - М.: Политиздат, 1987. - С. 132-206.
162. Репрессированная наука [Текст] / ред. М. Г. Ярошевский. М: Наука, 1991. - 560 с.
163. Розин, В.М. К проблеме демаркации естественных и гуманитарных наук, а также куда мы должны отнести космологию [Текст] / В.М. Розин // Эпистемология и философия науки. 2007. - №1. - С. 111-128.

164. Ручкин, Б.А. Проблема "Мифы и история": историческое обозрение [Текст] / Б.А. Ручкин // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». - 2011. - № 1. - С. 237-276.
165. Романовский, С.И. «Притащенная» наука [Текст] / С.И. Романовский. - СПб., 2004. - 348 с.
166. Савельев, А.Н. Политическая мифология [Текст] / А.Н. Савельев. - М.: Логос, 2003. - 218 с.
167. Санников, Д.В. Социокультурные основания паранаучной мифологии [Текст] / Д.В. Санников // Гуманитарные исследования, 2005. - №4 (16). - С. 22-28.
168. Сердюков, Ю. М. Альтернатива паранауке [Текст] / Ю.М. Сердюков. - М.: Academia, 2005. - 308 с.
169. Сноу, Ч. Две культуры [Текст] / Ч.Сноу. - М.: Прогресс, 1973. - 146 с.
170. Соболев, А.С. Духовные корни науки [Текст] / А.С. Соболев // Вестник РАН. - 2004. - №9. - С. 792-801.
171. Соловьев, В. С. Соч. в 2 т. [Текст] / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева / В.С. Соловьев. - М., 1989.
172. Солсо, Р. Когнитивная психология [Текст] / Р. Солсо. - СПб.: Питер, 2006. - 589 с.
173. Сорель, Ж. Социализм и насилие [Текст] / Ж. Сорель. - М., 2003. - 402 с.
174. Ставицкий, А.В. Современный миф как объект научного исследования: основные подходы к проблеме [Текст] / А.В. Ставицкий // Вестник СевГТУ. - Вып. 56: Философия: Сб. науч. тр. - Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2004. - С. 130-139.
175. Старцев, Б. Академики кислых щей: Государство не в силах унять самозванные академии наук [Текст] / Б. Старцев // Наука в Сибири. - 1999. - №18. - С. 12 - 42.

176. Степин, В.С. Идеалы и нормы науки [Текст] / В.С. Степин // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. - С. 263-265.
177. Степин, В.С. Наука и лженаука [Текст] / В.С. Степин // Наукоеведение. - 2000. - №1. - С.72 – 81.
178. Султанова, Е.Б. Роль интуиции и неявного знания в формировании стиля математического мышления [Электронный ресурс] / Е.Б. Султанова. – Режим доступа: <http://claw.ru/1news/referaty/psixologiya/rol-intuicii-i-neyavnogo-znaniya-v-formirovanii-stilya-matematicheskogo-myshleniya.html>
179. Сурдин, В. Г. Почему астрология лженаука? [Текст] / В.Г. Сурдин // Наука и жизнь. - 2000. - №11. - С. 79-83.
180. Телегин, С. М. Восстание мифа [Текст] / С.Н. Телегин. - М.: Век, 1997. - 163 с.
181. Тимофеев, М.Ю. Социально-философское исследование специфики и эволюции мифологического сознания [Текст] / М.Ю. Тимофеев: Дис . канд. филос. наук. - Иваново, 1995. - 130 с.
182. Токарев, С. А. Ранние формы религии и их развитие [Текст] / С.А. Токарев. - М., Наука, 1964. – 206 с.
183. Тычкин, П.Б. Когнитивный потенциал мифа в контексте современной научной картины мира [Текст] / П.В. Тычкин // Известия Томского политехнического университета, 2012. - Т. 320. - № 6. - 178-198 с.
184. Тычкин, П.Б. Логика мифа в концепции К. Хьюбнера как эпистемологическая модель эволюции постнеклассической научной методологии [Текст] / П.В. Тычкин // Известия Томского политехнического университета. 2010. - Т. 317. - № 6. - С. 157-161.
185. Фармагей, А.Н. Современное состояние графологии [Электронный ресурс] / А.Н. Фармагей. – Режим доступа: <http://kiev-graphologist.com.ua/about-araphology/current-state.html>

186. Фейерабенд, П. Проблемы эмпиризма [Текст] / П. Фейерабенд. - М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 189 с.
187. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки [Текст] / П. Фейерабенд. - М., 1986. – 234 с.
188. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания [Текст] / П. Фейерабенд. - М.: АСТ, 2007.- 413 с.
189. Фейнман, Р. Характер физических законов [Текст] / Р. Фейнман. – М.: Наука, 1987. – 147 с.
190. Филатов, В.П. Наука в контексте идеологии и вненаучных форм знания [Текст] / В.П. Филатов. - М.:ИФ РАН, 1992. - 138 с.
191. Филатов, В.П. Социальное познание и ценности [Текст] / В.П. Филатов // Эпистемология и философия науки. - 2007. - №2. - С. 5-18.
192. Фирсов, Д. Е. Гуманитарное знание и массовая ремифологизация. [Текст] / Д.Е. Фирсов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. II. - С. 215.
193. Флоренский, П.А. Сочинения: в 4-х т. – Т.3(2) [Текст] / П.А. Флоренский. – М.: Мысль, 1999. – 394 с.
194. Фомина, З.В. Вненаучное знание в структуре современного познания [Текст] / З.В. Фомина // Философский век: Альманах. Вып.7. Между физикой и метафизикой: наука и философия. - СПб., 1998. - С. 190-196.
195. Франк, Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией [Текст] / Ф. Франк. - М.: Издательство ЛКИ, 2007. - 512 с.
196. Фрезер, Дж. Золотая ветвь [Текст] / Дж. Фрезер. - М., 1986. – 831 с.
197. Фрейд, З. Тотем и табу [Текст] / З. Фрейд. - М., 2002. – 384 с.
198. Фролов, Ю. Как провести грань между наукой и псевдонаукой [Текст] / Ю. Фролов // Наука и жизнь. 2002. - №1. - С. 32-33.

199. Фромм, Э. Забытый язык. Введение в науку понимания снов, сказок и мифов [Текст] / Э. Фром. – М.: Астрель, 2010. – 256 с.
200. Хазен, А. О. Лженауке, ее последствиях и об ошибках в науке [Текст] / А. О. Хазен // Наука и жизнь. - №10. - 2002. - С. 103-109.
201. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме [Текст] / М. Хайдеггер // Бытие и время. – М.: Республика, 1993. – С. 301-315.
202. Халимулина, Р.С. Мифологическая картина мира: гносеологический аспект [Текст] / Р.С. Халимулина: автореферат дисс. к. филос. н.: 09.00.01, - Оренбург, 2008. – 133 с.
203. Хеллман, Х. Великие противостояния в науке. Десять самых захватывающих диспутов [Текст] / Х. Хеллман. - М., 2007. - 320 с.
204. Хилл, Т. И. Современные теории познания [Текст] / И.Т. Хилл. - М.: Прогресс, 1965. - 533 с.
205. Холтон, Дж. Что такое антинаука? [Текст] / Дж. Холтон // Вопросы философии. -1992. - №2. - С. 26-58.
206. Хоменков, А. Эволюционный миф и очевидность Сотворения [Текст] / А. Хоменков // Православная беседа, 1997. С. 5-12.
207. Хюбнер, К. Истина мифа [Текст] / К. Хюбнер. - М.: Республика, 1996. – 312 с.
208. Хюбнер, К. Критика научного разума [Текст] / К. Хюбнер. – М., 2010. – 276 с.
209. Хюбнер, К. Философия науки и теология [Текст] / К. Хюбнер // Эпистемология и философия науки. 2006. - №4. - С. 17-35.
210. Хюбнер, К. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема [Текст] / К. Хюбнер // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. - СПб, 1999. – С. 34 – 53.
211. Чадаева, А. Г. Мифогенез и роль мифа в культуре общества потребления [Текст] / А.Г. Чадаева: автореферат дисс. ... к. культурологи: 24.00.01, - Москва, 2006. – 160 с.

212. Человенко, Т. Г. Миф и логос: к вопросу о сравнительном анализе гносеологических позиций [Текст] / Т.Г. Человенко // Смыслы мифа: мифология в истории культуры. – СПб., 2001. – 300 с.
213. Чижевский, А.Л. Физические факторы исторического процесса [Текст] / А.Л. Чижевский. - Калуга.: 1-я Гостиполитография, 1924. -70 с.
214. Чудинов, Э.М. Природа научной истины [Текст] / Э.М. Чудинов. - М.: Изд-во политической литературы, 1977. - 321 с.
215. Шарден, Т. Феномен человека [Текст] / Т. Шарден. - М.: Айрис, 2002. – 350 с.
216. Шеллинг, Ф. Соч. В 2 т., Т. 1 [Текст] / Ф. Шеллинг. - М., 1987. – 637 с.
217. Шипов, Г.И. Теория физического вакуума [Текст] / Г.И. Шипов. Новая парадигма. - М., 1993. – 211с.
218. Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова [Текст] / Г.Г. Шпет. - Иваново. 1999. – 216 с.
219. Шрамко, Я.В. Знания и убеждения: их развитие и критический пересмотр [Текст] / Я.В. Шрамко // Философия науки. 2005. - №1. - С. 3-19.
220. Шуйкин, Н.Н., Базян А.С. Патентный закон РФ способствует распространению «энергоинформационной терапии» [Текст] / Н.Н. Шуйкин, А.С. Базян // В защиту науки. - М.: Наука, 2006. - бюлл. №1. - С. 144-150.
221. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло [Текст] / У. Эко. - СПб.: Симпозиум, 2006. – 432 с.
222. Элиаде, М. Аспекты мифа [Текст] / М. Элиаде. - М.: Академический проект; Парадигма, 2005. – 202 с.
223. Эйнштейн, А. Физика и реальность [Текст] / А. Эйнштейн. - М., 1965. – 359 с.
224. Юнг, К.-Г. Архетипика мифа [Текст] / К.-Г. Юнг // Душа и миф. Шесть архетипов. - М., 2008. - 314-347 с.

225. Юнг, К.-Г. Введение в сущность мифологии [Текст] / К.-Г. Юнг // Душа и миф. Шесть архетипов. - М., 2008. - 5 -86 с.
226. Юревич, А.В. Наука и рынок [Текст] / А.В. Юревич // Общественные науки и современность. -1999. №1. - С. 29-38.
227. Юревич, А.В. Теневая наука [Текст] / А.В. Юревич // Вестник РАН. 2006. №3. - С. 234-241.
228. Яровенко, С.А. Научное и вне-научное знание мифология демаркации [Текст] / С.А. Яровенко // Эпистемология и философия науки. — 2008. - №4. - С. 88-108.
229. Chevalier, G. Parasciences et procédés de légitimation [Text] / G. Chevalier // Revue française de sociologie, 1986. 27-2. - P. 205-219.
230. Fuller, S. The demarcation of science: a problem whose demise has been greatly exaggerated [Text] / S. Fuller. - Pacific Philosophical Quarterly, 1985, - P. 329–341.
231. Gardner, M. Fads and Fallacies in the Name of Science [Text] / M. Gardner. – N.Y.: Dover Publications, Inc. 1957. - 373 p.
232. Hansson, S.O. Defining Pseudoscience [Text] / S.O. Hansson // Philosophia Naturalis. 1996. № 33. - P. 169–176.
233. Hansson, S.O. Science and pseudoscience (Stanford Encyclopedia of Philosophy) [Электронный ресурс] / S.O. Hansson. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/pseudo-science/>
234. Keil, F. C. Folkscience: coarse interpretation of complex reality [Text] / F. C. Keil // Cognitive Sciences. 2003. - vol.7. - №8. - P. 368 - 373.
235. Lugg, A. Pseudoscience as nonsense, Methodology and Science [Text] / A. Lugg/ - N.Y., 1992, - P. 91–101.
236. Mahner, M. Demarcating Science from Non-Science [Text] / M. Mahner// Theo Kuipers (ed.) Handbook of the Philosophy of Science: General Philosophy of Science. - Amsterdam: Elsevier, 2007. - P. 515-575.
237. Quine, W. Ontological relativity and other essays [Text] / W. Quine. - N.Y., 1969. - 78 p.

238. Ruse, M. But is it science? The philosophical question in the creation/evolution controversy, Prometheus Books. Scientific glasnost [Text] / M. Ruse // Nature. -2010.-№464. - P.141-142.

239. Settle, T. The Rationality of Science versus the Rationality of Magic [Text] / T. Settle // Philosophy of the Social Sciences. 1971.-№1. - P. 173-194.

240. Shermer, M., Gould S.J. Why People Believe Weird Things Pseudoscience, superstition, and other confusions of our time [Text] / M. Shermer. - N.Y.: Holt Paperbacks., 2002. – 349 p.

241. Stewart, M. The management myth [Электронный ресурс] / M. Stewart. – Режим доступа: <http://www.theatlantic.com/doc/200606/stewart-business>.

242. Wolpert, L. Pseudoscience and antiscience [Text] / L. Wolpert // Nature. 1988. - № 6178. - 114 p.